

Нелли Игнатова

Время любить Исполнение желаний

Книга 3

18+

современный любовный роман

Нелли Игнатова

**Время любить.
Исполнение желаний**

«Автор»

2026

Игнатова Н. Ю.

Время любить. Исполнение желаний / Н. Ю. Игнатова —
«Автор», 2026

Вторая любовь Марии оказалась не менее счастливой, чем первая. У неё любящий муж Сергей и четверо прекрасных детей. Мария мечтает, чтобы дети были счастливы, и все их мечты и желания исполнились. А для себя у неё только одно желание. Родить еще одного ребёнка. Двухтысячные! Действие романа начинается в июне 2000 года и продолжается до декабря 2014. (в тексте присутствует упоминание алкогольного опьянения и его последствий, нетрадиционной ориентации, аборта, которые автор осуждает; интимные сцены без анатомических подробностей)

© Игнатова Н. Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. АЛИСА	5
ГЛАВА 2. АЛИСА + ДИМА	18
ГЛАВА 3. РАДИК – ФИГУРИСТ	31
ГЛАВА 4. ПРОСТО РАДИК	43
ГЛАВА 5. РАДИК + МАША	54
ГЛАВА 6. МАША	67
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Нелли Игнатова

Время любить. Исполнение желаний

Глава 1. АЛИСА

Июнь – июль 2000 г.

Алиса сидела в своей комнате, задумчиво глядя на зелень деревьев в саду у дома. Сегодня выпускной бал. Но даже на этот последний школьный вечер не хотелось идти. Ну что там будет интересного? Мальчишки опять будут глазеть на неё, как на какую-нибудь звезду Голливуда и чуть ли не драться за право потанцевать с ней. И, не дай Бог, она действительно с кем-то потанцует! Парень сразу сочтет, что она к нему равнодушна, и потащит в какой-нибудь укромный уголок целоваться, его девчонка будет плакать, а потом побежит к реке топиться.

«Не такое уж это счастье – быть красивой, – думала Алиса. – Девчонки боятся дружить со мной, а мне приходится принимать гордый и высокомерный вид, чтобы их мальчишки не бегали за мной. Но они всё равно бегают... Пожалуй, схожу только на вручение аттестатов, побуду немного, и пойду домой».

– Алисочка, мы не опоздаем? – в комнату заглянула Мария. – Как, ты еще не одета?

Мама и папа пойдут сегодня с Алисой на вечер. Потому что это радостный и волнующий день не только для неё, но и для них.

– Я сейчас, мамочка.

Алиса пошла переодеваться.

Надела платье, которое сшила сама. Оно было из дорогой ткани, но очень простого покроя. Алиса настояла, чтобы платье было неброским, хотя Мария предлагала фасоны, более соответствующие торжественности вечера. Алиса ответила, что и так красива, и ей незачем изощряться.

– Как я выгляжу, мама? – Алиса вышла из-за створки шифоньера, и повернулась перед Марией, словно манекенщица.

– Ты прекрасна, спору нет, – ответила Мария. – И платье у тебя очень красивое, но слишком простенькое. Может, наденешь то, в котором встречала новый год?

– Нет, пойду в этом, – упрямо сказала Алиса, и подумала: «Мама же не знает, что для меня этот вечер мало что значит».

Алиса и Мария спустились в гостиную, где их ожидала вся семья.

– Алиска, ты, как всегда, выглядишь на все сто, – сказал Радик.

– Спасибо, братик, – улыбнулась старшая сестра.

– Ой, Алиска, я тебе завидую! – вздохнула Машенька. – А мне еще пять лет учиться!

– А мне еще больше, – добавил Алёшка.

Алиса взглянула на Диму, который сидел тут же, на диване, и с улыбкой смотрел на племянницу.

– Поздравляю с началом взрослой жизни, – сказал он. – Ты станешь королевой бала.

– Может, ты пойдёшь с нами? – спросила Алиса.

– Нет, что мне там делать. С тобой будут папа и мама.

– В самом деле. Идемте, я готова.

Алиса, Мария и Сергей вышли на улицу. За ними вышли и остальные, проводить до калитки. Уже садясь в машину, Алиса вспомнила, что хотела что-то сказать Диме.

– Папа, одну минуточку, – она вышла из машины и подбежала к дяде. – Дим, ты сегодня чем занят?

– Да ничем, – пожал он плечами.

- Приди за мной в кафе часов в десять? А то я боюсь одна возвращаться.
- Разве ты не хочешь остаться на всю ночь? – удивился Дима.
- Ты же знаешь, я не люблю школьные вечера, – поморщилась Алиса.
- Но этот вечер особенный, – возразил Дима.
- Для меня – нет. Так придёшь?
- Если ты так хочешь, конечно, – Дима не мог отказать любимой племяннице.
- Спасибо, – радостно ответила Алиса и побежала к машине.

*

В актовом зале школы, в котором проходила торжественная часть выпускного вечера, уже собралось много выпускников и их родителей. Девушки сегодня были все прекрасны, и каких только нарядов не было! Шёлк, органза, кружева. Декоры, стразы, шлейфы. И только у Алисы на платье не было ни одного украшения, ни одной лишней складочки.

Но когда Алиса вошла в зал и подошла к своим одноклассницам, весь их блеск померк рядом с её красотой. Их наряды стали казаться слишком вычурными, а лица – слишком размазанными. Алиса знала цену своей красоте, хотя никогда не придавала ей большого значения.

Мария заметила, как взгляды всех юношей в зале обратились к её дочери, притянутые, словно магнитом, и вдруг вспомнила, каким волнующим и радостным было начало выпускного вечера для неё, каких чудес она ждала от него! А потом... потом она весь вечер простояла у стены, её пригласили потанцевать всего три раза. Да, когда гуляли по селу и жгли костер на берегу Вятки, было весело. А после Мария возвращалась домой одна, так как все подружки потихоньку смылись с мальчишками. Было одиноко и грустно, и она с тоской думала, что ожидала чуда напрасно. А потому не очень любила вспоминать свой выпускной бал.

Но с Алисой такого не произойдет никогда. Вон как все мальчишки на неё смотрят. Она никогда не будет одна.

Директор школы сказал речь, выпускникам вручили аттестаты зрелости, и родители разошлись и разъехались по домам. Выпускники переместились в кафе, недалеко от школы, арендованное специально для выпускного бала. Там для них были организованы ужин и дискотека.

Посидев за столом с одноклассниками, Алиса вышла в фойе кафе и села в кресло. Она просидела в одиночестве не меньше получаса, когда в фойе вышла Полина – одноклассница Алисы и единственная близкая подруга, за исключением Маши.

– Алиса? – удивилась Полина. – Я думала, ты домой укатила. Я даже обиделась, что со мной не попрощалась.

– У меня было желание уйти, – ответила Алиса. – Но я бы тебе сказала, если бы действительно собралась уходить.

Алиса и Полина были подругами, но более странную пару трудно представить: красавица и дурнушка. Впрочем, Алиса совсем не считала Полину дурнушкой, хотя у неё был непропорционально длинный нос и угловатое лицо. Зато она очень добрая, деликатная и независимая. Её нисколько не смущало отсутствие кавалеров, а Алиса всегда говорила, что мальчишки просто дураки, если воротят нос от Полины. Потому что она считала, что внешняя красота в девушке – совсем не главное.

- Если ты не ушла домой, то почему сидишь здесь?
- Жду. В десять часов за мной придёт Дима.
- А, твой дядя.
- Ага.
- Но еще только восемь часов! Что, так и будешь сидеть здесь, пока он не придёт?
- А что еще делать?
- Пойдём, потанцуем. Там давно все танцуют.
- Ты же знаешь, эти примитивные танцы меня не привлекают, – усмехнулась Алиса. – Да и девчонки, наверное, рады-радешеньки, что меня нет.

– Да уж, это так, – согласилась Полина. – Зато мальчишки тебя обыскались. Пойдём, покажем, как надо танцевать.

Алиса немного оживилась.

– Пойдём.

Издалека они могли сойти за девушку и юношу, так как Полина была в брюках. Она всегда ходила в брюках, и даже для выпускного бала не сделала исключения. Но сегодня на ней были не джинсы и джемпер, как обычно, а белые брюки свободного покроя из тонкой шерсти и красивый белый трикотажный блузон, отделанный пухом и жемчужными бусинами. Прическа – короткое каре. Фигура у Полины стройная, но она считала себя слишком худой, поэтому и носила всегда только брюки.

Итак, они могли сойти за парочку, но только издалека, и только на первый взгляд, так как, несмотря на вечные брюки, Полина была очень женственна, хотя пока не догадывалась об этом.

Они вошли и остановились у двери. В зале все танцевали. Алиса поморщилась: ей не нравилась музыка. Она предпочитала не новые ультрамодные группы, а старые, девяностых годов: «Секрет Сервис», «Энигма» – то, что нравилось Диме.

– Попрошу включить что-нибудь старенькое, – сказала Алиса и пошла к музыкальному центру кафе.

Зазвучала музыка – одна из композиций «Энигма» – диск-жокей, как всегда, не смог устоять перед очаровательной улыбкой Алисы.

Подруги вышли на середину зала, так как она сразу опустела – девушки и юноши не знали, как танцевать под эту музыку. А Алиса и Полина танцевали. Изящные позы, повороты, летящие движения. Красота в чистом виде.

Полину, как и Алису, не привлекали массовые танцы, и она тоже редко посещала школьные вечера и дискотеки. Вместо этого подруги закрывались в комнате одной из них, включали магнитофон и сами придумывали разные танцы, в которых было понемногу от вальса, ламбады, фокстрота, самбы и ча-ча-ча. Придумывать танцы Алисе помогали многолетние занятия фигурным катанием. И хотя она уже три года, как бросила секцию, хореографические навыки остались. А Полина от природы очень пластична. Они так понаторели в своих танцах, что могли теперь танцевать экспромтом, под любую понравившуюся музыку.

Композиция закончилась, и девушки на мгновение застыли в картинной позе. Зрители невольно зааплодировали. Подруги направились к выходу, улыбающиеся, разгоряченные танцем. За ними устремилось не менее десятка юношей, сразу позабывших про своих подруг.

– Мы вас с собой не звали, – холодным тоном остановила их Алиса.

Когда они уселись в кресла в фойе, Алиса сказала:

– Лин, извини, может, ты хотела, чтобы ребята пошли с нами?

– Вовсе нет. Ты же понимаешь, что мальчишки побежали за тобой, а не за мной.

– Не понимаю, что им от меня нужно, – пожала плечами Алиса.

– Мужчин привлекают неприступные женщины, – философски ответила Полина.

– Будешь тут неприступной, если не хочешь, чтобы тебе выпарапали глаза, – проворчала Алиса и спросила: – Сколько сейчас времени?

– Пятнадцать минут девятого.

– Как медленно идёт время! До десяти еще почти два часа! – вздохнула Алиса.

– Алис, послушай, что у тебя с твоим дядей? – спросила вдруг Полина.

– Ничего, – быстро ответила Алиса. – Мы просто дружим уже много лет.

– И ты ждёшь с таким нетерпением просто друга? – недоверчиво усмехнулась Полина.

– Ну да, а что в этом удивительного? Здесь так скучно.

– Ты права, – согласилась Полина. – Может, пойдём еще потанцуем?

– Не хочется. Со мной все девчонки чувствуют себя не в своей тарелке. Кроме тебя. Лин, а почему ты дружишь со мной, а все остальные девчонки ненавидят?

– Потому что у меня нет причин ненавидеть тебя, – улыбнулась Полина. – И потому, что ты дружишь со мной. А тебе хотелось бы дружить со всеми? Знаешь, так не бывает.

– Ну, не дружить, а хотя бы иметь хорошие, приятельские отношения. За что они меня ненавидят?

– Ненавидят – слишком сильно сказано. Они просто боятся. Вдруг тебе в голову придёт отбить у них парней. Тебе стоит только пальцем поманить, и все мальчишки окажутся у твоих ног.

– Но если так, значит, они не любят своих подруг, – заключила Алиса. – Зачем тогда держаться за таких парней?

– Полагаю, незачем, – кивнула Полина. – Алис, а тебе не хотелось бы сыграть такую шутку? Было бы любопытно посмотреть.

– Если бы я была таким же ребёнком, как все они, – Алиса махнула рукой в сторону зала, где остались одноклассники. – Непременно сделала бы это. Но мне не нужна любовь этих сопляков. Как девчонки не понимают, что я не собираюсь отбивать у них парней?

– Когда влюбишься, будешь бояться даже такой уродины, как я, – засмеялась Полина.

– Линка, ты вовсе не уродина, – возразила Алиса. – И сама знаешь это, иначе вела бы себя совсем не так.

– А как?

– Сидела бы вечно где-нибудь в уголке, чтобы поменьше бросаться в глаза, и считала бы за счастье, если какой-нибудь самый незаметный пацан пригласил бы тебя танцевать.

– Откуда ты знаешь, как должна вести себя некрасивая девушка? – удивилась Полина.

– А вот знаю.

– Алис, а ты любишь кого-нибудь? – спросила вдруг Полина.

– Маму, папу, братьев, сестру, – с лукавой улыбкой начала перечислять Алиса.

– Нет, я не про это, – нетерпеливо прервала её подруга. – Любишь ли ты какого-нибудь мальчика?

– Мальчика – нет, – честно ответила Алиса. – А ты?

– И я нет, – сказала Полина и вдруг призналась: – Вообще-то я люблю одного парня, но он не существует в природе.

– Не существует? Как это? – в свою очередь удивилась Алиса.

– А так. Потому что я его придумала, – ответила Полина. – Знаешь, какой он?.. Не красавец, но симпатичный, умный, чуть выше меня ростом, добрый и немного застенчивый. Пишет стихи, играет на гитаре... Только мне кажется, такого в жизни я никогда не встречу.

Девушка вздохнула.

– Ты как моя мама, – улыбнулась Алиса. – Она рассказывала, когда ей было четырнадцать лет, она придумала себе мальчика, потому что была некрасивая, и с ней никто не хотел дружить.

– Это твоя-то мама некрасивая? Она такая же красавица, как ты!

– А в юности не была красивой. По крайней мере, она сама так думала. Поэтому в школе старалась казаться незаметной. А потом поступила в институт и поняла, что девушки, еще более некрасивые, не имеют никаких комплексов насчет своей внешности. Мама избавилась от комплексов, и стала красивой. Кстати, потом она встретила юношу, которого придумала... моего папу.

– Правда? – удивилась Полина.

– Да, его даже звали так, как она придумала. Он был очень красивый, я показывала тебе фото, помнишь?.. Он умер, когда мне было всего пять лет. А папа Сергей был влюблен в маму еще с первого курса... Сколько времени, Полина?

– Скоро девять.

– Лин, знаешь... чего тебе сидеть здесь со мной? Иди, танцуй.

– Если хочешь остаться одна, так бы и сказала, – проговорила Полина без всякой обиды.
– Ты же знаешь, я тоже не люблю современные танцы. Я бы потанцевала еще с тобой, но ты не хочешь.

– Ладно, пойдём, еще немного потанцуем, – согласилась Алиса.

Девушки вернулись в зал. И снова все зачарованно смотрели, как они танцуют, но присоединиться никто не решился. Закончив танец, Алиса и Полина пошли к выходу. Уже у самой двери услышали чей-то громкий шепот за спиной:

– Они лесбиянки.

Полина возмущенно вспыхнула и оглянулась. Но кто сказал эти слова, понять уже было невозможно. Алиса осталась спокойной, только крепче сжала руку подруги. Они вышли из зала в фойе и остановились у окна.

– Не обращай внимания, – сказала Алиса подруге, которая чуть не плакала от обиды. – Лесбиянки такие же люди, как и все, хотя мозги у них, конечно, набекрень. Но у каждого в голове свои тараканы... Сколько уже времени, Полина?

– Десять минут десятого.

– Лин, если тоже хочешь пойти домой, мы с Димой тебя проводим, – предложила Алиса.

– Спасибо, не надо. Я не боюсь ходить одна.

Алиса знала. Полина с первого класса занималась каратэ, и поэтому смело ходила по городу в любое время суток. А Алиса боялась ходить вечером одна.

– Мне всё-таки хочется остаться и посмотреть, что будет дальше, – добавила Полина.

– Как хочешь. Расскажешь потом.

– Всенепременно.

Алиса, взглянув в окно, радостно вскрикнула:

– Дима идёт! Ну, я побежала, пока! Не скучай!

Она торопливо чмокнула подругу в щеку и выбежала из кафе навстречу Диме.

– Привет!

– Привет, красавица. Ты что, ждала меня?

– Да. Я там чуть со скуки не умерла, хорошо, что ты пришёл раньше.

– Ну что, идём домой?

– А ты на машине или пешком?

– Пешком. Здесь же недалеко, – ответил Дима. – Ну что, пошли?

– Нет, давай не пойдём сейчас домой, – предложила Алиса. – Давай погуляем. Такой хороший вечер, у меня выпускной, и мне просто необходима прогулка. Пойдём?

– Пойдём, – согласился Дима.

Он накинул Алисе на плечи свой пиджак, обнял, и они пошли по улице, куда глаза глядят. Им было хорошо вот так, молча идти по улице и улыбаться наивности прохожих, которые принимают их за влюбленных. Впрочем, прохожие были не так уж неправы.

Алиса и Дима часто гуляли по городу, но всегда днём, а вечером это случилось впервые. Дима всегда считал своим долгом привести племянницу домой не позже десяти. Но сегодня был особенный для Алисы день, и Дима не смог ей отказать.

Было светло, но солнце уже посылало из-за горизонта последние лучи, когда Алиса с Димой подошли к реке, и остановились на Набережной.

– Посидим? – предложила Алиса.

– Устала? – спросил Дима.

Они сели рядом на скамейку. Алиса сбросила обувь.

– Я же знала, что нельзя надевать на бал новые туфли.

– Натерла ноги?

– Немного. Пустяки, – ответила Алиса, и спросила: – Дим, а я похожа на маму?

– Конечно, – кивнул он. – А почему ты спрашиваешь?

– Просто так, – неопределенно пожала плечами Алиса и снова задала вопрос: – Дима, скажи, а почему ты не женишься?

– Ты совсем, как твоя мама, – рассмеялся Дима. – Вы что, сговорились? Теперь обе будете пытаться женить меня?

– Нет, – Алиса почему-то смутилась, и Диму это немного удивило. – Мы не сговаривались. А всё-таки, почему ты никак не женишься?

Дима помолчал немного, всё еще удивляясь, почему Алиса начала задавать такие странные вопросы, а потом ответил:

– Какие мои годы? Еще успею. Только это шутка. Я никогда не женюсь.

– Почему?

– Не хочу повторять ошибки старшего брата.

– Но он не ошибся, женившись на маме.

– Да, – согласился Дима. – Но до твоей мамы он был женат, и это была его ошибка. Ему повезло, что он встретил твою маму. Но таких женщин, как она, больше нет.

– Ты любил мою маму?

Дима несколько мгновений молчал, раздумывая, можно ли говорить об этом с девочкой.

– Послушай, зачем ты затеяла этот разговор? – спросил он вместо ответа.

Алиса обняла руками колени, положила на них голову так, что каскад золотистых длинных локонов совсем скрыл её лицо от Димы.

– Просто хочу знать.

– Твоя мама – жена моего брата, и этим все сказано, – уклончиво ответил Дима.

– Ты любил её, – уверенно сказала Алиса, не поднимая головы.

– Почему ты так думаешь?

– Я же не слепая, видела, как ты на неё смотрел.

– Ты тогда была еще маленькая!

– Не настолько, чтобы не заметить!

– Ну да, да, я любил её! – признался Дима. – Твое любопытство удовлетворено?

– Ты и сейчас её любишь? – вместо ответа спросила Алиса.

Дима не знал, что ответить. Вопросы девушки застали его врасплох, загнали в тупик. Что с ней сегодня такое?..

– Ты и сейчас её любишь? – повторила она вопрос.

Дима снова не ответил. Он не видел, как Алиса все больше хмурилась под вуалью золотых кудрей, и как она нервно покусывала прядь волос.

– Я не знаю, – после недолгого молчания, наконец, сказал Дима, и это в большей степени соответствовало правде. Мария всегда относилась к нему, как к младшему брату, и он, в конце концов, привык к этому.

– А если бы ты встретил такую девушку? Такую, как мама? Женился бы на ней?

– Не знаю... наверное, – ответил Дима, совсем растерявшись.

– Тогда женись на мне! – Алиса подняла голову и взглянула на Диму.

– На тебе?! – он был так шокирован, что больше ничего не мог сказать, глядя на Алису изумленно и растерянно.

Она не отвела взгляда.

– Ты же сам сказал, что женился бы, если бы встретил девушку, такую, как моя мама! И ты сам сказал, что я на неё похожа!

– Да, Алиса, ты очень похожа на свою маму, и я женился бы на тебе, если бы тебе было не шестнадцать лет, а мне не двадцать восемь! – ответил Дима.

– Мне скоро семнадцать, – заметила Алиса.

– Я старше тебя на одиннадцать лет!

– Какое это имеет значение, если я тебя люблю?

– Я тоже люблю тебя, Алиса, но... – Дима замялся и замолчал.

– Но не настолько, чтобы жениться на мне, да?

– Нет, Алиса, я очень тебя люблю, но я твой дядя, а значит, близкий родственник.

– Ты прекрасно знаешь, что мы вообще не родственники! – воскликнула Алиса, вскочив со скамейки. – Почему ты не хочешь взять меня замуж, если любишь?

Дима встал, обнял девушку, которая дрожала то ли от ночной прохлады, то ли от волнения, и сказал как можно убедительнее:

– Алиса, моя дорогая... Я очень люблю тебя. Но я для тебя слишком стар. Ты внушила себе, что влюблена в меня, однако это не так. Ты еще очень молода, и влюбишься еще не раз, вот увидишь.

– Нет! Я никогда никого не полюблю, потому что давно люблю тебя! Мне никто не нужен, кроме тебя! – проговорила Алиса, с трудом сдерживаясь, чтобы не заплакать.

– Не говори так, моя девочка, – ласково сказал Дима. – Тебе стоит только оглядеться, и ты увидишь, как много вокруг мальчиков, достойных твоей красоты. А я... ты посмотри, у меня уже есть морщины и седые волосы.

– Только в лупу рассматривать твою седину, – усмехнулась Алиса. – И вообще, прекрати разговаривать со мной, как с ребёнком! Я давно не маленькая!

– Алиса, успокойся. Пойдём домой, уже поздно, – попытался Дима уйти от разговора, приведшего его в полное смятение.

– Может, ты не хочешь взять меня замуж, потому что всё еще любишь маму? – спросила Алиса.

– Нет. Я уже сказал, почему.

– Но, Дима, ты же не старый! Ты читал «Унесенные ветром»? А «Анжелику»? Ретт Батлер был старше даже матери Скарлетт! А Жюфрей де Пейрак был старше Анжелики на двенадцать лет!

– Начиталась романов, – усмехнулся Дима и добавил серьёзно: – Алиса, давай, как раньше, будем просто друзьями. Мы еще погуляем на твоей свадьбе, и ты будешь смеяться, вспоминая этот разговор.

– А ты будешь смеяться сейчас, да? – с обидой спросила Алиса. – Ну и смейся, только без меня!

Она вырвалась из объятий Димы, и, как была босиком, так и помчалась по набережной прочь. Он, от неожиданности помедлив секунду, бросился за ней, догнал уже на перекрёстке.

– Алиса! Ты куда?

– Всё равно куда, лишь бы подальше от тебя! – ответила она, пытаясь вырваться, но теперь Дима держал крепко. – Оставь меня в покое!

– Ну вот, говоришь, уже взрослая, а ведёшь себя, как ребёнок, – сказал он, и она перестала вырываться. – Алиса, ты сама потом поймёшь, что я прав, – начал объяснять Дима. – Пойми, я не хочу разочаровывать тебя. Как дядя, как друг я тебе нравлюсь, но как муж... это может оказаться совсем не то, чего ты от меня ожидаешь. Поэтому давай просто останемся друзьями. И пойдём домой.

Он повел Алису по улице к стоянке такси, и она пошла, уже не сопротивляясь.

– Ай! – девушка невольно вскрикнула, наступив на острый камешек.

Дима вспомнил, что туфли Алисы остались на набережной.

– Хочешь, понесу тебя? – спросил он.

– Если бы ты хотел, чтобы я стала твоей невестой, я бы согласилась, – ответила Алиса. – Давай лучше вернемся за туфлями.

Они вернулись обратно, но туфель у той скамейки уже не было. Алисе почему-то стало смешно, и она тихонько рассмеялась, спрятав лицо в ладони. Дима, услышав смех, вздохнул свободнее, и тоже засмеялся. Вскоре они оба хохотали, как безумные.

А когда приступ смеха прошёл, Алиса сказала:

– Ладно, придётся идти босиком.

– Давай я всё-таки понесу тебя, – снова предложил Дима, и хотел уже поднять её на руки, но она отскочила:

– Нет. Только невест женихи носят на руках, а ты не хочешь, чтобы я была твоей невестой.

– А разве дяди не носят на руках своих племянниц? – шутливо спросил Дима.

– Нет, они носят их на закорках, – в том же тоне ответила Алиса.

– Тогда полезай мне на спину, – предложил Дима.

Алиса встала на скамейку и обняла Диму сзади за шею. Он обхватил её ноги под коленками, и понес к стоянке такси. Она положила голову ему на плечо, и Дима почувствовал её дыхание на своей щеке. Ему и раньше приходилось носить Алису таким способом, когда она была моложе, но сейчас, после признания в любви слабое дуновение её дыхания приводило его в трепет. Как же он не заметил, что девочка уже выросла?..

Они приехали домой в четыре утра. В доме все спали, и Алиса с Димой разошлись по своим комнатам. Но прежде Алиса тихо окликнула Диму, направившегося к своей комнате.

– Дима! А ты разве не поцелуешь меня перед сном, как обычно?

– Конечно, поцелую, – он вернулся и прикоснулся губами ко лбу девушки. – Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – ответила Алиса, и побежала к себе.

А Дима еще несколько мгновений стоял в коридоре, слушая, как тихо шелкнула, закрываясь, дверь её комнаты, и представлял, как Алиса расправляет постель, идет в ванную, стоит под душем, надевает махровый халат... Уже лежа в постели, он не переставал думать о ней. Едва закрывал глаза, как видел её перед собой, чувствовал на своей щеке её дыхание, и шелковистые волосы, упавшие ему на грудь, и просочившиеся сквозь сетчатую рубашку...

Дима долго не мог уснуть, думая об Алисе. Как так получилось, что любимая племянница вдруг превратилась в любимую девушку? Он понял, что любит её совсем не как племянницу. Но жениться на ней всё же не может. Она такая юная, он не имеет права вторгаться в её жизнь.

Когда Дима, наконец, уснул, Алиса ему приснилась.

*

Алиса тоже долго не спала, думая о Диме. О, как давно она его полюбила! Лет десять назад, а то и больше, наверное, с того момента, как впервые увидела. Поэтому и старалась поскорее вырасти, и вот она уже взрослая, а он никак не хочет принимать её всерьёз... Алиса знала, что Диме нравилась её мама, поэтому во всём хотела походить на неё, и думала, он будет рад взять её в жены...

Утром Алиса проснулась рано, и долго сидела в комнате, прислушиваясь к звукам в коридоре – когда откроется дверь комнаты Димы. Но всё было тихо. Тогда она вышла в коридор, заглянула в комнату Димы и увидела, что его нет. Алиса спустилась в гостиную.

Там была только мама, сидела на диване и что-то вязала.

– Доброе утро, – сказала Алиса.

– Доброе утро, дочка, – ответила Мария, взглянув на Алису. Увидев, что девушка выглядит усталой и бледной, спросила: – Ты хорошо провела время на выпускном?

– Да, мама, хорошо. А где... все?

Она хотела, как всегда, спросить, где Дима, но вдруг испугалась, что мама обо всём догадается.

– Радик, Маша и Алёша ушли гулять, – ответила Мария. – Папа с Димой поехали на рынок.

– И меня не разбудили, – немного обиженно сказала Алиса.

– Ты пришла поздно, они пожалели тебя, и не стали будить. Завтракать будешь?

– Нет, пока не хочется.

– Алиса, что с тобой? Ты какая-то грустная, – обеспокоено проговорила Мария. – Ты здорова?

– Mamочка, у меня всё в порядке. Я просто не выспалась.

Она под села к Марии и взяла в руки вязание.

– Что ты вяжешь?

Мария не успела ответить, потому что двери гостиной вдруг распахнулись во всю ширину, и в них влетел сияющий Алёшка. В руке он держал какую-то бумажку.

– Мама! Алиска! Завтра к нам приезжают Изабель и тётя Элеонора! – прокричал он радостно, и протянул Марии телеграмму.

«Приедем понедельник встречать не нужно дорогу знаем Элеонора Изабель», – прочитала Мария.

С той незабываемой поездки в Париж летом тысяча девятьсот девяносто седьмого года, когда Мария пригласила Элеонору приехать к ним в гости, Элла с дочерью приезжали к Морозовым каждое лето на две-три недели. Мария с Элеонорой стали нежными подругами, и она всегда радовалась их приезду. Но больше всех был рад Алёшка, потому что с Элеонорой приезжала Изабель, с которой он подружился еще в Париже. Алиса относилась к Элеоноре с вежливым равнодушием. Но сейчас она почувствовала недовольство.

«Элеонора с Изабель приезжают! – хмуро подумала она. – Это значит, всё время надо проводить с ними, и у меня будет меньше шансов поговорить с Димой... Что же делать? Если он любит меня, он передумает, и женится. Я должна помочь ему передумать. Но если приедут гости, это будет почти невозможно, пока они не уедут. А я не могу терять целых две недели, я должна поговорить с ним сегодня».

Сергей и Дима вернулись с рынка с полными сумками овощей и фруктов, и Мария с Алисой прошли готовить обед.

Впервые Алисе не хотелось готовить. Вообще ничего не хотелось, а хотелось сидеть и ждать, когда войдёт Дима и скажет, что был неправ, и что он готов жениться хоть сейчас. Но мама не должна ничего заметить, и поэтому Алиса с обычной энергией занялась нарезкой овощей для супа.

– Ай! – вдруг вскрикнула она, порезав палец.

– Что случилось? – обернулась к ней Мария.

Увидев кровь на руке дочери, она достала из аптечки йод, пластырь, и заклеила ранку.

– Алисочка, иди к себе, я сегодня справлюсь одна, – ласково сказала Мария. – Ты устала вчера, не выспалась. Иди, полежи.

В другое время Алиса воспротивилась бы, но сейчас только смущенно улыбнулась:

– В самом деле, я лучше пойду, мама.

Она убежала в свою комнату, бросилась на постель и расплакалась. Дима давно вернулся с рынка, но даже ни разу не подошёл к ней. Изабель с Элеонорой еще не приехали, а шансы поговорить с Димой уже почти равны нулю... Ладно, еще не вечер. Алиса вытерла слёзы и пошла в ванную. Она должна выглядеть неотразимой. Чтобы Дима не смог устоять.

Она с трудом дождалась вечера, а когда все легли спать, и в доме воцарилась тишина, встала, и на цыпочках подошла к двери комнаты Димы, осторожно постучала и вошла.

– Дима, ты спишь?

– Нет, – после недолгих колебаний ответил он, и Алиса подошла к его постели.

Он включил ночник и сел, прикрывшись одеялом, насколько это было возможно.

– Ты стал меня стесняться? – удивилась Алиса.

– Ты взрослая девушка.

– Значит, ты непустишь меня погреться под свое одеяло, как раньше?

Дима смутился. Раньше не было ничего особенного в том, что он разрешал племяннице греться под своим одеялом, но сейчас, представив, как Алиса ложится рядом, и прижимается к его боку, почувствовал, что краснеет.

– Тебе холодно? – спросил Дима, поборов смущение.

– Да.

Девушка была босиком, в шёлковой ночной сорочке и шёлковом же пеньюаре. Ночь была прохладной, а в комнате открыто окно. Дима встал, прикрыл окно, усадил Алису на кровать и заботливо укутал своим одеялом, а сам надел халат и сел рядом.

– Значит, ты меня не любишь? – тихо спросила Алиса.

– Люблю. Как свою племянницу.

– Значит, ты не женишься на мне?

– Нет.

– Ну, не хочешь жениться, не надо, – сказала Алиса, и её голос дрогнул от волнения. – Я хочу быть твоей... так.

– Алиса! – Дима возмущённо вскочил. – Как ты смеешь предлагать себя, как девица лёгкого поведения? Не ожидал, что ты готова на такое!

– Я готова на всё! – с вызовом ответила Алиса. – Потому что люблю тебя.

Дима промолчал. Отошел к окну, глубоко вдыхая прохладный ночной воздух. Его била дрожь, но не от холода, а от желания, волнения, негодования, и еще чёрт знает, от чего. С трудом справившись с собой, Дима повернулся к Алисе, и сказал относительно спокойно:

– Никогда больше не смей предлагать себя. Ни мне, никому другому, поняла? У тебя должна быть гордость. Ты слишком красива, чтобы предлагать себя первому встречному.

– Но ты не первый встречный! – возразила Алиса. – Спроси любую девчонку в нашем классе, спала ли она с парнем, и она ответит, что спала! Все, кроме меня, да, может быть, Полины.

– А тебе завидно, да? Что ты, такая красивая, и еще ни разу ни с кем не занималась любовью? – усмехнулся Дима. – И ты решила переспать со мной.

– Дурак! – Алиса вскочила и хотела ударить Диму, но сдержалась. – Я не хочу заниматься с тобой любовью! Я на самом деле тебя люблю!

Она не выдержала и расплакалась. Дима подошёл к ней и обнял за плечи.

– Прости, Алиса, я ценю твое чувство ко мне, но пойми, я не могу взять тебя замуж! И любовником быть тоже не могу! Ты поймёшь, что я прав, когда влюбишься по-настоящему. Иди спать, милая. Я не хотел тебя обидеть.

– И я... не хотела... Просто я люблю тебя, и хочу быть твоей женой.

– Алиса... ты еще такая наивная... Ты чиста, как утренняя роза, а я... я спал уже со многими женщинами. Я просто тебя не достоин.

Дима сказал это, надеясь, что Алиса рассердится. Он хорошо помнил, как ревновала его брата первая жена, даже к несуществующим любовницам. Дима ожидал, что Алиса возмущенно скажет: «Подлец!», влепит пощечину и гордо удалится. Но ничего такого не произошло. Она продолжала спокойно стоять посреди комнаты.

– Когда это ты спал с другими женщинами? Ты же все время был со мной.

«Железная логика», – подумал Дима, и решил, что если уж говорить правду, то не половину, а всю, до конца.

– Помнишь мои задержки на работе? Я задерживался там не больше, чем на час. В остальное время я встречался с девушками.

– А почему скрывал это от мамы и папы?

– Потому что, узнав о моих похождениях, они заставили бы меня жениться. А я не хотел. Видишь, Алиса, я совсем не ангел.

– Знаю. Мне безразлично, с какими девушками ты встречался, и чем ты с ними занимался, если ты не хотел на них жениться. Я всё равно люблю тебя.

– Послушай, Алиса, иди спать, и давай не будем возвращаться к этой теме, – сказал безоружный Дима. – Я не могу взять тебя замуж. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – сказала Алиса и ушла к себе.

Но оба еще долго не могли уснуть.

*

Днём приехала Элеонора с дочерью. Для них были приготовлены комнаты для гостей на первом этаже. Алиса спустилась в гостиную, когда её разбудили громкие радостные голоса Изабель и Алёшки.

– Алиса, с тобой всё в порядке? – забеспокоилась Мария, увидев, что дочь снова бледна, а под глазами темные круги.

– Конечно, мама, не беспокойся. Просто я забыла закрыть окно, и комары всю ночь не давали мне спать.

– Ты стала еще красивее, моя дорогая, – сказала Элеонора.

– Вы тоже, – вежливо ответила Алиса. – Мам, я пойду к себе, постараюсь поспать еще немного.

– Конечно, иди, – кивнула Мария.

Алиса ушла в свою комнату, но, как ни старалась, не могла сомкнуть глаз.

– С девочкой что-то творится со вчерашнего дня, – поделилась Мария опасениями с подругой.

– Просто она влюбилась, – ответила Элеонора. – Успокойся, Маша, тот, кого она выбрала, будет просто счастлив. Нет на свете мужчины, который отказался бы от Алисы.

– Да, ты права, – согласилась Мария, но какое-то беспокойство осталось.

Весь день Алиса провела в своей комнате, вышла только пообедать. Сергей и Дима на обед не приехали, и она обедала в обществе братьев, сестры, мамы, Изабель и тёти Элеоноры.

Потом Мария пригласила всех на традиционную экскурсию по городу, по знакомым Элеоноре с детства местам. Алиса ехать отказалась, сославшись на то, что обещала пойти к подруге, и осталась дома. А остальные сели в «Ниссан» – микроавтобус теперь стал маминой машиной, а папа купил себе «Жигули», чтобы ездить на работу, – и уехали.

Алиса почти никогда не оставалась одна, дома всегда кто-нибудь был: мама, сестра или один из братьев. А сейчас в доме было пусто и тихо.

«А, в самом деле, не сходить ли мне к Полине?» – подумала Алиса, и, быстро приведя себя в порядок, отправилась к подруге, которая жила на соседней улице.

Полина была дома.

– Привет, Алиса! А я только что собиралась пойти к тебе! Позвонила, а у вас дома никого нет! – воскликнула она, открыв дверь.

Алиса вошла.

– Привет, Лина. Наверное, ты позвонила, когда я уже вышла из дома. Расскажешь, как закончился выпускной вечер?

– Ты правильно сделала, что ушла, – махнула рукой подруга. – Как я и предполагала, ничего интересного не было... Только...

Девушка смущенно замолчала, раздумывая, говорить или нет.

– Что? – оживилась Алиса.

– Это случилось, когда я шла домой.

– Всё равно расскажи.

– Ну, мы гуляли с классом почти до шести утра, – начала Полина. – А потом мне надоело, и я пошла домой. И вдруг увидела, как двое ребят бьют третьего. Ну, я помогла ему отбиться, вот и всё.

– Нет, подружка, ты что-то не договариваешь, – улыбнулась Алиса. – Если бы этим кончилось, ты сразу забыла бы это происшествие.

– Ну, я познакомилась с ним, – со смущенной улыбкой ответила Полина. – У него была порвана рубашка, и я пригласила его к себе, чтобы зашить. Представляешь, сижу, зашиваю рубашку, а он смотрит на меня, будто я красавица вроде тебя. Я спросила: «Что ты на меня так смотришь?» А он ответил: «Ты мне нравишься». В общем, сегодня у нас свидание.

– Значит, ты влюбилась?

– Не знаю, может быть. Мне кажется, он чем-то похож на того парня, которого я выдумала.

Ее глаза лучились счастьем, когда она говорила эти слова, и казалась если не красивой, то, по крайней мере, хорошенькой.

– А у тебя какие новости? – спросила Полина.

– Сегодня приехала тётя Элеонора с дочкой, – будничным тоном сказала Алиса.

– А, это которая из Франции?... А вчера? То есть, позавчера... с выпускного вечера вы сразу домой пошли?

– Нет, мы с Димой немного погуляли по городу.

– И что же?

– Я потеряла новые туфли.

– И всё?

– Нет. Я сказала Диме, что люблю его, и хочу быть его женой.

– Ой, Алиска, до чего ж ты смелая! – восхитилась Полина. – Я догадывалась, что ты к нему равнодушна... А почему ты соврала, когда я спросила, любишь ли ты какого-нибудь мальчика?

– И не соврала вовсе, – ответила Алиса. – Я люблю не мальчика, а мужчину.

– Ну хорошо, не соврала, – согласилась Полина и добавила с любопытством: – А твой дядя что?

– Сказал, что слишком стар для меня.

– Знаешь, а он прав, – подумав, заключила Полина. – Он старше тебя лет на десять.

– На одиннадцать.

– Тем более. Послушай, Алис, забудь ты его. Давай попрошу Стаса познакомить тебя с его другом.

– Значит, его зовут Стас? – улыбнулась Алиса. – Нет, не надо меня с ним знакомить.

– Как хочешь, – пожала плечами Полина. – А хочешь, со Стасом познакомлю?

– О, нет, не надо, – быстро ответила Алиса. Ей совсем не хотелось терять одну из двух своих подруг.

– Понимаю, – кивнула Полина. – Ты боишься, что Стас в тебя влюбится, и сразу меня бросит, а я обижусь, и мы рассоримся. Не бойся, я не обижусь. Просто буду знать, что он такой же, как все, а значит, недостойн моей любви. И лучше узнать об этом сейчас, пока мы еще едва знакомы, и я смогу расстаться с ним почти без сожаления. А тебя он всё равно увидит рано или поздно, я же не смогу его вечно от тебя прятать.

– Значит, хочешь проверить его? – спросила Алиса.

Полина кивнула.

– В каком часу назначено свидание?

– В четыре.

– Я пойду с тобой, если хочешь.

– Спасибо, – Полина улыбнулась. – А пока есть время, давай выпьем кофе, а то ты выглядишь как-то бледновато, и, боюсь, не сможешь произвести на Стаса должного впечатления.

– Давай, – согласилась Алиса. – Кофе – это как раз то, что мне сейчас нужно. Я две ночи почти не спала.

– Ты на самом деле его так любишь? – с сочувствием спросила подруга.

– Больше всех на свете, – вздохнула Алиса.

Встреча Полины со Стасом была назначена у кафе «Глобус». Она подошла к юноше одна, а Алиса сделала вид, будто просто проходила мимо, и они «случайно» встретились. Полина представила Стасу свою подругу, они вместе посидели за столиком в кафе, а потом Алиса ушла, оставив влюблённых вдвоём. Она поняла, что Стас не клюнул на её красоту, и не стала задерживаться. Рада была за Полину, и даже немного завидовала.

Когда она вернулась, Мария, Элеонора и дети были дома. В шесть часов пришёл с работы Сергей, семья и гости сели ужинать.

– А Дима где? – спросила Мария, втихомолку удивляясь, почему Алиса не задала отцу этот традиционный вопрос.

– У него срочная работа, – ответил Сергей. – Он вернётся часам к восьми.

У Алисы сразу пропал весь аппетит. Она была уверена, что Дима задержался на работе, чтобы не встречаться с ней.

ГЛАВА 2. АЛИСА + ДИМА

Июнь – июль 2000 г.

Дима действительно остался в офисе, сказав брату, что срочно нужно подготовить документы на партию товара к завтрашнему утру, но на самом деле никакой срочной работы у него не было. Когда Сергей ушёл, он поднял телефонную трубку, и набрал номер. Долго никто не отвечал, и он хотел положить трубку, но услышал, наконец, приятный женский голос:

– Алло.

– Привет, Алёна. Узнаешь?

– Дима? Привет, Димочка! – радостно ответила Алёна. – Ну, наконец-то, ты вспомнил обо мне!

– Алёна, какие планы на вечер?

– У меня планы встретиться с тобой, Димочка.

– Отлично. Может, поужинаем?

– С удовольствием. Где?

– «Россия» устроит?

– Вполне. Встретимся там через полчаса.

– Хорошо. До встречи.

Дима положил трубку.

Он познакомился с Алёной давно, года два назад. Она была старше его, была замужем, но развелась, и теперь вела «одинокую» жизнь. Дима не знал, где она работает – еще в первый день знакомства она дала понять, что расспрашивать об этом не стоит, и сама никогда не интересовалась, чем занят Дима, если он не с ней. Но когда он звонил ей, она всегда радовалась и назначала встречу, иногда сразу, иногда на следующий день.

До Алёны, да и после знакомства с ней, у Димы были случайные романы, но редко с какой девушкой он встречался больше пары месяцев. Потому что им всем было нужно постоянное и неослабевающее внимание, а ему это скоро надоедало. Возможно, потому, что ни одна из этих девушек не соответствовала его идеалу – Марии Морозовой, жене старшего брата.

С Алёной всё было не так, как с другими. Они познакомились в день, когда Диме было особенно грустно. Он поссорился с очередной девушкой, наговорил лишнего, и теперь ему было стыдно. Он встречался с этой девушкой рекордный срок – пять месяцев, и она намекнула, что пора бы перевести отношения на новый уровень, то есть отнести заявление в ЗАГС. Дима ответил, что не стоит с этим торопиться, девушка обиделась и заявила, что он её использовал. Дима разозлился, и ответил, что он использовал её так же, как и она его, и что жениться в его планы вообще не входит. Девушка заплакала, влепила пощечину и убежала.

Он бродил по набережной, раздумывая, помириться или не стоит. Совесть толкала пойти и извиниться, но разумом Дима понимал, что если извинится, девушка будет надеяться на продолжение отношений, а он этого не хотел.

*

Девушка надавала ему пощёчин и убежала, громко плача, а он остался. Домой идти не хотелось. Никуда не хотелось.

Дима не замечал, что за ним уже полчаса наблюдают, поэтому очень удивился, когда к нему подошла симпатичная молодая женщина небольшого роста, взяла за руку, как старого знакомого, и сказала:

– Пойдём.

Он увидел её взгляд, полный нежности и сострадания, почти материнский, и без колебаний пошёл за женщиной.

Она привела его в маленькую уютную квартирку на Набережной, в доме старой постройки, усадила в кресло на кухне, сварила кофе.

Несколько минут они пили кофе и молча рассматривали друг друга.

– Отличный кофе, спасибо, – поблагодарил Дима, когда его чашка опустела.

– Ты хороший мальчик, – сказала хозяйка квартиры. – Ты не беден, о тебе хорошо заботятся. Ты умен и красив. Но и у тебя есть проблемы. Ты мне нравишься. Я хочу тебе помочь.

– Сомневаюсь, что кто-то поможет мне убежать от себя, – ответил Дима.

– А, может, убежать и не надо, – сказала молодая женщина, поставила свою чашку на стол, встала, подошла к Диме, взяла его лицо в ладони и нежно поцеловала в лоб.

Руки у неё были тёплые и бархатистые. И губы тоже. После этого поцелуя Дима забыл обо всех неприятностях. Его руки сами потянулись к незнакомке. Он обнял её тонкую талию, а она, как кошка, ласково прильнула к нему и поцеловала уже в губы.

Он и не заметил, как оба оказались в постели.

Диме было хорошо так, как никогда еще не было, и он полностью отдался во власть плотских наслаждений. Потом, когда они просто лежали рядом, отдыхая после горячих любовных игр, незнакомка сказала:

– Меня зовут Алёна. А тебя?

– Дмитрий, – ответил он и густо покраснел. Алёна тихонько засмеялась, а он добавил: – Извини. Я впервые познакомился с девушкой после того, как переспал с ней.

– Вижу, ты в шоке. Но тебе стало легче, правда?

– Я не знаю, – растерянно ответил Дима.

– Не беспокойся, я не стану твоей очередной проблемой, – сказала Алёна, и положила в карман Диминой рубашки свою визитную карточку, на которой был написан лишь телефон. – Мне было хорошо с тобой, и тебе со мной, надеюсь, тоже. Звони в любое время, если захочешь повторить.

– Но... я почти ничего о тебе не знаю, – смутился Дима. – Надо познакомиться поближе...

– Ближе только в ЗАГСе, – усмехнулась Алёна. – А ты, как я понимаю, туда не стремишься. Я, кстати, тоже.

Дима снова покраснел, поняв, что Алёна видела его ссору с девушкой.

*

Сначала Дима решил, что больше встреч с Алёной не будет. Но месяца через два, когда порвал с очередной девушкой, и ему снова было тошно так, что на душе кошки скребли, вспомнил об Алёне, и позвонил. Как ни странно, она его узнала, и они условились о встрече.

Дима давно предполагал, что Алёна содержанка, или, скорее, проститутка, и не из дешёвых, но назвать её дамой легкого поведения как-то язык не поворачивался. Одевалась скромно, хотя дорого, и выглядела сексуально даже в строгой прямой юбке и белой блузке, яркой косметикой не пользовалась. Но от неё всегда пахло дорогими духами, а кожа была мягкой и бархатистой благодаря различным кремам и спа-процедурам в салонах красоты, в которых она проводила много времени. Алёна никогда не брала с Димы денег, и он понимал, что он у неё не для работы, а для души.

Встречи с ней действовали на него успокаивающе. Алёна нравилась Диме за то, что никогда ни о чём не спрашивала, и всегда понимала, что ему нужно: душевная беседа, ужин в ресторане, прогулка по Набережной, крепкий кофе с изрядной каплей коньяку или секс. Иногда Диме хотелось спросить, почему она так нянчится с ним, но он не спрашивал. Потому что если бы она задала вопрос, зачем он с ней встречается, Дима не знал бы, что ответить.

Алёна довольствовалась тем, что он сам иногда о себе рассказывал, но и сама не допускала его в свою личную жизнь. То, что она была замужем, он узнал случайно, услышав обрывок телефонного разговора. А что она старше его на шесть лет, узнал, увидев её фото, висевшее в рамке на стене. «В день выпускного бала, лето 1983» – была надпись на фото.

Диму вполне устраивало, что она ничего от него не требует, и тоже ничего не требовал. Они просто весело проводили вместе несколько часов в месяц, и расставались до следующего раза.

Они встретились через полчаса, как и условились. Взглянув на Диму, и увидев, что он в абсолютном смятении, Алёна сразу передумала идти в ресторан, а предложила пойти к ней и поесть в домашней обстановке.

Они поужинали сосисками из вакуумной упаковки и макаронами быстрого приготовления, а потом сели рядом на диване перед телевизором. Алёна поняла, что прогулка по Набережной или обсуждение вчерашнего фильма не помогут Диме поднять настроение, и сразу прибегла к самому действенному средству: расстегнула рубашку у него на груди и принялась ласкать.

Дима обнял Алёну. Ему всегда было с ней хорошо, но сегодня он не чувствовал ничего. Просто ни-че-го. Словно в его руках была не живая женщина, а механическая кукла.

Алёна никогда ни о чем не спрашивала Диму, но сейчас спросила:

– Что с тобой происходит?

– Ничего, – он отпустил её и отодвинулся.

– Неправда, что-то случилось, – уверенно сказала она. – И случилось то, что прежде никогда не случалось. И я даже, кажется, знаю, что. Ты влюбился.

Она не просила отвечать, но Дима ответил:

– Да, ты права, я влюбился. Нет, любил давно, но не понимал, что люблю. Она... она была еще ребёнком, когда мы познакомились. А сейчас она взрослая девушка. И такая красивая...

– В чем же проблема? Она тебя не любит?

– Любит, – вздохнул Дима.

Алёна с недоумением взглянула на него, но вдруг догадалась:

– Кто-то или что-то стоит между вами?

– Да. Я старше её на одиннадцать лет, и... она моя племянница. Я не знаю, что мне делать, как поступить... просто схожу с ума!

– Делай то, что подсказывает сердце. Я всегда так делаю.

– Остановить меня на набережной и привести к себе два года назад тебе тоже сердце подсказало? – спросил Дима неожиданно для себя.

– Конечно, – просто ответила Алёна. – Я долго наблюдала за тобой, и поняла, что ты очень одинок, несмотря на семью, друзей, работу, деньги... Я поняла, что тебе нужен друг. И я как друг советую: слушай своё сердце, и поступай так, как оно тебе подскажет.

– Я... не могу, – тихо проговорил Дима. – Не имею права.

– Что ж, поступай, как хочешь. Но знай, что бы ты ни сделал, как бы ни поступил, рано или поздно сердце возьмёт верх над разумом. Хорошо, если не будет поздно.

Дима ничего не ответил, и несколько минут сидел молча, размышляя. Потом спросил:

– Алёна, ты любишь меня?

– Ты хороший мальчик, Дима, – ответила она. – Самый лучший их всех, кого я знаю. Мне будет жаль с тобой расставаться.

– А может... не будем расставаться? Может, между нами и нет любви, но мы ладим, мы понимаем друг друга... может, у нас получится... совместная жизнь?

– Димочка, ты сам не веришь в то, что говоришь.

– Да, пожалуй, – вздохнул он. – Извини. Я испортил тебе вечер. Я пойду.

– Звони, если что, – Алёна не стала его удерживать.

– Конечно, – кивнул он, хотя знал наверняка, что больше не позвонит. – До свидания.

– Скорее прощай, – грустно сказала Алёна, когда Дима уже сбегал вниз по лестнице.

Он не хотел возвращаться домой, но и к Алёне не мог вернуться, понимая, что она уже ничем не сможет помочь. Он понял, что просто не сможет быть с другой женщиной, пока любит Алису.

А та сразу после ужина ушла в зимний сад, села у окна и долго сидела, прислушиваясь к звукам шагов редких прохожих на улице. Услышав, что к калитке подошёл Дима, она бросилась было встречать его, как обычно делала раньше, но вдруг остановилась на лестнице, испугавшись, что кто-нибудь заметит это.

Мария вышла в прихожую встретить Диму.

– Добрый вечер, Мария, – услышала Алиса голос Димы, и задрожала от волнения.

– Добрый вечер, Дима, – ответила Мария. – Ужинать будешь? Я разогрею.

– Спасибо, не надо. Я зашёл в кафе, перекусил. Устал, пойду спать.

– Конечно, иди, но пройди в гостиную хотя бы на пять минут, поздоровайся с гостями.

– Ах, да, конечно.

Мария и Дима вошли в гостиную. Алиса постояла на лестнице еще минуту, услышала, как Дима вышел из гостиной, и скользнула в свою комнату. Немного подождав, пошла к нему в комнату.

Он уже лег, но, услышав, что кто-то вошёл, открыл глаза.

– Алиса?

– Да. Я пришла поговорить с тобой.

– Алиса, если ты всё о том же, то напрасно пришла.

– Димка, ну почему ты такой упрямый? – спросила девушка, стоя у двери, и не решаясь приблизиться.

– Ох, Алиса, ну что мне с тобой делать? – вздохнул Дима и подумал: «А что мне делать с собой?»

– Скажи, ты любишь меня? – Алиса подошла поближе.

– Люблю. Как свою племянницу.

– А не как племянницу не любишь?

Дима не знал, что ответить. Раньше он никогда не задумывался о том, как любит Алису, но со времени разговора на Набережной не мог думать ни о чём другом. И всё же не знал, что ответить. Сказать «нет» был не в силах, а сказать «да» не имел права.

– Почему ты молчишь?

– Потому что не знаю, что сказать.

– Димочка, я так рада, что ты не сказал «нет»! – воскликнула Алиса, подбежала к кровати и села рядом на пол. – Значит, можешь передумать!

– Нет, Алиса, не передумаю. Я старше тебя на одиннадцать с лишним лет, и не могу на тебе жениться. Тебе нужен жених минимум на лет семь моложе, поэтому твоя мама никогда не позволит тебе выйти за меня замуж.

– Если дело только в маме, я уговорю её.

– И папа тоже не позволит.

– Папа позволит, ты только согласишься!

– Алиса, милая моя, я не могу!

– Да почему же, Дима?

– Не могу ради тебя самой. И вообще, ты еще слишком молода, чтобы выходить замуж. А когда подрастешь, поймёшь, что я тебе не пара.

– Хорошо, я еще подрасту, и подожду, пока ты не передумаешь, – сказала Алиса и, легко поднявшись, вышла из комнаты.

Она ушла к себе и легла в постель. Несмотря на то, что Дима стоял на своём, сегодня Алиса чувствовала себя легко и радостно. Он не сказал, что не любит, а это уже кое-что.

Алиса быстро уснула, а Дима снова не спал всю ночь, ворочаясь с боку на бок. Он понимал, что любит Алису, но так же понимал, что не может на ней жениться. В самом деле, Мария и Сергей этого не допустят. А значит, будет лучше, если всё это останется тайной. Дима был уверен, что Алиса не любит его по-настоящему, а только вбила это себе в голову. И он сам виноват, потому что всегда был рядом и выполнял все её прихоти. И выйти за него замуж – очередной каприз. А чтобы Алиса поскорее избавилась от этой навязчивой идеи, он должен уйти.

Придя к такой мысли, Дима успокоился и уснул.

*

Утром Алиса проснулась свежей, отдохнувшей, и сбежала вниз, когда Сергей и Дима заканчивали завтракать на кухне. С ними была Мария.

– Доброе утро, мамочка, – Алиса подбежала к матери, поцеловала её, потом к отцу, и его тоже чмокнула в щеку, привстав на цыпочки. – Доброе утро, папочка, доброе утро, Дима, – кивнула дяде.

– Поехали, опаздываем, – Сергей взглянул на часы.

Дима допил кофе и поднялся из-за стола. Мария с Алисой вышли в прихожую проводить мужчин.

– Пока, дорогая, – Сергей поцеловал жену. – Пока, невеста, – сказал он Алисе, обнимая ее.

Она смутилась, Дима тоже покраснел, и, чтобы скрыть истинную причину своего смущения, сказал:

– Маша, Серёжа, давно хотел вам сообщить... Я, пожалуй, перееду к Славику. Он давно меня звал... Да и пора уже своим жильём обзаводиться. Поживу у него, пока не подберу себе что-нибудь.

– Дим, ты спятил? – удивилась Мария. – Зачем тебе съезжать от нас?

– Я же поселился у вас временно, – ответил Дима. – Не хочу больше стесняться.

– Какое стеснение, Димка? – удивился Сергей. – Вон у нас сколько места! У тебя отдельная комната, чего еще не хватает?

– Я так решил, Серёжа, – сказал Дима. – Поехали, опаздываем уже.

Он вышел на улицу.

– Какая муха его укусила? – удивленно спросила Мария.

– Понятия не имею, – Сергей пожал плечами. – Я поговорю с ним. Но если он серьёзно решил от нас отделиться, препятствовать не буду. Это его личное дело.

Сергей тоже вышел. Мария переглянулась с Алисой, и та сделала вид, будто ей абсолютно всё равно, где будет жить её дядя. Но, вернувшись в свою комнату, расплакалась. Он уезжает из-за неё, и к гадалке не ходи.

Весь вечер Алиса ждала момента, чтобы остаться наедине с Димой хотя бы на несколько минут, и уговорить не переезжать, но так и не дождалась. Случайно или намеренно он ни на одно мгновение не оставался один. Дима и Славик поужинали с семьей Морозовых, Изабель и Элеонорой, и собрались домой. Только тогда Дима подошёл к Алисе и сказал:

– Не скучай, я буду часто приезжать.

И действительно, приезжал почти каждый день, один или вместе с Вячеславом, иногда они оставались ужинать. Но за несколько дней Алиса так и не смогла улучшить момента, чтобы поговорить с Димой. А ей надо поговорить с ним еще хотя бы раз, ей казалось, что на этот раз она найдёт самые убедительные слова, и он поверит в то, что она уже не ребёнок, и что любит его по-настоящему.

Как-то вечером Сергей сообщил Марии, что послал Нехорошкова в командировку, и тот уезжает сегодня в одиннадцать часов вечера.

Алиса это слышала.

«Значит, Дима будет сегодня дома один!» – радостно подумала она.

Дождавшись, когда все уснут, Алиса открыла окно в своей комнате, и начала спускаться в сад по верёвке, которую заранее взяла в кладовке. Тут её заметил Радик, окно комнаты которого было рядом. Оказывается, он не спал, а смотрел на звезды в самодельный телескоп: астрономия была одним из его разнообразных увлечений.

– Алиска, ты что делаешь? – удивился он шепотом.

– Не видишь, что ли? – проворчала она.

– А... зачем ты это делаешь?

– Зачем, зачем... Надо! А в окно – чтобы мама с папой не узнали. Я скоро вернусь. Пожалуйста, не буди никого, ладно, Радик?

– Я не стану никого будить, если ты позволишь пойти с тобой, – не раздумывая, ответил брат.

– А если я иду на свидание?

– Но ночью опасно одной ходить по городу!

– Не беспокойся, я недалеко. Вот если не вернусь часа через два или три, тогда буди кого угодно. Договорились?

– Ладно, – неохотно согласился мальчик. – Но лучше бы я пошёл с тобой.

– Я буду осторожна. Пока, Радик!

Алиса соскользнула в сад, перемахнула через забор и оказалась на улице.

Было как раз самое тёмное время суток, фонари стояли далеко друг от друга, и между ними оставались большие промежутки тени. Алисе было страшно, она никогда еще не ходила одна по ночному городу, но всё же пошла, зная, что возможность застать Диму одного вряд ли еще скоро представится.

Алиса уже видела дом на улице Солнечной, окно, светившееся на девятом этаже. Облегченно вздохнула: значит, дома, значит, не спит. Алиса ускорила шаги.

Вдруг она услышала сзади топот, и, оглянувшись, увидела человека, бегущего за ней. Как ни кратко было мгновение, в течение которого Алиса смотрела на своего преследователя, она успела понять, что он бежит именно за ней. Для чего он её преследует, даже предполагать не хотелось.

Алиса побежала, преследователь не отставал. К счастью, она была уже почти на месте, забежала в подъезд и нажала кнопку лифта. Лифт не работал, а дверь подъезда открылась, и показался преследователь. Алиса бросилась вверх по лестнице. Преследователь немного отстал, думая, что жертва никуда не денется: лифт не работает, а кто пустит незнакомую девочку в такой поздний час в квартиру?..

Алиса подбежала к двери квартиры Нехорошкова и позвонила. Секунды шли так медленно, что она начала сомневаться, что дверь откроется. Промелькнула мысль, что, может быть, Димы нет дома, и она видела свет в другой квартире. Но тотчас отбросила эту мысль, она не могла ошибиться, потому что сама не так давно жила в этом доме.

Дверь, наконец, открылась, когда преследователь уже поднялся на площадку девятого этажа. Алиса оглянулась на него и влетела в прихожую, задышав, и дрожа всем телом.

– Алиса, что с тобой? – взволнованно спросил Дима.

Она не ответила, но тут он сам увидел мужчину, остановившегося у края площадки, удивленного тем, что девушке всё же удалось ускользнуть от него.

Дима всё понял, и, сжав кулаки, выскочил на площадку. Мужик не стал ждать, что будет дальше, а бросился вниз по лестнице куда быстрее, чем поднимался вверх. Дима вернулся в квартиру и закрыл дверь.

Алиса все еще стояла в прихожей, прислонившись к стене, и дрожала. Дима обнял её.

– Ну, успокойся, моя девочка, и расскажи, что случилось.

– Я... шла к тебе... А этот тип погнался за мной.

– Зачем же ты пошла одна, да еще так поздно?! – возмутился Дима. – Ты же знаешь, это опасно!

– Знаю! Но мне надо поговорить с тобой! А когда еще тебя одного застанешь! – сказала Алиса, вскинув голову. – Ты же бегаешь от меня, как мальчишка!

– Послушай, по-моему, мы всё сказали друг другу, – раздражённо проговорил Дима.

– Нет, не всё, – возразила Алиса. – Скажи, ты ушёл из нашего дома из-за меня, да?

– Да, – он кивнул.

– Я прошу тебя, вернись, а? Я не буду больше приставать к тебе со своей любовью. Обещаю. Так вернёшься?

– Нет.

– Но я же обещаю, ты что, не веришь? Когда я тебя обманывала? Дим, вернись, пожалуйста, и всё будет, как прежде!

– Как прежде уже ничего не будет, – грустно проговорил Дима. – Поэтому я не могу вернуться. Извини. Так будет лучше.

Алиса помолчала немного, потом шагнула к двери.

– Ну что ж, раз так, до свидания.

– С ума сошла? Ты собралась сейчас домой?! – воскликнул Дима, схватив Алису за руку. – Никуда ты не пойдёшь!

– Нет, пойду!

– А если этот тип ждёт тебя внизу?

Алиса вспомнила преследователя и вздрогнула. Выходить сейчас на улицу не было ни малейшего желания. Но она сказала:

– Мне всё равно. Я обещала Радику, что вернусь через два часа, и я вернусь, чего бы это ни стоило. Отпусти.

– Подожди! Провожу.

Алиса не стала возражать и позволила Диме пойти с ней. Когда до дома осталось метров двести, она остановила его:

– Всё, спасибо. Дальше я сама.

Он остановился и проследил, как она прошла мимо калитки, перелезла через забор, и пошёл домой.

Радик всё еще сидел на окне и ждал Алису. Он уже не смотрел на звезды, а поминутно поглядывал на часы. Услышав шорох в кустах, он тихо спросил:

– Алиска, это ты?

– Я, всё в порядке, – ответила она.

– Слава Богу, а то я чуть не поседел, – облегченно выдохнул брат.

Алиса влезла в окно.

– Спасибо, Радик. Я люблю тебя.

– Я тебя тоже. А как твоё свидание? Ты завтра снова так пойдёшь?

– Нет. Скорее всего, нет. Спокойной ночи.

Утром Алиса не вышла проводить отца на работу. Почти всю ночь она не спала, обдумывая, что же теперь делать. Решение, которое она приняла, совсем не успокоило, наоборот, разрывало сердце на части. Но ничего лучшего не смогла она придумать. Бессонная ночь сказалась, под утро Алиса крепко уснула, и проспала.

Мария заглянула в комнату к Алисе в десять утра, увидела, что дочь спит, и не стала будить. Потом заглянула еще раз в одиннадцать. Алиса всё еще спала, но теперь Мария решила её разбудить.

– Алиса, радость моя, пора вставать.

Девушка открыла глаза и улыбнулась матери.

– Доброе утро, мамочка. Мам, сядь сюда, мне нужно тебе кое-что сказать.

Мария присела на край кровати, надеясь услышать, что дочь скажет: «Мама, знаешь, я люблю одного человека. Это...» И она, наконец, узнает о сердечной привязанности своей дочери. Мария улыбнулась своим мыслям.

– Мама, знаешь... – начала Алиса. – Я хочу поехать в Париж с тётёй Элеонорой.

– Хочешь поехать в Париж? Поезжай, конечно, только ненадолго. Тебе надо готовиться к поступлению в университет.

– Нет, мама, ты не поняла. Я хочу поехать в Париж насовсем.

– Насовсем?.. А... как же университет?

Мария понимала, что не могла задать вопроса глупее. Но она вдруг испугалась, что Элеоноре каким-то образом удалось убедить Алису в том, что она её настоящая мать, и теперь девочка хочет воссоединиться с ней. Мария не могла спросить об этом прямо, поэтому и спросила первое, что пришло в голову.

– Поступлю куда-нибудь в Париже, – равнодушно махнула рукой Алиса. – Или пойду работать... Хотя бы нянечкой в пансионат тётёи Элеоноры.

Мысли у Марии путались, мелькали с такой скоростью, что она никак не могла остановить их и сказать что-нибудь вразумительное. Поэтому сидела молча.

– Мам, ты чего так побледнела? – вдруг спросила Алиса.

– Разве?.. Просто ты удивила меня своим решением. Почему ты хочешь уехать? Что случилось?

– Ничего. Ничего особенного. Захотелось пожить в Париже. Может, я скоро вернусь, если мне там надоест... Вы с папой отпустите меня?

– Ты уже взрослая, и имеешь право сама решать, где тебе жить, – ответила Мария, хотя ей очень хотелось строго запретить: «Ни в какой Париж я тебя не отпущу! Даже не думай!» – Но, доченька, скажи, почему ты хочешь уехать? Я твоя мама, я должна знать.

Говоря это, она внимательно следила за выражением лица Алисы, не отведет ли она глаза, услышав слова «доченька» и «мама». Но Алиса не отвела глаз и не опустила ресницы. Мария чуточку успокоилась: вероятно, её желание уехать не связано с Элеонорой... или просто она очень хорошо умеет владеть собой.

– Понимаешь, мамочка, я сейчас не могу сказать, почему хочу уехать, – сказала Алиса. – Просто мне надо уехать отсюда подальше, а самое далёкое место, куда я могу уехать, это Париж. Так можно?

– Если ты твёрдо решила, мы не будем удерживать. Но ты хорошо обо всём подумала?

– Да.

– И не передумаешь?

– Нет.

– Послушай, дочка... Это касается сердечных дел, да? – спросила Мария, и сразу заметила, как вспыхнули румянцем щеки Алисы.

– Да, – ответила она, решив, что не стоит отпираться, если уж мама сама догадалась.

Она в глубине души надеялась, что мама не отпустит. Но мама отпустила, и Алиса сделала вид, что очень этому рада.

– Спасибо, мамочка. Ты самая лучшая мама в мире! Я сейчас пойду, спрошу тётю Элеонору, можно ли мне поехать с ней.

Мать и дочь вместе спустились в гостиную, где Элеонора сидела в одиночестве, так как дети убежали гулять.

– Элла, извини, я заставила тебя скучать, – сказала Мария.

– Ничего, Маша, мне совсем не было скучно, – ответила Элеонора. – Я рассматривала твое рукоделие. Ты так красиво вяжешь! А я вот не умею... Но в моём пансионате девочек обучают вязать и шить... А кому ты вяжешь эту кофточку? Даже Маше она явно мала.

– Это пуловер для Изабель.

– О, Машенька! – растроганно воскликнула Элеонора. – Она будет в восторге!

– Тётя Элеонора, а когда вы уезжаете? – поинтересовалась Алиса.

– В конце следующей недели. Но Изабель просит остаться еще на несколько дней. Ты же знаешь, Алиса, как она любит гостить у вас... А что, мы тебе уже надоели? – полушутливо, полусерьёзно спросила Элеонора.

– Что вы, нет! – смутилась Алиса. – Я просто хотела спросить... А можно мне поехать с вами в Париж?

– Поехать с нами? – Элеонора была так удивлена и так обрадована, что на несколько мгновений потеряла дар речи. – Алисонька, ну о чём ты говоришь?! Конечно, конечно можно!

– И я могу жить у вас, сколько захочу?

– Конечно, конечно, моя дорогая! – с восторгом воскликнула Элеонора. – Конечно! Живи, сколько хочешь, хоть всю жизнь!

– Спасибо, тётя Элеонора.

– Мы можем поехать хоть завтра, если ты хочешь.

– О, нет, нет, мы поедem, когда вы запланировали, – быстро ответила Алиса. – Надо же еще документы оформить, собраться...

Она представила, что уже завтра будет далеко от всех, кто ей дорог, и от всего, что дорого. Захотелось отказаться от поездки, сказать, что пошутила, и на самом деле никуда не хочет ехать. Но ничего не сказала.

А перед обедом к Алисе подбежала Изабель:

– Алиса, я так рада, что ты едешь с нами! Я всегда хотела иметь старшую сестру, а мама сказала, что мы будем, как сёстры!

– Да, Изабель. Буду рада быть твоей старшей сестрой.

Девочка убежала, поделиться новостью с Алёшкой.

Вечером к Алисе в комнату зашел Радик.

– Алиса, Изабель сказала, что ты поедешь в Париж вместе с ними. Это правда?

– Да.

– Зачем?

– Я хочу пожить там немного.

– А Изабель сказала, что ты едешь насовсем.

– Может быть, еще не знаю.

– Алис, зачем тебе уезжать? Разве тебе с нами плохо?

– С вами мне хорошо, – грустно вздохнула Алиса. – Но я должна уехать. Иди спать, Радик. Тебе не понять, почему я так поступаю.

– Да где уж мне, – чуть обиженно проговорил он и ушёл.

Не успела за ним закрыться дверь, как вошла Машенька.

– Ты правда уезжаешь в Париж, Алиса?

– Да.

– Алис, а как же мы? Как же мы будем без тебя?

– Вы-то проживёте, а вот как я буду без вас... – Алиса едва не заплакала.

Машенька бросилась к ней и обняла.

– Алисочка, не уезжай! Зачем тебе уезжать?

– Я должна, Машенька. Но, может быть, я скоро вернусь.

– Тогда возвращайся поскорее!

– Постараюсь. А теперь беги спать, уже поздно. Спокойной ночи, сестрёнка.

Потом пришёл Алёшка. Алиса думала, что и он будет уговаривать её не уезжать. Но он сказал:

– Значит, ты едешь в Париж с Изабель и тётей Элеонорой? Вот здорово! Мне бы тоже с вами поехать!

– Я бы очень хотела, чтобы ты поехал со мной, братик, – Алиса обняла Алёшку. – Но тебя мама с папой не отпустят.

– А тебя почему отпустили?

– Потому что я уже взрослая.

– Ладно, я тоже вырасту, и тогда приеду к вам в Париж, – сказал Алёшка.

– Обязательно приедешь, – согласилась Алиса.

*

Вскоре весть, что Алиса уезжает в Париж, дошла и до Димы. Ему об этом сказал Сергей, когда они утром встретились в офисе.

– Что? Не может быть! – не поверил Дима.

– Спроси у неё сам, – ответил Сергей.

– А почему она вдруг решила уехать?

– Не знаю... она же всегда мечтала о Париже.

– И вы с Машей позволите? – возмутился Дима. – Вы не можете отпустить её!

– Почему не можем? – ответил Сергей. – Алиса взрослая девушка, и вправе сама решать, где жить. А она хочет жить в Париже. Как мы можем отказать?

После работы Дима поехал с Сергеем к Морозовым. Войдя в гостиную, и увидев племянницу, он сразу спросил:

– Алиса, ты на самом деле уезжаешь в Париж?

– Да.

– Ты не шутишь?

– Очень нужно мне так шутить, – усмехнулась Алиса, отвернувшись от Димы к Изабель и Алёшке, и стала с интересом наблюдать за их игрой.

А Дима весь вечер наблюдал за Алисой, и понял, что ей с трудом удаётся казаться весёлой и беспечной. Он понял, что ей совсем не хочется уезжать. Дима хотел спросить, почему она так поступает, но за весь вечер ему так и не удалось остаться с ней наедине хотя бы на одну минуту. Наконец он придумал, как вызвать её на разговор.

Было уже около десяти часов вечера, Дима собрался уходить, и спросил:

– Алиса, ты не проводишь меня до угла?

Она хотела было отказаться, но подумала, что может этим выдать себя. С чего бы ей отказываться, если они с Димой большие друзья. Ответила:

– Конечно, провожу. Радик, не хочешь пойти с нами?

Сегодня ей не хотелось оставаться с Димой наедине, поэтому и позвала с собой брата.

– Нет, – Радик заметил выразительный взгляд дяди и запрещающий жест, и подумал, что, может быть, Диме удастся уговорить Алису остаться, он знал, что его мнение имеет для неё вес. – Я обещал Маше порисовать её. Машка, пойдём, будешь позировать.

Маша с радостью согласилась, хотя и не помнила, когда это Радик обещал её нарисовать, и они убежали наверх, в игровую.

Поэтому позвать с собой Машу Алисе тоже не удалось.

Тогда она хотела позвать с собой Изабель и Алёшку, но Мария уже отвела их спать, и ей всё-таки пришлось идти вдвоём с Димой. Они вышли на улицу и медленно пошли к перекрёстку.

– Алиса, почему ты решила уехать?

– Потому, что я так хочу.

– Неправда. Тебе совсем не хочется уезжать. Зачем ты это делаешь? Из-за меня?

– А если и так, то что? – с вызовом спросила Алиса.

– А если я вернусь в ваш дом, ты останешься?

– Нет.

– Значит, ты окончательно решила?

– Да. Так же, как и ты!

– В таком случае, не смею задерживать, – холодно сказал Дима.

– Премного благодарна, – ответила Алиса в том же тоне, развернулась и убежала домой.

«А может, это и к лучшему, – подумал Дима. – В Париже она быстро меня забудет. А вот я не смогу её забыть даже на другой планете...»

*

День отъезда приближался. Алиса становилась все грустнее, хотя и старалась не показывать этого. Мария, да и все остальные, заметили похолодание дружбы между ней и Димой, но все решили, что племянница и дядя просто немного обижены друг на друга за то, что один переехал к Нехорошкову, а другая уезжает в Париж.

В день отъезда с самого утра лил дождь. Алиса досадовала, что из-за дождя авиарейсы могут отложить, а ожидание отъезда становилось невыносимым.

– Не провожайте нас, – попросила она родных. – Давайте попрощаемся дома.

Мария, Машенька и Радик согласились, и решили не ездить в аэропорт, а Алёшка захотел всё-таки проводить их до самолета.

Перед тем, как попрощаться с Элеонорой, Мария отвела её в сторонку и попросила:

– Элла, очень тебя прошу, будь повнимательнее с Алисой. Она молода, красива... неопытна... мало ли что... С ней что-то творится в последнее время. Похоже, она и уезжает только затем, чтобы забыть какого-то молодого человека. Постарайся ей помочь.

– Конечно, дорогая Маша, – пообещала сияющая Элеонора. – Она же моя дочь.

– Не забывай, что прежде всего она моя дочь, – напомнила Мария. – Пиши как можно чаще, или звони. И обязательно приезжайте следующим летом. А если хотите, то и зимой.

Женщины обнялись.

– Спасибо, Маша, за то, что доверила мне Алису. Честно говоря, не думала, что ты отпустишь её со мной. Будь спокойна, я сделаю все, что смогу, для нашей девочки. Я буду звонить тебе каждую неделю, и рассказывать всё-всё. И писать тоже буду часто. До свидания.

Алиса поцеловала Машеньку, Радика, Марию, и, едва сдерживаясь, чтобы не плакать, побежала к «Ниссану», куда были погружены вещи. В салоне уже сидели Изабель и Алёшка. Алиса была рада, что Дима не пришёл попрощаться с ней, иначе совсем не была уверена, что сможет уехать.

– Поехали, папа, поехали скорее, – сказала она отцу, сидевшему за рулем.

Микроавтобус откатил от крыльца, и вскоре скрылся за поворотом улицы. Мария, Радик и Маша вернулись в дом. Мария уныло села на диван. Дети тихонько пристроились рядом. После отъезда Алисы образовалась какая-то пустота, все трое чувствовали это.

– А почему Дима не пришёл проводить Алису? – спросила вдруг Машенька.

Мария не ответила, а Радик пожал плечами:

– Понятия не имею.

А он не пришёл потому, что при прощании боялся выдать свои чувства. Он сидел дома, поминутно поглядывая на часы, а потом всё же сорвался с места и побежал к Морозовым. Ворвавшись в гостиную, он увидел там только Марию, Радика и Машу.

– Уехали? – спросил Дима упавшим голосом.

– Уехали, – словно эхо, отозвалась Мария.

– Боже, что я наделал, – прошептал он, прислонившись к дверному косяку.

Он сказал это тихо, но Мария услышала, и насторожилась.

– Ты? Что ты сделал?

– Да, я, я! Это я виноват в том, что Алиса уехала! – воскликнул Дима, закрыв лицо руками.

Мария подбежала к Диме, взяла его за руки и усадила на диван.

– Что произошло? – она потрясла его за плечи. – Что случилось?

– Ничего... просто я... люблю Алису, – ответил он. – И она меня любит. А я не верил...
– Боже мой, какая же я дура, что сама не догадалась! – воскликнула Мария. – Ну, а что случилось-то? Вы поссорились?

– Нет. Она хотела, чтобы я на ней женился. А я отказал!

– Почему? Ради всего святого, Димка, почему? – удивленно спросила Мария.

– Потому что я старше на одиннадцать лет! Потому что ни ты, ни Серёжка никогда не согласитесь на этот брак! – с болью в голосе проговорил Дима.

– Глупый, какой же ты глупый, Димка! Ну почему ты так думал? – Мария села на диван рядом с Димой и заплакала. – Почему ты не спросил меня? Почему Алиса мне ничего не сказала?

– Так ты... ты согласилась бы? – недоверчиво спросил Дима.

– Да конечно согласилась бы!

– Несмотря на то, что я старше Алисы почти в два раза?

– Какое это имеет значение, если вы любите друг друга? Да я не желаю лучшего мужа для своей дочери!

– Маша, это правда? – Дима поднял голову. – Ты, правда, согласна, чтобы мы поженились?

– Я-то согласна, вот только Алиса уже уехала, – вздохнула Мария.

– Я верну её! – Дима вскочил с дивана и бросился к двери.

Мария, Радик и Машенька побежали за ним.

– Хорошо, что идёт дождь, может быть, рейс задержат, – радостно сказал Радик.

У Димы были ключи и доверенность на вождение машины старшего брата, он быстро сел за руль «Жигулей», стоявших на заднем дворе у ворот гаража. Мария, Радик и Маша едва успели заскочить в машину, и не успели опомниться, как уже выехали за город.

Но они поняли, что всё равно опоздают, так как тучи разошлись, и выглянуло солнце. Когда «Жигули» остановились на стоянке у здания аэровокзала, диктор объявлял рейс на Москву. Тот самый, на котором должны улететь Алиса, Изабель и Элеонора. Дима, Радик, Машенька и Мария подбежали к воротам, закрывающим вход на взлётное поле, и сквозь прутья решетки увидели, как пассажиры проходят на посадку. Элеонора, Изабель и Алиса шли в самом хвосте пассажирского потока.

– Алиса! – закричал Дима, хотя вряд ли она могла его услышать в реве разогреваемых двигателей самолета. – Алиса!

Она слышала, или какое-то шестое чувство подсказало, что Дима здесь, и оглянулась. Радик и Маша запрыгали и замахали руками.

– Простите меня, тётя Элеонора, но я остаюсь, – сказала Алиса, и побежала к воротам.

Дима обнял девушку прямо через прутья решетки.

– Я никуда не отпущу тебя, слышишь? Никогда! Мы поженимся хоть завтра, если ты хочешь, но ты никуда не уедешь! – взволнованно проговорил он.

– А я уже никуда и не еду, – ответила Алиса, счастливо улыбаясь.

Дима помог ей перелезть через ворота, и все пятеро пошли к машине.

Сергей и Алёшка, наблюдавшие за посадкой в самолет из окон зала ожидания, видели, как Алиса, Изабель и Элеонора шли к самолету, но Алиса вдруг повернулась и куда-то убежала. Сергей схватил сына за руку, и они выбежали на площадь. Там они столкнулись со своей семьей. Мария, Радик и Машенька радостно улыбались, Дима крепко обнимал Алису, а она его.

– Что происходит? Я что-то ничего не понимаю, – сказал Сергей.

– Происходит то, что я выхожу замуж, – счастливым голосом ответила Алиса.

– А я женюсь, – добавил Дима.

Сергей удивленно хлопал глазами, глядя на смеющихся брата и дочь.

– Едем домой, и там всё объясним, – сказал Дима.

– Надо послать приглашение тётё Элеоноре, – сказала Алиса, увидев, что самолет вырывается на взлётную полосу. – Я так незаслуженно её обидела...

– Какое приглашение ты хочешь мне послать? – послышался вдруг рядом голос Элеоноры, и все увидели её вместе с Изабель. – Я не могла уехать, не узнав, что у вас здесь происходит. Так какое приглашение, Алиса?

– Приглашение на нашу с Димой свадьбу, тётя Элеонора, – сказала Алиса. – Вы простите меня за то, что я не поехала с вами?

– Конечно, – кивнула Элеонора, хотя и чуть разочарованно. – Я же видела, как тебе не хотелось уезжать... Но какая свадьба, Алиса? Тебе еще нет восемнадцати.

– Мне скоро семнадцать, – ответила Алиса. – А мама с папой не будут против, чтобы мы с Димой поженились.

– Но после свадьбы – свадебное путешествие – только в Париж, согласны? – предложила Элеонора.

– Да! – кивнула Алиса, и вопросительно взглянула на своего жениха.

– Конечно, – кивнул он.

– Когда свадьба? – спросил Сергей.

– В августе, – ответила Алиса, – после моего дня рождения.

– Мы с Изабель останемся здесь до свадьбы, если позволите, – сказала Элеонора.

– Оставайтесь хоть навсегда, – радостно согласилась Мария.

– Ура! Изабель останется с нами навсегда! – радостно воскликнул Алёшка, схватил девочку за руки, и они исполнили какой-то дикарский танец мумба-юмба.

– Навсегда, или нет, но еще на месяц мы останемся точно, – сказала Элеонора.

– По-моему, Маша, нам надо срочно отделять комнаты на третьем этаже, – тихо сказал Сергей. – Скоро наша семья начнёт стремительно расти.

– Я тоже так думаю, – согласилась Мария.

ГЛАВА 3. РАДИК – ФИГУРИСТ

Январь – март 2001 г.

Мария сидела на трибуне крытого катка в Лужниках, где проходили международные соревнования по фигурному катанию за Кубок Интервидения, состоявшиеся в начале января две тысячи первого года в Москве. А на льду разминалась сильнейшая шестерка фигуристов-одиночников. И в этой шестерке – её четырнадцатилетний сын! Пусть это лишь первые взрослые соревнования, Радик сможет подняться и выше! Вот он, там, внизу, в элегантном белоснежном костюме с серебряным поясом. Сейчас, после короткой программы он занимает пятое место, но может быть... всё может быть...

Разминка закончилась. Уходя за кулисы, Радик поднял глаза на трибуну. Мария помахала рукой, и ободряюще улыбнулась: «Я с тобой, мой мальчик».

На лёд вызвали первого фигуриста сильнейшей шестерки. Зазвучала музыка, юноша начал танцевать.

«О, как Лёшка был бы рад видеть сейчас своего сына, – думала Мария, рассеянно следя глазами за спортсменом. – А, может, он и видит его моими глазами? Посмотри, каким стал наш сын. А как он похож на тебя, просто невероятно...»

Первый фигурист закончил программу. Мария поаплодировала ему, взглянула на электронное табло. Оценки были средней высоты. Спортсмен ушёл за кулисы с кислой миной на лице. Мария увидела Радика у бортика катка, ожидающего вызова.

«Боже мой, какой он бледный! – испугалась она. – Волнуется... Милый, не волнуйся, я буду волноваться вместо тебя».

Объявили выход Радика.

Мальчик вышел на лёд. Зазвучала музыка, и он начал танцевать. Мария наизусть знала все прыжки, вращения и дорожки шагов в танце Радика, и следила за их чередой, затаив дыхание. Вот аксель в два с половиной оборота, двойной флип, двойной лутц, ритбергер... тройной! Мария вскрикнула, когда ей показалось, что Радик задел рукой лёд при приземлении. Но по улыбке на лице сына поняла, что только показалось. Прыжок-шпагат и эффектная концовка: Радик встал на одно колено, протянув руку к трибуне. Случайно ли к той, где сидела Мария?

Она много раз видела произвольную программу сына, но сейчас на глаза набегали невольные слёзы, столько души было вложено Радиком в танец и особенно в концовку. Словно сквозь сон она услышала аплодисменты, но сама не могла аплодировать от волнения. Она встала, осторожно пробралась между рядами кресел, подошла к входу за кулисы, где стояли кресла для фигуристов и тренеров, ожидающих оценки.

Радик сидел в кресле рядом с тренером. На лбу и висках блестели капельки пота, рука, державшая пластиковый стаканчик с соком, чуть заметно дрожала. Марии хотелось подойти к сыну, обнять, но она не смела: его сейчас показывают тысячи телевизионных экранов по всей стране и за рубежом, и ему, пожалуй, будет неловко, если Мария начнет нянчиться с ним, как с ребёнком.

Она очень гордилась сыном. Он уже четыре раза был чемпионом области, три раза выступал на чемпионатах России среди юниоров, и занимал там места от седьмого до четвертого. И вот, наконец, его заметили, и пригласили на Кубок Интервидения. Это был его шанс.

Наконец световое табло загорелось, и Мария с радостью увидела, что оценки Радика выше, чем у первого фигуриста. Мальчик улыбнулся, помахал рукой в объектив видеокамеры и ушёл за кулисы.

Потом Мария и Радик сидели рядом на трибуне, и с волнением следили за выступлениями остальных юношей. Радик до боли сжимал руку Марии, щеки его то покрывались румянцем, то бледнели от волнения. И было от чего волноваться: до самого конца соревнований было

непонятно, кто станет победителем. Радик морщил лоб, что-то подсчитывая в уме. По прикидкам получалось, что у него и пятнадцатилетнего Алексея Власенкова одинаковое количество баллов, и теперь всё зависит от того, кому больше голосов отдадут арбитры.

– Обладателем кубка Интервидения стал Радослав Морозов, Россия! – объявил диктор.

– Это я, мама, – срывающимся от волнения голосом проговорил он.

– Да, мой мальчик, ты победил, – Мария крепко обняла сына.

– Спасибо, мама, что всё время была со мной. Если бы не ты, я бы не смог.

Потом было награждение. Радик стоял на первой ступени пьедестала почета, едва сдерживая слёзы радости. А Мария, глядя на сына, плакала, не стесняясь.

*

Радик и Мария приехали из Москвы радостные и счастливые. В доме было полно народу: родные, друзья, почти все одноклассники пришли поздравить победителя. Алиса не успевала готовить угощение. Радика тискали, целовали, поздравляли целый день.

Наконец, поздно вечером последние гости разошлись, и он пошёл спать. Поднимаясь по лестнице на второй этаж, он споткнулся, и чуть не упал. Маша шла следом, и поддержала его.

– Что с тобой? – спросила она испуганно.

– Ничего. Просто я так устал, что еле стою на ногах. Не знаю даже, смогу ли сам раздеться... Я на этих соревнованиях выложился полностью.

– Давай помогу, – предложила Маша, обняла Радика за плечи, и повела в комнату.

Расправила кровать и помогла раздеться. Едва голова коснулась подушки, как Радик моментально уснул, не успев даже поблагодарить сестру.

Утром он чувствовал себя лучше, но не совсем отдохнувшим. Нет, то была не физическая усталость. Радик не хотел вставать, так приятен был полный покой после всех тревожных соревнований.

Но надо было идти в школу, и он заставил себя встать.

– Сынок, ты выглядишь бледным, – обеспокоено сказала Мария, увидев сына, когда он спустился на кухню завтракать. – Может, не пойдёшь сегодня в школу?

– Со мной всё в порядке, мама, – ответил он. – Я хорошо себя чувствую.

Мария усомнилась в его словах, подошла и потрогала лоб. Температура была нормальной.

– Да я сам никуда бы не пошёл, если бы был нездоров, – заверил Радик.

Мария отпустила его в школу.

В классе Радик пришлось повторить рассказ о соревнованиях, так как не все одноклассники смогли прийти к нему вчера.

Он рассказывал окружившим его девочкам и мальчишкам, как чуть не упал после рит-бергера, когда дверь класса открылась, и вошла незнакомая девочка. Она была такая красивая, что Радик сразу забыл, о чём говорил. И ребята все сразу повернулись к ней, забыв о Радике.

– Это девятый «В»? – спросила девочка.

– Да, – ответил кто-то.

– Здравствуйте. Я новенькая, – сказала девочка. – Буду учиться в вашем классе. Меня зовут Валерия Леванова. Можно просто Лера.

Она обвела взглядом всех ребят, и остановилась на Радике. Взгляд её сначала стал удивленным, а потом загорелся восторгом.

– Ты – Радослав Морозов? – спросила она. – Я видела тебя по телевизору, на Кубке Интервидения. Ты так здорово выступал! Обожаю смотреть фигурное катание, ни одних соревнований не пропускаю!

Прозвенел звонок на урок, ребята разошлись по своим местам. Новенькая села на свободное место за последней партой. Радик сидел впереди, и не мог её видеть. А ему почему-то очень хотелось.

На первом же уроке Радик снова получил несколько записок и SMS-ок от девчонок, но не стал, как обычно, совать их в карман или стирать, а читал в надежде, что одна из них окажется от новенькой.

Но Лера не написала. А Радику впервые хотелось, чтобы девочка обратила на него внимание.

После уроков, выходя из класса, он услышал за спиной голос новенькой:

– Эй, чемпион, не хочешь проводить меня домой?

Первым желанием Радика было согласиться, но он вспомнил о тренировке.

– Я бы с удовольствием, Лера, но не могу, мне надо на тренировку, – с сожалением проговорил он, обернувшись.

– Тогда я провожу тебя на тренировку, можно? – спросила девочка.

– Конечно, – радостно кивнул Радик, и они пошли в спорткомплекс.

– Я ни разу не дружила с известным фигуристом, – сказала Лера по дороге.

– А я никогда не дружил с такой красивой девочкой, – ответил Радик, и добавил смущенно: – Вообще-то я еще ни с какой девочкой не дружил...

– Это ты сейчас мне дружбу предложил, или как? – спросила Лера, лукаво улыбаясь.

– Предложил, – ответил Радик, и оба засмеялись.

Перед дверью спортивного комплекса Лера спросила:

– Можно посмотреть тренировку? Я никогда не видела настоящих фигуристов «живьем», только по телевизору.

– Посмотри, если интересно. Только тренировки – это не то же самое, что соревнования. Не разочаруешься?

– Никогда! – заверила Лера, и Радик провел её в зал.

На льду было еще несколько фигуристов, но он заметил, что Лера смотрит только на него. И специально для неё сделал несколько эффектных прыжков, среди которых были и тройные. Закончив разминку, Радик подъехал к тренеру.

– У меня хорошая новость, – сказал тот. – Тебе предложили готовиться к чемпионату России. Согласен?

– Сергей Павлович, еще спрашиваете! – вне себя от радости воскликнул Радик. – Конечно, согласен!

– И у тебя есть выбор: готовиться здесь или поехать в Пермь, куда тебя приглашают тренироваться, и выступать потом за их школу, – добавил Сергей Павлович. – Там тренеры более квалифицированные.

– Нет, я буду готовиться здесь, и выступать за свою школу! – ответил Радик.

– Тогда отставить тройные прыжки, – улыбнулся тренер. – Займёмся скольжением. Техника у тебя должна быть на мировом уровне.

После тренировки, Радик и Лера, несмотря на мороз, гуляли по вечернему городу. Радику было хорошо с этой девочкой, и расставаться не хотелось.

Когда он, наконец, поздно вечером вернулся домой, Мария спросила:

– Радик, почему ты так задержался? Почему телефон был недоступен?

– Гулял, – ответил он, снимая в прихожей ботинки и куртку. – А телефон сдох.

Мария, взяв из его рук варежки, ужаснулась:

– Радик! У тебя руки, как лёд! Ты замёрз?

– Немного, – ответил он, и прошёл в гостиную, где собралась почти вся семья.

– Какие новости, братик? – спросила Алиса, уютно устроившаяся в уголке дивана с вязанием в руках.

Алиса и Дима недавно сообщили, что в начале августа ожидают прибавления в семье, Алиса начала готовиться к этому событию, и принялась вязать малюсенькие костюмчики, пинетки и шапочки.

– Новости хорошие, – с улыбкой ответил Радик.

– А какие? – спросил Алёшка.

– Во-первых, у нас в классе новенькая.

– Так это с ней ты гулял целый вечер? – ревниво спросила Маша.

Радик кивнул.

– А во-вторых? – спросил Алёшка.

– А во-вторых, и это самое главное... – Радик нарочно медлил. – А папа еще не пришёл?

– Нет еще, но он будет с минуты на минуту, – ответила Мария.

– Ну, что же во-вторых, говори скорее, не тяни kota за хвост, – Машенька нетерпеливо дернула брата за рукав.

– Наверное, он предложил дружбу этой новенькой, – сделала предположение Алиса, так как Радик продолжал загадочно молчать.

– Ну, это само собой, – ответил он так, будто предлагать дружбу девочкам ему не впервой.

– Наконец-то у Радика появилась подружка, – сказала Алиса. – А она красивая?

– Конечно, – кивнул он. – Такая же красивая, как ты.

– Радик, я сейчас умру от любопытства! – заявила Маша. – Что же во-вторых-то, скажи, наконец!

– А во-вторых... Я еду на чемпионат России! – воскликнул Радик, подхватил Машеньку, завизжавшую от восторга, и закружил по комнате.

– Ура! – закричал Алёшка.

А Алиса обняла Марию, и сказала с гордостью:

– Наш Радик такой молодец!

Когда радость немного утихла, Радик добавил:

– Чемпионат России будет в конце февраля. Мы с Сергеем Павловичем разработали новый график тренировок. И если папа будет подвозить меня по утрам на каток, мне не придётся вставать на час раньше.

– Я сама буду возить тебя, – сказала Мария.

– Отлично. Спасибо, мама. Пойду лягу, очень устал сегодня.

– А ужинать? – спохватилась Мария.

– Спасибо, не хочу, – ответил Радик уже с лестницы.

*

Он проснулся ночью, потому что вдруг стало трудно дышать, оттого что заложило нос. Повернувшись на другой бок, Радик закашлялся, а горло обожгло болью.

«Надо позвать маму», – подумал он, и встал с постели. Но внезапно закружилась голова, и он вынужден был сесть. Придя в себя после головокружения, Радик понял, что заболел. Но он не пошёл к маме, как собирался сначала, а остался сидеть.

«К маме идти нельзя, – рассуждал он. – Она, чего доброго, не отпустит меня завтра на тренировку, и вызовет врача. Если проваляюсь в постели дней десять, до чемпионата останется меньше месяца, и я не успею подготовиться... Нет, мама ничего не должна знать... Что делать? Разбудить Алису? Она такая же, как мама, сразу поднимет шум... Пойду к Маше», – решил он, и вышел из комнаты.

Приоткрыв дверь в комнату сестры, он тихо позвал:

– Маша!

Девочка сразу проснулась и села.

– Радик? Почему ты не спишь?

– Маш, знаешь, у меня немного болит горло, ты не подскажешь, как полечить?

– Надо сказать маме, – Маша прыгнула с постели, но Радик быстро вошёл в комнату, прикрыл за собой дверь и остановил сестру:

– Нет! Мама ничего не должна знать, поняла?

– Почему?

– Она не отпустит меня на тренировку, если узнает, а я обязательно должен пойти!

– Но ты же болен! – шепотом воскликнула Маша.

– Я не болен, у меня просто немного болит горло, – возразил Радик. – Если ты мне помо-
жешь, то к утру всё пройдет. Ты ведь знаешь, что надо делать?

Маша подошла к брату, и потрогала его лоб.

– Да у тебя температура! Пойду, скажу маме, – и она шагнула к двери.

– Никуда ты не пойдёшь! – Радик схватил сестру за руку. – Ты что, не понимаешь, что
если я заболею, то не попаду на чемпионат!

Маша остановилась. Подумав немного, сказала:

– Ладно. Принесу тебе лекарство, и горячего молока с мёдом. А ты иди, ложись.

– Ты не обманешь? Правда, ничего не скажешь маме?

– Обещаю. Иди.

Радик вернулся в свою комнату и лёг. Вскоре пришла Маша с кружкой дымящегося
молока в руках. Радик терпеть не мог пить молоко с мёдом, и обычно его трудно было угово-
рить. Но сейчас он безропотно выпил все до капельки. Маша дала ему еще две каких-то таб-
летки, замотала горло пуховым шарфом, укрыла одеялом, а сверху еще пледом, и наказала не
снимать ни то, ни другое до утра.

Рано утром Маша заглянула в комнату к Радик, чтобы узнать, как он себя чувствует.
Брат был уже на ногах, и даже успел сходить в душ.

– Спасибо, Машенька, всё хорошо, ты мне очень помогла.

Он действительно чувствовал себя намного лучше, чем ночью. Но Маша не поверила на
слово, подошла и потрогала его лоб. Температура была нормальной.

– Покажи горло, – приказала она.

– Зачем?

– Показывай, а то всё маме расскажу, – пригрозила Маша, и Радик послушно открыл рот.

– Красное еще, – авторитетно произнесла она.

– Но совсем не болит, – поспешил заверить Радик.

Маше очень понравилась роль личного врача старшего брата, и она сказала:

– И всё-таки, по-моему, ты еще не совсем здоров. Поэтому не смей сегодня гулять со
своей новенькой, а сразу иди домой, понял?

– Есть, – Радик шутливо приложил руку к виску. – Только у новенькой есть имя. Её зовут
Лера.

– Лера-кавалера, – хихикнула Маша, но, увидев, что Радик нахмурился, добавила: – Я
пошутила. Очень красивое имя. Я бы хотела, чтобы и меня так звали, честно.

– А я бы не хотел, – серьезно сказал Радик.

– Почему?

– Лера – это Лера, а ты – это ты. Тебя зовут, как нашу маму, а значит, это лучшее имя
на свете. Я бы хотел, чтобы лучше Леру звали Машей.

– Ты прав, как всегда, – улыбнулась Маша. – На самом деле моё имя мне нравится больше.

*

Утренняя тренировка у Радика начиналась с семи часов, и продолжалась до восьми трид-
цати – пока не начались массовые тренировки. Занятия в школе начинались с восьми утра, и
он пропускал первый урок. Но так как Радик хорошо учился, и наверстывать упущенное не
составляло труда, ему разрешили эти «прогулы» ради участия в чемпионате России.

Сегодня на утренней тренировке он падал на ровном месте, и сам не понимал, почему.
Он так устал, что еле дошел до школы, и даже не сел, а рухнул за парту. Весь урок отдыхал,
впервые не слушая объяснения учителя.

– Что с тобой? – удивилась Лера, обиженная тем, что Радик почти не обращает на неё внимания.

– Я устал на тренировке.

Он окончательно пришёл в себя только к концу третьего урока. Поэтому, когда на большой перемене к нему подошла Маша, и спросила:

– Ну, как, у тебя всё в порядке? – он кивнул:

– Конечно, не беспокойся.

Как только Маша ушла, Лера спросила:

– Кто эта девочка?

– Моя сестра Маша, – ответил Радик. – Она учится в седьмом классе.

– Сестра? – удивленно переспросила Лера. – А вы совсем не похожи... Я думала, она твоя подружка.

– Но я же дружу с тобой, – улыбнулся Радик.

Он уже отдохнул, и теперь мог любоваться Лерой беспрепятственно.

– Радик, мы погуляем сегодня вечером после твоей тренировки?

– Ой, извини, Лера... – он смутился. – Я не смогу сегодня... Мне нужно домой.

– Что, мама сердится? – усмехнулась Лера чуть презрительно.

– Нет, просто сегодня не могу. Мама шьёт мне костюм для выступлений, надо делать примерку, – быстро соврал Радик, хотя ложь была неприятна. Но сказать правду, что он боится заболеть, он стеснялся.

– Но хотя бы пойти с тобой на тренировку можно? – спросила девочка.

– Можно, – кивнул Радик, радуясь, что Лера не обиделась.

Вечерняя тренировка была не лучше утренней. Радик даже испугался, что Лера в нём разочаруется. А тренер никак не мог понять, что случилось с его лучшим учеником.

– Ты не болен? – спросил он.

– Нет, нет, – поспешил ответить Радик.

– Ну, если это из-за девочки, что приходит с тобой, то, извини, на время придётся о ней забыть.

– Она не причём, – быстро сказал Радик. – Наверное, просто не могу прийти в себя от радости, что поеду на чемпионат. И на кубке я очень сильно устал... не физически.

– Иди сегодня домой, получше отдохни, – посоветовал тренер. – И завтра чтобы был в форме!

– Есть, – вздохнул Радик и пошёл домой.

Дома за ужином пришлось разыгрывать зверский аппетит, хотя есть совсем не хотелось, но чтобы мама ничего не заподозрила. Зато потом Радик сослался на то, что очень устал на тренировке – это ни у кого не вызвало сомнений – и ушёл к себе. Потом к нему пришла Маша и снова заставила пить горячее молоко и таблетки.

Через пару дней Радик почувствовал себя совсем здоровым. Успехи на тренировках резко пошли в гору. А Маша попросила переменить время её тренировок, и теперь они совпадали с вечерними тренировками Радика. Маша меньше занималась, больше следила за братом, чтобы вовремя заметить, не заболел ли он снова.

Часто посмотреть тренировки приходила Лера, и Маша познакомилась с ней. Подружка Радика, в самом деле, оказалась очень красивой, но Маше не понравилась, потому что вообще не любила девчонок. А Лера была настоящая кокетка, и Маша не понимала, как такая девочка может нравиться Радик.

Лера очень нравилась Радик, и он нравился ей. Одноклассницы с завистью поглядывали на новенькую. Еще бы, только пришла в класс, и сразу зацапала лучшего парня, внимания которого девчонки тщетно добивались не первый год.

Лере в Радике нравилось всё: его внешность, серьёзность, и вместе с тем весёлость, и что он хорошо учится, но не зубрила, и что без пяти минут известный фигурист, и что других девочек даже не замечает, а смотрит только на неё... Не нравилось лишь то, что Радик слишком ответственно относится к тренировкам, и даже ради неё не может позволить себе опоздать или пропустить тренировку. Лере было обидно, что фигурное катание у него на первом месте, а она – лишь на втором. И еще очень не нравилось, что он во всём слушается младшую сестру. «Радик, надень варежки» – и он надевает, «Радик, не забудь шарф» – и он послушно заматывает горло, хотя на улице оттепель. «Радик, в восемь часов ты должен быть дома», – приказывает Маша, и он говорит Лере: «Извини, я не смогу тебя сегодня проводить». Она удивлялась, почему он позволяет младшей сестре командовать собой. Вот если бы она была старше, тогда было бы понятно.

Лере хотелось одной безраздельно владеть Радиком, поэтому она всё время вела борьбу за него с фигурным катанием и с его сестрой.

Правда, с фигурным катанием Лера боролась безуспешно. Однажды она с большим трудом достала два билета на концерт известного певца, который нравился обоим, и который давал в Кирове всего один концерт. Но Радик отказался идти только потому, что в это же время у него была тренировка.

В борьбе с Машей ей иногда удавалось выйти победительницей, и Радик, вместо того, чтобы сразу после тренировки идти домой, шёл провожать Леру.

В очередной раз это произошло за две недели до чемпионата. Лера, как обычно, после тренировки попросила Радика проводить её. Но, как обычно, вмешалась Маша.

– Нет, он пойдёт домой, – решительно сказала она. – У него режим, ему скоро на чемпионат ехать.

– Извини, Лера, – смущенно проговорил Радик. – Маша права...

– А я думала, мы дружим, – обиженно сказала Лера.

– Конечно, мы дружим, но... скоро соревнования...

– От того, что ты придёшь домой позднее на полчаса, твой режим не пострадает! Ладно, иди, я найду кого-нибудь, кто меня проводит!

Она развернулась и пошла к выходу. Раньше, если Радик не мог проводить Леру, она уходила домой одна, и не грозила найти другого провожатого. Он понимал, что рассерженная девочка вполне может исполнить угрозу, а он не мог этого допустить.

– Иди домой, Маша, я скоро приду, – сказал Радик сестре и догнал Леру. – Я провожу тебя. Идём. Не обижайся, пожалуйста.

Лера улыбнулась, и торжествующе оглянулась на Машу, которая кусала губы от злости. Лера едва сдержалась, чтобы не показать ей язык.

– Радик, не задерживайся, – сказала Маша вслед.

– Ладно, – ответил он, не оборачиваясь.

*

У дома Леры они остановились.

– Ну, я пошёл, пока, – сказал Радик.

– Подожди, – остановила его Лера.

Назло Маше она решила задержать мальчика, заодно проверить свою власть над ним.

– Лер, мне, правда, пора домой, – пробормотал Радик, но не ушёл.

– Ладно, иди, – разрешила она, но тут же снова остановила. – Нет, постой... сначала... поцелуй меня.

Они еще ни разу не целовались за месяц знакомства, и Радик смущенно признался:

– Я... я не умею...

– Не умеешь? – Лера засмеялась, а он покраснел. – Хочешь, научу?

– Очень хочу, но... мне надо домой...

– Это недолго, – лукаво пообещала девочка. – Иди сюда. Обними меня... Ой, какая у тебя толстая куртка. Расстегни.

На улице стоял колючий февральский мороз, но Радик послушно расстегнул меховую куртку, и снял варежки. Лера тоже расстегнула беличью шубку, и он несмело обнял девочку. Он никогда еще не обнимал девушку, не был с девушкой так близко, как сейчас, и ощущение этой близости повергло его в блаженный трепет. Радику вдруг стало жарко, руки сами крепче обхватили стройную фигурку, а губы сами нашли губы Леры.

Поцелуй был долгим и сладким. У Радика кружилась голова, когда он кончился.

– Ну вот, а говорил, не умеешь, – сказала Лера.

– Я... люблю тебя, – проговорил Радик со всей страстью, на которую только был способен четырнадцатилетний мальчик, и так пылко посмотрел на Леру, что она даже испугалась его же разожженного огня.

Она попыталась освободиться из объятий Радика, но он только крепче прижал её к себе.

– Я тоже, тоже тебя люблю, – сказала Лера. – Но тебе пора домой.

– Нет, подожди, я хочу поцеловать тебя еще раз.

Их губы снова слились в поцелуе. Радик забыл, что скоро соревнования. Он забыл обо всём на свете, и они долго стояли у подъезда, не в силах расстаться. Лера больше не напоминала Радику о доме, поняв, что дальше поцелуев дело не зайдёт. Ей тоже было приятно обнимать этого красивого мальчика, приятно целоваться с ним, сознавать, что он ею восхищается, и сейчас полностью в её власти. Обнимая Радика, она опустила руку в карман его куртки и отключила мобильный телефон, чтобы им никто не помешал. А он даже не заметил.

Наконец у Леры замёрзли ноги, и она сказала, что ей пора домой. Радик заботливо застегнул шубку Леры, забыв про свою куртку, и еще несколько минут стоял под окнами её дома под впечатлением новых незабываемых ощущений.

Он достал из кармана телефон, чтобы посмотреть, сколько времени, и удивился, почему он отключен. Включив его, Радик ужаснулся: шел десятый час! Он простоял с Лерой почти два часа! Он бегом кинулся домой, и только тогда почувствовал, что ноги заоченели от холода. А телефон сразу затрезвонил: мама беспокоилась, почему Радик так задержался.

Маша строго и укоризненно смотрела на брата, пока он ужинал, а он почему-то не смел поднять на неё глаза. Но, вспоминая время, проведенное с Лерой, невольно улыбался. Это время он совсем не считал потерянным.

Ночью Радик снова почувствовал себя плохо. Снова кружилась голова, и болело горло. Но идти опять к Маше было стыдно. Две недели до чемпионата! Как он мог забыть об этом! Маша была права, как всегда. Пусть лучше Лера обиделась бы, потом Радик нашёл бы способ с ней помириться. А теперь придётся отказаться от соревнований, к которым он так долго шёл... Он уткнулся лицом в подушку, и заплакал от собственного бессилия что-либо изменить.

– Радик, Радик, что с тобой? – услышал он голос Маши, и почувствовал, как она трогает его за плечо. – Что случилось? Почему ты плачешь?

Он с трудом повернулся на спину. Маша потрогала его лоб.

– Да ты весь горишь! Ты снова заболел!

Маше очень хотелось сказать: «А ведь я предупреждала. Надо было меня слушаться, а не гулять со своей Лерочкой». Но ничего такого не сказала, видя, что брату и так плохо.

– Ладно, не плачь. Я помогу тебе. Сейчас.

– Ты... не будешь звать маму? – тихо спросил Радик.

– Нет, – ответила Маша, и пошла кипятить молоко.

Утром за завтраком Мария заметила, что сын бледный и какой-то вялый.

– Радик, ты не заболел? – спросила она, трогая его лоб.

Температуры не было.

– Нет. Просто плохо спал, – отговорился он.

Мария внимательно взглянула на сына.

– Да всё в порядке, мам, – улыбнулся он. – Чем ближе соревнования, тем больше я и волнуюсь. Поехали, а то на тренировку опоздаю.

История повторилась. Днём Радик изо всех сил старался казаться здоровым, а по ночам Маша лечила его горячим молоком, медом и ампициллином. Радик и раньше часто простужался, Маша знала, какие таблетки ему обычно выписывали, и купила их, взяв деньги из своей копилки.

Через три дня он почувствовал, что всё прошло, а еще через десять дней поехал на чемпионат России в Москву. Мария снова сопровождала сына.

*

Она снова с волнением следила за его выступлениями. У Радика были все шансы занять призовое место, и о юном фигуристе из Кирова заговорили, как о новой восходящей звезде российского мужского одиночного катания.

После обязательной программы Радик был на втором месте. А произвольную начал так, что никто уже не сомневался, что он станет чемпионом. А он взял, да и запнулся на дорожке шагов. В итоге Радик стал третьим. Но и это был большой успех – он получил право поехать на чемпионат Европы в Братиславу, который состоится в середине марта, и на чемпионат мира в Ванкувер – в апреле.

Радик вернулся домой с радостным настроением. Надежды на успех на чемпионате Европы были велики, как никогда. Но он стал замечать, что сильнее, чем обычно, устаёт на тренировках. Ложась спать на целый час раньше, утром вставал почти не отдохнувшим, а к вечеру уставал еще сильнее. Радик чувствовал, что с ним что-то неладно, но что – не мог понять. Он боялся признаться в этом кому бы то ни было, даже Маше. Впрочем, это его состояние не бросалось в глаза, а усталость всегда можно было списать на усиленные тренировки. И если мама и спрашивала: «Что с тобой, сынок?», он всегда мог отговориться.

Дружба Радика и Леры продолжалась, но теперь он так редко позволял себе прогулки с ней! Иногда Радик так уставал на тренировке, что даже объятия и поцелуи любимой девушки не выводили его из апатии. Лера обижалась, а он виновато опускал глаза и говорил, что когда закончится спортивный сезон, он будет проводить с ней все вечера напролёт.

В марте Радик поехал на чемпионат Европы. Мария неизменно сопровождала его.

*

После обязательной программы он занимал восьмое место, и только чудо могло помочь ему войти в тройку призеров. Тренеры, специалисты и журналисты, конечно, ожидали от Радика Морозова более высоких результатов. И всё же, говорили они, восьмое место – неплохой результат для дебюта на соревнованиях такого ранга. К тому же, соревнования еще не закончились.

Радик был, конечно, расстроен, хотя старался не показывать этого. И, может потому, что терять было нечего, он так откатал произвольную, что и зрители, и судьи только ахнули. А он, закончив танец, сидел у входа за кулисы, и не мог отдышаться. Тренер сборной сидел рядом, не скупясь на похвалы, но смысл слов не доходил до сознания Радика. Каждый вдох давался с таким трудом, что он был занят только этим.

Мария со своего места на трибуне с волнением смотрела на световое табло, на котором одна за другой зажигались оценки. Увидев их, Мария замерла от радости: оценки были высокими.

Радик поднял голову, взглянул на оценки, но вместо радостной улыбки его лицо вдруг исказила гримаса боли. Он прижал руки к груди и склонился к коленям.

Мария вскочила с места и бросилась к сыну.

– Радик, мальчик мой, что с тобой? – она присела, заглядывая ему в лицо.

– Не знаю... очень больно, – чуть слышно ответил Радик и потерял сознание.

Он очнулся за кулисами, в какой-то маленькой комнате. Рядом были мама и врач сборной России. Боль прошла, и если бы не слабость во всем теле, Радик чувствовал себя вполне сносно.

– Тебе лучше? – спросил врач.

– Да, – ответил Радик. – А что со мной?

– Ты потерял сознание от физического и нервного перенапряжения. Ничего страшного. Такое бывает.

– Ты сможешь сейчас выйти на лёд? – спросила Мария.

– Зачем?

– Сейчас будет награждение. Ты стал бронзовым призером.

– Что? – Радик сел, не веря своим ушам. – Правда?

Он встал и вышел на лёд, проехал круг почёта, сияя радостной улыбкой.

А Мария спросила врача:

– Что с ним?

– Не могу сказать ничего определенного, – ответил врач. – Вернётесь домой, обязательно пройдите обследование.

Мария рассеянно кивнула. Она и без всякого обследования догадывалась, что случилось с её сыном.

«Он унаследовал от отца всё. И даже это», – подумала она.

Радик не смог выступить в показательных выступлениях, и они вернулись домой грустные, несмотря на то, что он стал бронзовым призером. Снова пришли одноклассники поздравить его, но Радик с трудом смог выдавить из себя несколько кислых улыбок, и ничего не стал рассказывать о чемпионате. Гости, удивленно пожимая плечами, быстро разошлись. Он был рад, что одноклассники ушли, и что среди них не было Леры.

На следующий день он не пошёл в школу – Мария повела сына в поликлинику на обследование.

Она водила его по кабинетам за руку, как маленького. В глубине души надеялась, что ничего страшного не случилось, и то был просто обморок от чрезмерного волнения и нервного перенапряжения. Но все пути вели Радика к кардиологу – из всех кабинетов его направляли туда.

После электрокардиограммы, рентгена и других обследований врач-кардиолог пригласил в кабинет Марию. Радик сидел тут же, на кушетке, и плакал. Мария бросилась к нему, обняла.

– Что с моим сыном?

– У него порок сердца, – сказал врач.

– Но до сих пор он был совершенно здоров! – возразила Мария, хотя на девяносто девять процентов была уверена, что услышит именно это. Но именно поэтому верить и не хотелось.

– Да, не спорю. У мальчика всегда была предрасположенность к ревмокардиту. Радик сказал, что он легко простужается. А осложнение на сердце дали перенесенные на ногах ангина или грипп.

– Но он никогда не переносил ангину или грипп на ногах! Я бы не позволила! – воскликнула Мария.

– Вот потому-то он и скрыл от вас свою болезнь.

– Это невозможно, я бы всё равно заметила!

Мария заглянула в заплаканное лицо сына, но он отвел глаза.

– Радик всё рассказал, – проговорил врач. – Ему помогала сестра.

– Что же теперь будет? – проговорила Мария, сама чуть не плача.

– Ничего страшного не случилось, – успокаивающим тоном проговорил врач. – Всё будет в порядке, если ограничить физические нагрузки.

– Это значит... – Мария не договорила.

– Да. Со спортом придётся расстаться. Я понимаю, это удар для него и для вас. Мальчик подавал большие надежды. Ничего не поделаешь, он знает, что сам виноват. Я выписал лекарство. Применять по необходимости. Если возникнут боли.

Врач протянул Марии рецепт. Она взяла его, не глядя, сунула в сумочку.

– Идём, сынок.

Приехав домой, Радик сразу лёг. Он больше не плакал. На него нашло какое-то равнодушное оцепенение. Он лежал, ни о чем не думая, и глядя в одну точку на потолке.

А Мария ходила по дому, бралась то за одно дело, то за другое, но всё валилось из рук. Её не покидало чувство вины. Не заметила, не обратила внимания... Будь она повнимательней, возможно, этого бы не случилось. Правда, тогда Радик вряд ли поехал бы на чемпионат России, и на чемпионат Европы. А разве можно винить мальчика в том, что он очень хотел поехать на соревнования?

Пытаясь успокоиться, Мария села вязать, но и это испытанное средство сегодня не помогло.

Пришёл из школы Алёшка.

– Мам, ну что там с Радиком?

– Ничего, сынок, практически всё в порядке, – ответила Мария, пытаясь придать голосу уверенность. – Он переутомился на соревнованиях. Сейчас отдыхает. Ты ему не мешай, ладно? Пообедаешь, и отправляйся на тренировку.

– А Радик, что, не пойдёт?

– Нет.

Алёшка хотел еще что-то спросить, но передумал.

Потом пришла Маша.

– Мама, а где Радик?

– У себя в комнате, – ответила Мария. – Отдыхает. Не мешай ему.

– Хорошо. А что с ним?

– Ничего страшного. Просто переутомление, – Мария почему-то не смогла сказать правду ни Алёше, ни Маше.

Маша недоверчиво взглянула на маму, но больше ничего не спросила. Она решила сама убедиться, что с Радиком действительно ничего страшного не случилось. Девочка подошла к двери комнаты Радика как раз, когда оттуда выходил Алёшка. У него было удивленное и немного испуганное выражение лица.

– Что с ним? – взволнованно спросила Маша.

– Я не знаю, – ответил младший брат. – Он какой-то странный... кажется, он меня даже не заметил.

Маша оттолкнула Алёшку от двери и вбежала в комнату. Радик лежал поверх одеяла, и такого отсутствующего, неживого выражения лица Маша еще никогда у него не видела.

– Радик! – испуганно вскрикнула она, подбежав к постели. – Что с тобой?

Он вздрогнул, и, как бы очнувшись, взглянул на сестру.

– Всё кончено, – сказал он тихо. – Мне больше нельзя заниматься фигурным катанием...

Радик с трудом сдержался, чтобы не расплакаться снова. Маша молча обняла брата, не зная, чем еще его утешить.

– Хочешь, я тоже не буду ходить на тренировки? – спросила она после недолгих размышлений.

– Если это лишь из солидарности со мной, то нет. Иди к себе, Маша. Я хочу побыть один.

– Радик, можно, я останусь с тобой? Я не буду мешать.

– Это я буду мешать тебе, – Радик через силу улыбнулся. – Иди, Маша.

Девочка неохотно вышла из комнаты. А Радик вцепился зубами в подушку, чтобы не закричать от жалости к самому себе.

А потом вошла Алиса. По её выражению лица Радика понял, что она уже все знает.

– Милый братик, не надо так переживать, – ласково проговорила Алиса, присев на край кровати. – Я же бросила фигурное катание, и ничего, совсем не страдаю. Прояви себя в чём-нибудь другом. Ты неплохо рисуешь, поёшь, играешь в шахматы, на гитаре, фотографируешь... У тебя масса увлечений.

– Была, – резко ответил Радик. – Сейчас мне ничего не хочется.

– Захочется, – заверила его Алиса. – Вот увидишь.

– Алиса, я хочу спать. Может, ты уйдёшь?

– Как скажешь, – она встала и пошла к двери. – Но если тебе что-нибудь будет нужно, просто постучи в стенку.

– Ничего не нужно, только сделай так, чтобы ко мне никто не заходил, – сказал Радик, понимая, что если еще кто-нибудь придёт с соболезнованиями, то он не выдержит и снова заплачет.

– Хорошо, – кивнула сестра и ушла.

Алиса сдержала слово, и его никто не беспокоил до утра.

А утром заглянула Маша. Радик давно не спал, потому что привык вставать рано, но сегодня продолжал лежать.

– Радик, пойдёшь в школу?

– Не знаю.

Не хотелось никуда идти, не хотелось даже шевелиться. Усталость от напряжённых дней чемпионата еще не прошла, а вчерашний день еще добавил душевной боли. Ему не хотелось встречаться с одноклассниками в таком состоянии. Маша заглянула к нему еще раз, но он сделал вид, что спит, и она ушла.

У двери в класс Машу ждала Лера.

– Привет. Что с Радиком? Почему он не пришёл вчера в школу? А сегодня придёт?

– Нет, – холодно ответила Маша.

– А завтра придёт?

– Не знаю, – Маша и ушла.

Лера вернулась в класс. Её сразу окружили ребята.

– Ну, ты узнала, что с ним?

– Машка ничего мне не сказала, – пожала плечами Лера. – Она меня терпеть не может. Но, наверное, завтра он придёт. Давайте устроим торжественную встречу, – предложила она.

Затея увлекла всех, и ребята начали совещаться, как это лучше сделать.

А Маша, вернувшись из школы, застала Радика всё в том же лежачем положении.

– Что ты все время лежишь? Ты что, болен?

– Нет.

– Ты пойдёшь завтра в школу?

– Не знаю.

– А, между прочим, твоя Лерка тобой интересовалась, – немного подумав, сообщила Маша, решив, что это единственное средство немного расшевелить брата.

Радик вспомнил о Лере, и ему захотелось её увидеть.

– Я пойду завтра в школу, – сказал он.

ГЛАВА 4. ПРОСТО РАДИК

Март – май 2001 г.

– Идёт, идёт! – Лера, дежурившая в коридоре у окна, вбежала в класс и прикрыла за собой дверь.

Ребята торопливо построились полукругом, а Лера достала из-под парты заранее приготовленные цветы.

Радик вошёл в класс. Он не успел даже удивиться, почему одноклассники выглядят так торжественно, потому что к нему сразу подбежала Лера с букетом гвоздик, а ребята хором закричали:

– Поздравляем с третьим местом! Поздравляем с третьим местом!

Радик, улыбнувшийся было, вдруг помрачнел, цветы не взял, повернулся и выбежал из класса.

Лера, удивленная его реакцией, отбросила ненужный уже букет и побежала за Радиком. Она остановила его только у двери на улицу.

– Постой, Радик, постой! Извини, мы же хотели, как лучше! Что-то случилось, да? Почему ты не хотел, чтобы мы тебя поздравляли?

Радик остановился и взглянул на Леру блестящими от слёз глазами.

– Ну, прости, если мы тебя обидели, – растроганно проговорила девочка. – Пойдём.

Радик позволил ей увести себя в класс, и она села рядом с ним. Его соседка хотела было возмутиться, но Лера так взглянула на неё, что та покорно забрала свой портфель и ушла на заднюю парту.

Лера умирала от любопытства, что же такое случилось, и почему Радик так расстроился, когда они хотели поздравить его? Но она не стала расспрашивать, надеясь, что он сам расскажет. А так как Радик молчал, строила разные догадки и предположения. Наверное, он рассчитывал на первое место, поэтому третьему совсем не рад?.. А, может, кто-то заставил его выступить хуже, чем он мог? Может, ему угрожали?..

Радик был мрачнее тучи, поэтому никто не решился расспрашивать его о соревнованиях, а сам он рассказывать, похоже, не собирался. Лера теряла терпение.

После уроков Радик предложил Лере пойти погулять, и она согласилась, решив, что теперь-то он все ей расскажет.

Но они все шли и шли по улице молча.

– А разве тебе не надо на тренировку? – спросила Лера, когда они прошли уже два квартала.

– Нет, – ответил Радик, и Лера заметила, что глаза его опять заблестели. – Я... больше не занимаюсь... фигурным катанием.

– Почему? – удивилась Лера. – Ты разочаровался в спорте, потому что не стал чемпионом?

– Нет, не поэтому. Мне больше нельзя...

– Почему?

– Потому что у меня порок сердца.

– Это значит, ты не поедешь на чемпионат мира в Ванкувер? – разочарованно спросила Лера.

– Нет.

Она была разочарована не только тем, что Радик не поедет на чемпионат мира, а еще и тем, что причина его плохого настроения оказалась такой банальной. Просто нельзя заниматься спортом, потому что обнаружили порок сердца! А Лера мечтала услышать почти детективную историю о шантаже, о предложении денег за проигрыш, как Радик сначала испугался

и выступил плохо в короткой программе, а потом решил не сдаваться, и показал всем, на что он способен... Лера взглянула на Радика, и увидела, что он чуть не плачет. Стало жаль его, и захотелось утешить.

– Вот и хорошо, что ты не будешь больше тренироваться, – сказала она, изображая искреннюю радость. – Значит, теперь ты всё время будешь со мной!

Радик не хотел, но улыбнулся.

– Пойдём на Набережную! – предложила Лера.

– Пойдём, – согласился Радик.

*

Теперь они часами гуляли по весенним улицам города. Свежий воздух, радостное щебетание птиц, журчание ручейков на вытаявшем из-под снега асфальте, и красивая девушка рядом понемногу возвращали Радика хорошее настроение и прежнюю энергичность. Постепенно он вернулся ко всем прошлым увлечениям. Боли в сердце не беспокоили его, и, казалось, он забыл о них. Жизнь вошла в обычную колею. Мария была рада, что её сын так быстро смирился с потерей.

Правда, в день открытия чемпионата мира по фигурному катанию Радик снова плакал, и не стал смотреть ни одной передачи. Соревнования закончились, и он успокоился.

Никто, даже Мария, не догадывались об истинной глубине его душевной раны. Фигурное катание снилось Радика по ночам, и он, просыпаясь, с трудом сдерживал слезы. Оставаясь один, он только и думал о фигурном катании. Иногда брал в руки коньки и сидел неподвижно, словно изваяние, с отсутствующим взглядом. Один раз он с такой силой сжал лезвие конька, что порезался. Радик уже ничего не ждал от жизни, а своими прежними увлечениями занимался лишь затем, чтобы чем-то заполнить образовавшуюся пустоту во времени. И только встречи с Лерой радовали его.

А ей уже наскучил этот странный парень, у которого безудержная весёлость вдруг сменялась безотчётной грустью. Поэтому Лера всё чаще стала поглядывать на других мальчиков. Всё чаще находила причину отказаться от прогулки с Радиком, всё чаще после уроков незаметно исчезала. А если и шла с ним гулять, то старалась побыстрее отделаться, ссылаясь на неотложные дела.

Маша заметила это, однажды в школе подошла к Лере и спросила прямо:

– Ты что, не хочешь больше дружить с Радиком? Он тебе надоел?

– Ну, знаешь, кому угодно надоест, видеть всё время кислую физиономию! – раздражённо ответила Лера.

На самом деле всё было совсем не так. Просто Радик теперь принадлежал ей одной, и не надо больше за него бороться с фигурным катанием. А это уже неинтересно.

– Если не хочешь с ним дружить, так и скажи ему, пока он сам не заметил, как ты бегаешь на свидания с другими! – сказала Маша.

– А ты мне не указывай! – возмутилась Лера. – И лучше не суйся в наши дела, ясно?

Сказав это, она повернулась и ушла. А через пять шагов столкнулась с Радиком.

– Лера! Я искал тебя, – сказал он, и лицо его было полной противоположностью тому, какое только что она описала Маше. – У меня сегодня день рождения, мне исполняется пятнадцать. И я тебя приглашаю. Будут все наши одноклассники. Придёшь?

– Ой, Радик, я, наверное, не смогу, – замялась девушка. – У меня нет подарка...

– Это совсем необязательно, – заверил он.

– И еще... сегодня двоюродный брат приедет в гости, неудобно уходить и оставлять его одного, – добавила Лера, как последнюю и самую вескую причину для отказа.

– А приходите вместе, – предложил Радик.

– Ладно... если он согласится, – ответила Лера.

«Надо же было ему родиться именно сегодня, – с досадой думала она, сидя на уроке, и совсем не слушая учителя. – Что же теперь, раздвоиться, что ли?»

Лере хотелось пойти на день рождения к Радик, и наконец, увидеть его дом, о котором слышала столько восхищенных «ахов» и «охов» от одноклассников. Будто бы в нем есть всё, чего только душа ни пожелает. Но как раз на сегодняшний вечер у неё назначено свидание с парнем из соседней школы. Этот парень ей очень нравился, и чтобы познакомиться с ним, Лере пришлось приложить немало усилий и хитрости. А если она не придёт на первое свидание, оно станет последним.

К концу уроков Лера решила, что свидание всё-таки важнее. А Радик... уже пройденный этап, прочитанная книга. И если она не увидит его дом, ничего страшного не произойдет. Но ему ничего не сказала, и сразу после уроков исчезла, как обычно.

Вечером в гостиной дома Морозовых собрались почти все одноклассники Радика. Стол был давно накрыт, но он всё тянул время, ожидая Леру.

– Радик, пора приглашать гостей за стол, – уже который раз предложила Мария.

– Мама, сейчас придёт еще одна девочка, – снова ответил он.

– Мы ждём её уже целый час, – сказала Мария.

– Да не придёт она, – сказала вдруг Света, бывшая соседка Радика по парте.

На столе в столовой было столько разных вкусных вещей, она видела их через аквариум, который был вместо окна между гостиной и столовой, что она просто не выдержала.

– Придёт, – упрямо ответил Радик.

– Не придёт, – возразила Света. – Сходи в сквер возле школы, сам убедишься.

Радик бросился было к двери, но в прихожей Мария остановила его.

– Куда ты? Разве можно оставлять гостей?

Радик на мгновение остановился, и снова шагнул к двери.

В это время в дверь позвонили. Радик открыл, и увидел на пороге Леру и незнакомого юношу.

К счастью, это была Лера, иначе Мария не представляла, как удержит сына дома.

А Лера всё-таки решила прийти, стало обидно, что она будет единственной из класса, кто не видел дома Радика, и было любопытно, что же в нём такого чудесного. Она уговорила Руслана пойти на день рождения.

Снаружи дом ей очень понравился: трёхэтажный, с большими окнами, со стеклянной башенкой на правом углу, в которой была видна винтовая лестница, с зимним садом на третьем этаже и открытой террасой на крыше.

– Познакомься, Радик, это мой двоюродный брат Руслан, – сказала Лера. – Извини, что опоздали. Руслан, а это мой одноклассник, бронзовый призер чемпионата Европы по фигурному катанию Радик Морозов.

– Не надо титулов, – поморщился он. – Я просто Радик Морозов. Очень рад, что вы пришли. Проходите.

Они вместе прошли в гостиную, и Радик представил всем двоюродного брата Леры. Девочки начали было переглядываться и хихикать, но Лера так на них посмотрела, что у них отпала охота смеяться: девочки уже достаточно хорошо изучили мстительный характер одноклассницы.

После праздничного ужина хозяева и гости перешли в гостиную, чтобы потанцевать.

Лера весь вечер не отходила от Руслана. Радик не обижался на неё за то, что она не может оставить двоюродного брата, у которого кроме неё здесь нет знакомых. Он был просто рад, что она всё-таки пришла.

– Можно посмотреть твой дом? – попросила Лера у Радика.

– Конечно, я с удовольствием всё покажу, – ответил он.

– Задержите его, – шепнула Лера девочкам, и одна из них сразу подошла к Радику и отвлекла его, пригласив танцевать.

– Я обещал Лере и Руслану показать дом, – попробовал отказать он.

– Ничего, они и сами всё прекрасно посмотрят, – махнула рукой Марина. – Пойдём лучше потанцуем. Ты со всеми девчонками уже танцевал, только со мной не танцевал еще. Я могу и обидеться.

И она увлекла Радика в круг танцующих.

Ему было наплевать, обидится на него Марина или нет. Но она так вцепилась в него, что он боялся, как бы она не упала, если он её оттолкнёт. А как только танец закончился, к нему сразу подскочила Света.

– Радик, ты со мной еще не танцевал!

Потом он танцевал с Наташей, потом с Ларисой. А Лера и Руслан всё не возвращались. Когда Радику удалось, наконец, ускользнуть от приставучих девчонок, он пошёл искать Леру и её брата.

Заглянул на кухню, в библиотеку, в комнаты для гостей, даже в гардероб, но Леры и Руслана там не было. Радик взбежал на второй этаж, заглянул во все жилые комнаты, в игровую. И там никого не было. Он поднялся на третий этаж, хотел заглянуть в зимний сад, но... и вдруг услышал тихий смех из швейной комнаты. Сначала подумал, что ему показалось, потому что свет в комнате не был включен, это было видно в приоткрытую дверь. Радик насторожился: что могут делать двоюродные брат и сестра в комнате, где нет света? Радик тихо подошёл к двери, и заглянул в щёлку. И увидел на фоне окна, освещённого светом из зимнего сада, куда выходило окно швейной, силуэты юноши и девушки. Они целовались. Ошибиться было невозможно: у окна стояли Лера и Руслан.

Радик прикрыл дверь и пошёл к лестнице. Только сейчас он начал понимать, что значили частые исчезновения Леры, её неотложные дела, и почему она сегодня опоздала... И что Руслан вовсе не двоюродный брат.

Радик не смог бы сейчас выразить словами то, что почувствовал. Обида, разочарование, понимание, что Лера его обманула – всё смешалось в один тугой комок боли. Так плохо ему не было даже на чемпионате Европы, когда он впервые почувствовал боль в сердце. Потому что сейчас ему было во много раз больнее. Радику даже показалось, что сердце сейчас просто остановится. Он успел сделать лишь несколько шагов, потерял сознание и упал.

Лера и Руслан слышали из коридора какой-то глухой стук – будто что-то упало – и выскочили из комнаты. Недалеко от двери на полу они увидели Радика.

– Боже мой! – испугалась Лера. – Наверное, он видел нас!

– А что особенного в том, что он нас видел? – удивился Руслан. – Ты же говорила, он просто твой одноклассник. Или нет?

– Ну, не просто одноклассник, – неохотно призналась Лера. – Мы дружили... недолго, всего месяца три... Я хотела с ним расстаться, но еще не успела сообщить об этом... Не хотела портить ему настроение перед днем рождения, потому и попросила тебя представиться моим двоюродным братом... Что же нам теперь делать? Может, уйдём потихоньку, будто ничего не видели?

– Ты что, разве можно оставлять его тут в таком состоянии? – возразил Руслан. – Надо позвать кого-нибудь. Побудь с ним, а я позову.

Руслан ушёл вниз, а Лера осталась рядом с Радиком. Она, конечно, чувствовала себя виноватой в том, что он лежит сейчас здесь без сознания, но мысленно пыталась оправдать себя: «Я же не обещала дружить с ним вечно! Мог бы и сам догадаться... Не надо было нам сюда приходить».

Руслан вернулся с родителями Радика, его старшей сестрой Алисой и её мужем Дмитрием. Отец унес мальчика в комнату и уложил на кровать. Дима побежал вызывать врача,

Алиса бросилась на кухню за водой. Мария, прежде чем пойти к сыну, спросила у Леры и Руслана:

– Ребята, что здесь произошло?

– Мы не знаем, – Лера пожалала плечами. – Я и... мой брат осматривали дом, и были в... зимнем саду, когда услышали в коридоре какой-то стук. Выбежали – а это Радик...

– Ладно, идите вниз, – сказала Мария и вошла в комнату Радика, около которого хлопотали Сергей и Алиса. Мальчик все еще был без сознания.

Лера и Руслан спустились в гостиную, где, в связи с отсутствием именинника гостей развлекали Алёшка и Маша. По лицам Леры и Руслана они сразу поняли, что что-то случилось.

– Где Радик? – спросила Маша.

– Ему стало плохо... наверху, – ответила Лера, и добавила: – Ребята, нам лучше уйти.

Гости сразу засобирались домой. Вскоре гостиная опустела. Маша проводила ребят до дверей и побежала к Радика. У двери стояли Алиса и Дима, и не пустили Машу в комнату.

– Там врач. И мама с папой. Тебе там делать нечего, – сказала Алиса.

– А что с ним? – спросил подошедший Алёшка. – Я и у Радика спрашивал, и у мамы, и у папы, и все говорили, что всё хорошо... А ему опять плохо... Алиса, он заболел, да?

– Да, – неохотно ответила Алиса.

– И поэтому ему теперь нельзя заниматься фигурным катанием? – спросила Маша.

– Да, – кивнула Алиса.

– А чем он заболел? – спросил Алёшка.

– Ангина дала осложнение на сердце, – ответила Алиса.

– Это все Лерка, – зло прошептала Маша, убежала в свою комнату и расплакалась.

К ней сразу вошла Алиса.

– Машенька, что с тобой? Почему ты плачешь?

Маша не ответила, расплакавшись еще сильнее.

– Ты из-за Радика расстраиваешься, сестрѐнка?

Маша кивнула, а потом сказала:

– Это я... я виновата... что с ним... это случилось...

– Почему ты? – удивилась Алиса.

– Это я... помогала ему скрывать, что он простудился. Он так хотел поехать на чемпионат... И я тоже хотела, чтобы он поехал...

– Не вини себя. Потому что это рано или поздно всё равно бы случилось.

– У него теперь... это навсегда?

– Наверное.

– Я вырасту, стану врачом, и вылечу Радика! – сказала Маша решительно.

– Конечно, сестрѐнка, – согласилась Алиса, обнимая Машеньку.

*

Радик пролежал в постели несколько дней, хотя уже на следующий день чувствовал себя вполне здоровым. Врач сказал, что он может ходить в школу, но Радик снова и снова оставался дома. Он просто не знал, как теперь появится в школе, сядет за парту рядом с Лерой. Нет, это совершенно невозможно.

Мария не ругала сына за то, что он не ходит в школу, догадываясь, что тут замешана девушка. Она знала, что Радик без труда наверстает упущенное, но когда он пропустил неделю, сказала:

– Радик, не пора ли тебе продолжить учебу? Скоро конец года, экзамены.

Он долго молчал, а потом сказал:

– Мама, я хочу перейти в другую школу.

– Радик, но учиться осталось всего один месяц! – возразила Мария.

– А в эту я всё равно не пойду, – тихо, но твердо ответил он.

– Хорошо, мы с папой подумаем над этим, – пообещала Мария.

Ночью она долго лежала без сна, думая о Радике. Взять и просто отказать она не могла. Мальчику и так здорово досталось: сначала лишился фигурного катания, потом девочка бросила... Мария не знала, что между ними произошло в день рождения Радика, но понимала, что теперь он не хочет не только встречаться с Лерой, но даже бывать там, где бывает она...

Электронный будильник на тумбочке пискнул два раза – два часа ночи – а Мария не спала, ворочаясь с боку на бок, и переживая за сына. С тех пор, как у Радика обнаружили порок сердца, её часто мучила бессонница.

– Никак не можешь уснуть, дорогая? – спросил Сергей, проснувшись.

– Да, – вздохнула она.

– Принести тебе снотворного?

– Спасибо, я сама схожу, спи, – Мария включила ночник и встала с постели.

Теперь ей часто приходилось прибегать к снотворному, иначе она не высыпалась, и днём чувствовала себя совершенно разбитой.

Мария открыла шкаф, достала с верхней полки флакончик со снотворным. Прикинула, сколько еще осталось таблеток, и решила, что придётся пополнить запас.

– Сережа, будешь проезжать мимо аптеки, купи еще упаковку, – попросила она. – Эта кончается.

– Хорошо, – кивнул он.

– Знаешь, – добавила Мария, вспомнив просьбу сына. – Радик хочет перейти в другую школу. Причём немедленно.

– Так переведи, – немного подумав, ответил Сергей. – Может, это хоть немного его порадует.

Утром, не откладывая дела в долгий ящик, Мария отправилась искать новую школу для Радика. Школу нашла быстро, немного дальше, чем та, в которой он учился, зато в противоположной стороне. Учился Радик хорошо, поэтому его не отказались принять. Труднее было объяснить причину столь поспешного перевода. Но Мария наплела, что у Радика больное сердце, а тут школа почти рядом с больницей, так что это для него удобнее. А когда пришла в его прежнюю школу, чтобы забрать документы для перевода, там её встретили Маша и Алёша, и потребовали, чтобы их тоже перевели в другую школу вместе с Радиком. Они тоже учились неплохо, поэтому проблемы с принятием не было, зато была другая – их не хотели отпускать из старой школы. Но Марии удалось все уладить.

Сергей не забыл о просьбе жены, и на следующий же день вечером привёз лекарство. Когда он вошёл в гостиную, то увидел всю семью в сборе. Даже Радик был здесь, хотя в последнее время предпочитал проводить вечера в одиночестве в своей комнате.

Алёшка и Маша усиленно пытались развеселить брата, а он сидел с безучастным видом.

– Вот твои таблетки, Маша, – сказал Сергей, протягивая ей коробочку.

– Мама больна? – тихо спросил Радик у младшей сестры.

– Нет, это снотворное, – пояснила она.

– Спасибо, Серёжа, – поблагодарила Мария.

– Папа, а мы с Радиком и Машей завтра идём в другую школу, – сообщил отцу Алёшка.

– Как, все трое? – удивился Сергей.

– Ага, – кивнул мальчик.

– Это, чтобы Радiku было не скучно ходить в школу, – пояснила Маша.

*

Когда Радик вернулся с уроков из новой школы, Мария спросила:

– Ну, как прошёл первый день?

– Хорошо, – коротко ответил он.

Маша и Алёшка были еще на тренировке, и Радик сел с книгой на диване в гостиной. Мария тоже села в кресло с вязанием, и нет-нет, да и поглядывала на сына. И поняла, что книга уже полчаса открыта на одной и той же странице. Мария решила, что надо как-то отвлечь сына от грустных мыслей, и предложила:

– Радик, может, сходим, погуляем? На улице чудесная погода.

– Пойдём, – немного подумав, согласился он.

Радику не хотелось никуда идти, но он решил, что доставит этим удовольствие маме.

На улице повсюду зеленели деревья, цвела черемуха, и над городом витал тонкий аромат её цветов. Мать и сын шли, обнявшись, словно влюбленные, и прохожие, наверное, так и думали, потому что Радик в свои пятнадцать лет был уже выше мамы, а Мария в свои тридцать восемь была еще очень стройна, и выглядела не больше, чем на двадцать пять. А со спины их вообще можно было принять за ровесников.

Еще утром, когда шёл в школу, Радик не замечал красот весеннего города. А сейчас мама показывала ему то на скворца на фонарном столбе, то на цветущий куст черемухи, похожий на белое облако, то на радостно-жёлтый одуванчик, вылезший из трещинки на асфальте на солнце. Рядом с мамой Радик снова ощутил себя трёхлетним ребёнком, с любопытством познающим мир. Стало хорошо и спокойно, а весна пробудила в нём радость жизни. Радик улыбнулся.

– Спасибо, мам, что вытащила меня на эту прогулку.

Мария была рада, что помогла сыну забыть о неприятностях хотя бы на время. Они шли и весело болтали о чем-то, шутили и смеялись. И вдруг...

– Мама...

Радик резко остановился, и Мария заметила, как он побледнел.

– Что, сынок? Тебе плохо?

– Нет, нет, всё хорошо. Просто... пойдём обратно, мама.

Мария не поняла, что случилось, но послушно повернула назад, размышляя, почему у Радика так внезапно испортилось настроение.

А случилось вот что: Радик увидел Леру. Она была не с фиктивным братом, а с другим незнакомым юношей. Он не хотел, чтобы она его заметила, поэтому и попросил маму вернуться.

Но Лера заметила Радика и его спутницу, правда, когда они уже повернулись спиной. Она узнала своего бывшего парня, а вот его спутницу нет, и решила, что он с девушкой. Лера сразу начала ревновать. Как?! Неужели Радик забыл её так скоро?

– Знаешь, Андрей, я вспомнила про одно срочное дело, – сказала Лера спутнику. – Давай встретимся завтра, а сейчас мне надо бежать.

И, не дав парню времени на возражения, она побежала догонять Радика и его девушку. Увидев, что девушка зашла в магазин, а он остался ждать на улице, Лера подошла.

– Привет, Радик.

Он взглянул на неё, и после недолгого молчания сказал бесцветным голосом:

– Привет.

– Почему ты не приходишь в школу? – спросила Лера. – Кажется, ты уже не болеешь.

– Я не учусь больше в вашей школе, – ответил Радик.

– В какой же школе ты учишься? – удивилась Лера.

– В другой.

– И гуляешь уже с другой девушкой, – чуть обиженно произнесла Лера.

– Я не гуляю с другой девушкой.

– Ой, пожалуйста, не ври, я вас только что видела! – возразила Лера.

– Послушай, разве тебе не всё равно? – резко спросил Радик, и в его голосе появилось хоть какое-то выражение. – Разве тебе было не всё равно, что будет со мной, когда ты целовалась со своим «двоюродным братцем» в моём доме?

На это было трудно что-либо ответить, но Лера всё же ответила вызывающе:

– А что, целоваться с двоюродными братьями запрещено? Я, может, давно с ним не виделась, а ты сразу напридумывал себе!

– Не надо врать, Лера, – в голосе Радика послышалась боль. – Я же понял, что Руслан никакой не твой брат. Я никак не могу понять, почему ты так жестоко со мной поступила? Что плохого я тебе сделал? Если ты не хотела больше дружить со мной, почему сразу не сказала? Я не настолько туп, чтобы не понять!

– Мне нечего было говорить тебе, я вовсе не хотела порывать с тобой! – воскликнула Лера. – Да, я совершила ошибку, неудачно пошутила, – её голос принял примирительный тон.

– А ты решил отомстить, и нашёл себе другую девчонку? Значит, мы в расчёте?

– Я не собирался тебе мстить, – сказал Радик с легкой усмешкой. – Я гулял сегодня не с девушкой, а с мамой.

– С мамой? – недоверчиво переспросила Лера, но вспомнила, что мама у Радика молодая и стройная, и засмеялась: – А я-то подумала, ты с девушкой!.. Радик, ну не сердись на меня. Я уже по тебе соскучилась. А ты?.. Давай забудем эту неприятную историю, и у нас будет всё, как раньше.

Радик очень хотелось простить Леру, она все еще очень нравилась ему. Но стоило вспомнить, как она целовалась с Русланом, как обида вспыхивала с новой силой, и он понимал, что не может её простить, а это значит, ничего уже не будет, как раньше.

– Нет, – сказал он.

– Ну и гуляй всё время со своей мамочкой! – обиделась Лера. – А если думаешь, что я расстроилась, то глубоко ошибаешься! Не очень-то ты мне и нужен! Неудачник!

Она повернулась и убежала.

Радик не смотрел ей вслед, кусая от обиды губы, и едва сдерживая слёзы. Его тянуло обернуться, побежать за Лерой. Но он остался стоять, потому что знал: простить её не сможет.

Мария, стоя в очереди в кассу, наблюдала за сыном через стекло витрины. Она видела, как к Радик подошла Лера, они о чем-то поговорили, и девушка убежала. Голосов не было слышно, но и так было ясно, что они поссорились. Мария поспешила к выходу.

– Что случилось, Радик? – спросила она, подбежав к сыну.

– Всё в порядке, мама, – ответил он, стараясь придать голосу спокойствие. – Идём. Давай твою сумку.

Они возвращались домой по той же весенней улице, мама снова что-то говорила Радик, он отвечал, но хорошее настроение не вернулось, и он очень старался этого не показывать.

Вечером Радик долго не мог уснуть. Он сидел на постели, не зажигая света. Слёзы катились по щекам, но он не замечал. Сегодняшняя встреча с Лерой разбредила старую рану. Радик вспоминал первую встречу, первый поцелуй, и ему до безумия хотелось еще и еще целовать Леру, сжимая в объятиях. Но тут же вспоминался другой поцелуй, который он увидел в щёлку в дверях швейной комнаты, и просто разрывался от противоречивых чувств к Лере. От этого становилось так больно, словно кто-то в тисках сжимал его сердце. А этот её выкрик: «Не очень-то ты мне и нужен! Неудачник!» заставлял Радика вспомнить о действительно неудачной карьере фигуриста, которая закончилась, едва начавшись. Если бы он мог отвлечь себя тренировками, было бы легче. А еще он догадывался, что если бы продолжал заниматься и выступать, Лера не бросила бы его. А это значило, что она любила в нём только подающего большие надежды фигуриста, а просто Радик ей безразличен.

Когда боль в груди уже почти невозможно стало терпеть, он включил свет и нашёл в столе флакончик с сердечными каплями, которые врач прописал принимать при болях.

Он уже хотел открыть флакон, но вдруг понял, что поможет лучше лекарства. Радик поставил капли на стол и вышел из комнаты.

В коридоре горело неяркое ночное освещение. Радик спустился по лестнице до половины и прислушался. С первого этажа из открытой двери гостиной доносился звук включенного телевизора, значит, мама и папа еще там, смотрят кино. Он поднялся обратно на второй этаж, неслышно прошёл по коридору и открыл комнату родителей. Подошёл к туалетному столику матери, окинул взглядом стоявшие на нём флакончики и коробочки, но не нашёл то, что искал. Он пооткрывал все ящички туалетного столика, но и там ничего не нашёл. В тумбочке у кровати тоже ничего не было. Тогда он подошёл к шифоньеру и открыл дверцу. Вот они – две коробочки на верхней полке. В одной осталось лишь три таблетки. Радик оставил её, взял другую и вернулся к себе в комнату. И вовремя, потому что, закрывая дверь, услышал, как отец и мать поднимаются по лестнице.

Мария и Сергей легли, но Мария снова никак не могла уснуть. Наконец она встала, подошла к шифоньеру. Открыв дверцу, сразу заметила, что на полке стоит лишь одна коробочка.

– Серёжа! – Мария подошла к мужу и потрогала за плечо. – Серёж, извини, что разбудила... Ты не брал мои таблетки?

– Нет, зачем они мне, – ответил Сергей, проснувшись.

– Может, ты переставил их куда-нибудь?

– Нет, я их не трогал. Я вообще не заглядывал в шкаф. Может, ты сама поставила их в другое место?

– У меня бессонница, а не склероз, – ответила Мария, и в её душе зародилась тревога.

– Значит, кто-то их взял. Но кто?

– Может, Алиса, она вчера жаловалась, что плохо спала, – предположил Сергей.

– Нет, нет, Алиса знает, что в её положении вредно принимать снотворное, – возразила Мария. – Но я пойду, спрошу.

– Маша, сейчас полвторого ночи. Алиса спит давно. Утром спросишь.

– Я всё равно пойду. Если она спит, будить не буду. А ты спи. Я скоро вернусь.

Мария вышла из комнаты. Подходя к комнате Алисы и Димы, Мария вдруг заметила полоску света из-под двери комнаты Радика.

«Он не спит так поздно?» – удивилась она и вошла к сыну.

То, что Мария увидела, заставило застыть от ужаса. На столе стоял пустой флакончик из-под её снотворного. Таблетки были выложены в ряд на краю стола. Радик методично брал их одну за другой, клал в рот и запивал водой из стакана. Он был так занят этим, что не заметил мать.

Через мгновение оцепенение прошло, и Мария бросилась к сыну.

– Радик! – она выбила стакан из его руки. – Что ты делаешь? Что ты делаешь?!

Она с такой силой оттолкнула его от стола, что он упал на кровать. Мария принялась обеими руками хлестать его по щекам, плача и повторяя:

– Что ты делаешь?..

Радик не сопротивлялся, голова его безвольно моталась из стороны в сторону. Руки Марии стали мокрыми от слёз, бежавших по щекам сына, и она опомнилась, перестала бить его, схватила за плечи и прижала к себе, дрожа от пережитого страха. Взгляд её упал на стол, где были выложены таблетки. Во флаконе их было тридцать штук. Но сколько осталось на столе, Мария не могла сосчитать от волнения. Она резко оттолкнула сына.

– Радик! Сколько таблеток ты успел выпить?

Мальчик молчал. Мария сильно встряхнула его, снова схватив за плечи.

– Сколько, Радик? Сколько? Отвечай, отвечай!

В её голосе было столько тревоги, что Радик испугался.

– Тринадцать, – чуть слышно ответил он. – Но этого, наверное, хватит... Мама, я теперь умру?

– Нет, нет, конечно, нет, – торопливо ответила Мария, снова прижав сына к своей груди.

Она быстро прикинула, что на вызов «Скорой» уйдёт минут пять, и пройдёт не меньше получаса, пока она приедет. За это время таблетки успеют подействовать. Ничего бы, наверное, не случилось за полчаса, если бы Радик был здоров. Но у него больное сердце. Может, у неё совсем нет времени. Нет времени даже на то, чтобы позвать кого-нибудь на помощь. Мария огляделась в поисках чего-нибудь подходящего, увидела и схватила со стола чайную ложку. Она рывком посадила сына на край кровати и наклонила его голову над полом. Разжав его зубы ложкой, Мария надавила ею на корень языка, провоцируя рвоту. Радик закашлялся и попытался оттолкнуть Марию, но не смог, так крепко она держала его.

Мария держала Радика до тех пор, пока его не стошнило, и все тринадцать таблеток, не успевших раствориться, не оказались на ковре. Она заставила его выпить несколько стаканов воды и снова повторила ту же процедуру.

Он дрожал, всхлипывал, из-под опущенных ресниц бежали слезы. Мария уложила его на кровать, раздела и укрыла одеялом. А потом смахнула оставшиеся таблетки со стола в горсть и выбросила в унитаз.

Замывая палас, она поминутно поглядывала на сына. Он лежал, закрыв глаза, и всё еще всхлипывал. Всё прибрав, Мария села на стул рядом с кроватью.

– Успокойся, Радик. Теперь всё будет хорошо.

– Что будет хорошо? Я не хочу так жить! Не могу! Зачем ты мне помешала, мама!

Голос и губы его дрожали, когда он говорил.

– По-твоему, я должна была стоять и смотреть, как ты убиваешь себя? – резко сказала Мария. – Я помешала тебе, потому что ты – мой сын! И я растила тебя не для того, чтобы ты вот так бездумно свёл счёты с жизнью в пятнадцать лет! Не знала я, что мой сын такой эгоист! Подумай, и скажи, разве ты имеешь право таким вот образом распоряжаться своей жизнью?

– Почему не имею? Это же моя жизнь! – хмуро ответил Радик.

– Но ты живёшь не на необитаемом острове! Почему ты думал только о себе? А обо мне ты подумал? О папе, о Маше, об Алёшке? Об Алисе? Ты подумал, что будет со всеми нами, если ты умрёшь? Алиса ждёт ребёнка, ты и её хотел убить, да?.. А, вот теперь ты подумал, – Мария заметила, как Радик, и без того бледный, побледнел еще больше.

– Мамоchка, прости, – прошептал он. – Я, правда, думал только о себе... Прости, пожалуйста, я больше никогда не буду так делать...

– Вот и хорошо, дорогой, – Мария нашла под одеялом дрожащую влажную ладонь Радика и ободряюще сжала её. – Теперь успокойся и спи. Ну, подумаешь, девочка тебя бросила. Такое бывает со всеми хотя бы один раз в жизни. Найдёшь другую, еще лучше, вот увидишь.

– Мама, ты не понимаешь... Она хотела помириться... А я... я не смог.

– Значит, не так уж сильно ты её любишь, – заключила Мария.

– Люблю, очень люблю, – возразил Радик.

– Всё равно не стоит из-за этого лишать себя жизни. У всех бывают разочарования, но если бы все принимали такие радикальные меры, как ты, по Земле сейчас бегали бы одни обезьяны. Успокойся, спи. Завтра, вот увидишь, всё будет казаться не таким безнадежным.

Радик закрыл глаза. Мария задумалась, глядя на него. Боже, как он похож на своего отца... Мария вздрогнула, вдруг вспомнив, что Лёшка тоже хотел покончить с собой из-за несчастной любви.

«Боже мой, я должна была догадаться раньше, на что он способен, – подумала она. – Я же считала, что знаю Радика лучше, чем остальных своих детей! Но разве я могла предположить, что он настолько похож на Лёшку, что повторяет даже его ошибки! Если бы тогда Лёшкина мама не проснулась... Если бы я сегодня попыталась уснуть сама, без снотворного...»

От мысли, что случилось бы, если бы она не открыла шифоньер и не увидела, что одна коробочка с таблетками исчезла, у Марии закружилась голова. Тело охватила слабость. Глаза закрылись сами собой, и она соскользнула со стула на пол, второй раз в жизни лишившись чувств.

Радик, услышав какой-то шорох, открыл глаза и, увидев, что мама лежит на полу, испуганно вскочил с кровати.

– Мама? Мама! Мамочка, что с тобой?

Он попытался поднять её, но не смог. Мария сама пришла в себя от прохлады влажного ковра, и села. Встревоженный Радик стоял перед ней на коленях. Она обняла сына.

– Мама, что с тобой?

– Ничего, сынок, все хорошо. Просто немного закружилась голова. Это запоздалая реакция... Я так перепугалась за тебя...

– Мама, мне было так плохо... – Радик снова всхлипнул. – Я не могу без фигурного катания... Я боюсь засыпать, потому что оно всё время снится... Мне больно, когда я о нём думаю. А Лера... назвала меня неудачником. И это так, я действительно неудачник...

– Ты не неудачник, – возразила Мария. – Лера так сказала, чтобы оскорбить тебя.

– Но я так хотел на эти соревнования... и всё потерял... Мама, я просто не знаю, как жить дальше...

– Бедный мой мальчик, – Мария крепче обняла сына. – Я понимаю, как тебе сейчас трудно... я только не понимаю, ты из-за чего больше переживаешь, из-за фигурного катания, или из-за разрыва с Лерой?

– Я не знаю... из-за всего...

– Поверь, милый, всё образуется, – как можно убедительнее проговорила Мария. – Не надо поддаваться отчаянию. Выход всегда можно найти, если успокоиться и хорошо подумать. И мы найдём его вместе, ладно?

– Да, – Радик улыбнулся сквозь слезы.

Мария снова уложила его на кровать и села рядом.

– Мам, иди спать, ты устала.

Мария действительно устала и морально, и физически, но быстро ответила:

– Нет, нет, я еще побуду здесь с тобой.

– Мама, ты боишься, что я снова попытаюсь что-нибудь с собой сделать? – догадался Радик. – Не бойся, я никогда больше ничего такого не сделаю. Я... буду искать другой выход. Ты веришь мне, мама?

– Конечно, – кивнула Мария, и встала, собираясь уходить.

– Мам, можно попросить тебя?.. – остановил её Радик. – Не говори никому, что сегодня произошло.

– Хорошо, – согласилась Мария. – Я и не собиралась.

– Даже папе?

– Даже папе. Спокойной ночи.

Она вернулась в свою комнату, легла и уснула. Без всякого снотворного.

ГЛАВА 5. РАДИК + МАША

Май – сентябрь 2001 г.

Радик пролежал в постели два дня. Мария ничем не напоминала ему о ночном происшествии, и жизнь понемногу стала входить в обычное русло. Мальчик снова пошёл в школу. Леру он больше не встречал, но Мария понимала, что он её не забыл. Как-то она застала его за рассматриванием фотографии Леры. У Радика был такой несчастный вид, что больно смотреть. Она под села к сыну.

– Неужели ты её так любишь?

Радик кивнул.

– Я хочу её забыть, но не могу... Я бы что угодно отдал, чтобы забыть. Но я так хочу её увидеть...

– Ты уже готов простить?

– Нет. В этом все дело.

– Когда полюбишь по-настоящему, будешь готов простить всё, что угодно, – улыбнулась Мария.

– Даже обман? – недоверчиво спросил Радик.

– Да. Но, надеюсь, тебе не придётся этого делать.

– Не придётся, – согласился Радик. – Потому что я никогда больше не полюблю.

«Все вы так говорите», – мысленно улыбнулась Мария.

– Всё-таки постарайся забыть Леру, – посоветовала она. – А чтобы побыстрее забыть, не нужно так часто смотреть на её фото. Самое лучшее – выбросить его совсем. А лучшее лекарство от несчастной любви – время. Ты еще так юн, и этого лекарства у тебя предостаточно, – с улыбкой добавила она.

Радик не хотел, но улыбнулся.

Девчонки кружили вокруг него, как мотыльки над пламенем свечи. Он только несколько дней проучился в новой школе, но любовные записочки посыпались на него, как из рога изобилия. Хотя Радик уже не был подающим надежды фигуристом, он оставался очень симпатичным юношей. Физические и душевные страдания оставили печать на его лице, еще добавив ему таинственности и привлекательности. Поэтому одноклассницы не давали ему прохода, умоляя, чтобы он пригласил их в кино или погулять. Но Радик твёрдо решил, что в такие игры больше не играет. Всё равно девушки не оставляли надежды заполучить его, и изрядно этим досаждали.

– Мам, ну как от них избавиться? – спросил Радик, когда она показала ему несколько смятых записок, вынутых из карманов его школьных брюк, когда собралась их постирать.

– Самый простой способ: выбери одну девочку, которая нравится больше других, и подружись с ней. Другие отстанут сами, – ответила Мария.

– Мне ни одна не нравится, – ответил Радик.

– Тогда выбери ту, которая не нравится меньше, чем другие, – улыбнулась Мария.

– Они все не нравятся одинаково, – серьёзно ответил Радик.

– В самом деле? – не поверила Мария.

– В самом деле, – кивнул Радик, но вдруг вспомнил, что есть одна девочка, к которой он равнодушен, по крайней мере, как брат, и он добавил: – Спасибо, мам, я последую твоему совету.

Он подошёл к Маше, увёл её в свою комнату, чтобы никто не слышал, о чём они будут говорить.

– Послушай, так надоело, что девчонки в школе то и дело вешаются на меня. Хочу, чтобы они отстали, помоги, а?

– Конечно. Что я должна делать? – с готовностью согласилась Маша.

– Давай сделаем вид, что ты – моя девушка, – предложил Радик. – В этой новой школе еще никто не знает, что ты – моя сестра. И мы с тобой совсем не похожи.

– Не знаю, получится ли у меня, – растерялась Маша.

– Конечно, получится! – заверил Радик. – Так ты согласна подыграть?

– Да, – Маша улыбнулась, представив, как это будет забавно – изображать подружку Радика. – Я согласна. Только у нас одна фамилия.

– О, это пустяки. Мало ли на свете однофамильцев. У нас в классе, например, трое Петровых, и все не родственники. И у меня в классе есть однофамилица, Ксюша Морозова, – сказал Радик и добавил, поморщившись: – Которая, кстати, больше всех меня достаёт.

– А что я должна делать? – спросила Маша.

– Ну... – Радик пожал плечами. Большого опыта в таких делах у него не было. Он вспомнил нескольких бывших одноклассников из старой школы, которые дружили с девочками, пару фильмов, прогулки и поцелуи с Лерой. – Мы должны ходить, обнявшись, или держась за руки... Что-нибудь говорить друг другу на ухо... и... целоваться... иногда.

– Ладно, давай завтра же и попробуем, – сказала Маша.

*

Они и раньше ходили в школу вместе, но все думали, это просто потому, что им по пути. А теперь Радик и Маша шли, держась за руки и нежно улыбаясь друг другу. Алёшка, посвящённый в эту затею, согласился помогать. На подходе к школе он перешёл на другую сторону улицы, и закричал оттуда, показывая пальцем на Радика и Машу:

– Жених и невеста! Жених и невеста!

Радик запустил в Алёшку камешком, но, естественно, не попал. А потом снова взял Машу за руку, и они пошли дальше, перешептываясь и смеясь. Расставаясь с ней у двери её класса, Радик тихо сказал:

– Мы идём сегодня домой вместе, да?

– Конечно, – улыбнулась Маша. – Пока.

Они говорили негромко, но Радик знал, что кому интересно, те услышат.

Новость, что Радик дружит с девочкой из седьмого класса, облетела школу быстрее молнии, и точно молния, сразила наповал всех девчонок. Все школьные красавицы были взбешены. Они никак не могли понять, что нашёл Радик в этой маленькой худенькой невзрачной девчонке, больше похожей на мальчишку. А сильнее всех обиделась Ксюша Морозова, соседка Радика по парте, которая была уверена, что рано или поздно добилась бы успеха, если бы не эта выскочка из седьмого.

Ксюша выследила того мальчишку, который дразнил Радика и Машу, поймала его в школьном коридоре и спросила:

– Что ты знаешь об этой девчонке, с которой сегодня Радик Морозов нежничал?

– Да всё знаю, – ответил Алёшка. Он ожидал подобных расспросов, и был подробно проинструктирован, что отвечать. – Я с ней в одном доме живу. И Радик... тоже недалеко.

– Ну, и?

– Её Маша зовут, – сообщил Алёшка. – Мы в одну секцию фигурного катания ходим. И Радик тоже туда ходил, они там и познакомились.

– А чего она к Радiku привязалась? – спросила Ксюша.

– Да это не она, а он к ней привязался. Влюбился! – ответил Алёшка с пренебрежением в голосе. – Целых полгода за ней бегал. Подарки всякие дарил, на концерты водил, мороженым угощал... Ну, вот она и растаяла, в конце концов.

Прозвенел звонок на урок, и Алёшка убежал в класс. Пол-урока он набирал SMS-ки на мобильном телефоне, сообщая Радiku и Маше о разговоре с Ксюшей. А Ксюша вернулась в класс. Она так и не поняла, что Радик нашёл в Маше. Поэтому решила спросить прямо.

– Радик, говорят, ты дружишь с Машкой из седьмого? – спросила Ксюша, когда прозвенел звонок с урока.

– Да, – ответил он.

– Ты это серьёзно? – Ксюша сделала удивленное лицо.

– Абсолютно, – ответил Радик.

– Не понимаю, что у тебя может быть общего с этой уродиной, – небрежно произнесла Ксюша.

– Что? Как ты назвала Машу? – возмутился Радик совершенно искренне. – Она красивая! Если бы ты была парнем, ты очень пожалела бы о своих словах!

– К счастью, я девушка, – усмехнулась Ксюша. – И могу повторить тебе сто раз, что твоя Машка – уродина, пацан в юбке, ясно? Вся школа над тобой смеётся! Интересно, чем она тебя так приворожила?

– Тем, чего у тебя нет ни капли, – ответил Радик.

Ксюша была возмущена ответом. Она размахнулась, и хотела влечь Радика пощечину. Как он посмел сравнивать её с какой-то дурнушкой малолетней, да еще и заявлять, что у неё есть то, чего нет у Ксюши!

Но она не успела ударить – руку кто-то перехватил. Ксюша обернулась и увидела Машу. Она вошла в класс как раз в тот момент, когда Ксюша размахнулась. Маша среагировала быстро, как кошка, перепрыгнула через парту – в этой школе девочкам разрешалось ходить в брюках, – и схватила Ксюшу за руку. Та попробовала вырвать свою руку, но безуспешно, Маша была хоть и моложе, но сильнее.

– Отпусти её, – сказал Радик.

– Нет, пусть сначала скажет, почему она хотела тебя ударить, – ответила Маша.

– Он оскорбил меня! – выкрикнула Ксюша.

– Но сначала она оскорбила тебя, – сообщил одноклассник Радика, которому Маша своей готовностью защищать своего парня внушила уважение.

– И что же ты обо мне сказала? – Маша отпустила Ксюшу, но смотрела на неё в упор.

Та мстительно усмехнулась.

– Я назвала тебя уродиной, – сладким голосом проговорила она. – И я права, вблизи ты еще уродливее, чем издали!

– А ты станешь еще уродливее меня, кукла раскрашенная, когда я поставлю тебе фонарь под глазом, – запальчиво ответила Маша. – Думаешь, что можешь оскорблять меня безнаказанно, потому что Радик не из тех, кто поднимает руку на девочек? Но я и сама могу постоять за себя, и могу так тебя отделать, что мама родная не узнает, ясно?

– Ой, ой, попробуй, – засмеялась Ксюша, но не слишком уверенно, и отступила на несколько шагов.

Маша бросилась было за ней, но Радик остановил.

– Маша, не надо. Не связывайся.

– Как скажешь, – она пожала плечами.

Звонок на урок прекратил ссору. Маша убежала в свой класс, а Радик, пока не вошёл учитель, собрал свои книги и тетради и пересел за последнюю, пустующую парту.

Когда после уроков они шли домой, Маша спросила:

– Радик... я правда... такая некрасивая, как говорит эта девчонка, твоя одноклассница?

– Ну что ты, нет, – возразил он. – Ты красивая. И я тебя очень люблю. Ксюша просто завидует.

– Может, надо было найти другую девочку, чтобы подыграла тебе, – вздохнула Маша.

– Нет, нет, ты меня вполне устраиваешь, – улыбнулся Радик, обнимая сестру.

Не прошло и недели, как количество записок и сообщений на телефон, которыми девушки засыпали Радика, уменьшилось, а вскоре они исчезли совсем. Но Радика и Маше так понравилась новая игра, что они продолжали разыгрывать влюблённых.

«Для профилактики», – решили они.

*

Учебный год закончился, началось лето, каникулы, но Радик и Маша по привычке везде ходили, держась за руки или обнявшись, и даже самые обычные слова шептали друг другу на ухо, как слова любви.

Мария смотрела на сына и радовалась, что он снова смеётся, снова весёлый и энергичный. И, может, к лучшему, что пришлось оставить спорт. Пусть он никогда не станет чемпионом мира и Олимпийским чемпионом, зато у него будет время просто жить.

Но Радик не забыл о фигурном катании, и всё ещё мечтал о спортивной карьере. В июне он прошёл очередное обследование. Увы, результат был тот же: порок сердца подтвердился. Радик очень расстроился, и врач сказал, что он снова сможет стать здоровым, если исправить порок хирургическим вмешательством.

– И я снова смогу заниматься фигурным катанием? – спросил Радик.

– Возможно, – кивнул врач.

– Тогда я согласен, – не раздумывая, сказал Радик.

– Твоего согласия мало, парень. Ты несовершеннолетний, и на операцию требуется разрешение родителей. Причём в письменном виде.

– А если человек умирает, вы тоже согласия родных требуете, чтобы спасти его?

– Но ты же не умираешь, – усмехнулся врач. – И вполне можешь прожить без операции.

Вернувшись из поликлиники, Радик первым делом рассказал Маше о разговоре с врачом.

– Как думаешь, мама и папа дадут разрешение? – спросил он потом.

– Думаю, да, – помедлив, ответила девочка. – А ты... не боишься?

– Честно говоря, боюсь, – признался Радик. – Но это мой шанс вернуться в большой спорт, и я намерен его использовать.

Вечером, когда вся семья собралась в гостиной, Радик подошёл к родителям, сидевшим рядом на диване.

– Ты ходил сегодня к врачу, сынок? – спросила Мария.

– Да. И он сказал, что я снова смогу стать здоровым, и снова смогу заниматься фигурным катанием.

– Да? Это прекрасно, – сказал Сергей. – А что для этого нужно?

– Операция. Но требуется ваше письменное согласие.

Говоря эти слова, Радик заметил, как мама почему-то побледнела, а отец нахмурился. Едва он замолчал, мама сказала:

– Нет! Нет, Радик, нет!

– Нет, – добавил отец.

– Но почему? – Радик был удивлен и разочарован. – Почему? Вы не хотите, чтобы я снова был здоров? Или вам всё равно? Да вы просто не любите меня!

Радик повернулся и хотел убежать, но Сергей поймал его за руку.

– Пойдём. Я тебе объясню.

Сергей привёл сына в свою комнату, усадил на кровать, сам сел рядом. Немного помолчав, он сказал:

– Ты же знаешь, Радик, что я тебе не родной отец.

– Знаю. Я не помню родного отца. Но причём тут он? Мы говорим об операции!

– Не торопись, сынок. Ты не помнишь родного отца, но мама много тебе о нём рассказывала, – сказал Сергей. Радик кивнул, и он продолжил: – И ты должен знать, что твой отец умер после операции на сердце. Поэтому мама никогда не согласится на твою операцию. Не потому,

что она тебя не любит. Наоборот, потому что очень любит и боится потерять, как потеряла твоего отца.

Радик некоторое время сидел молча, размышляя. Конечно, можно подождать три года, а после того, как исполнится восемнадцать, согласие родителей на операцию не потребуется. Но ждать три года, даже год, Радик не хотел. За это время можно вообще разучиться стоять на коньках...

– Я бы лучше согласился умереть, чем так жить, – буркнул он.

– Думай, что говоришь! – резко сказал Сергей. – Мы все любим тебя, и не хотим потерять! Если тебе своей жизни не жалко, то пожалей наши, не будь эгоистом!

– Я? Я эгоист? – закричал Радик. – Это вы эгоисты! Ты и мама! Это из-за вас я никогда не смогу снова поехать на соревнования! Никогда не смогу победить!

– Радик, неужели какие-то медали тебе дороже собственной жизни? – спросил Сергей.

– Да причем тут медали?! Я полжизни готов отдать, чтобы просто пойти покататься! Я не хочу всю жизнь жить, как инвалид! Да если бы был жив мой родной отец, он согласился бы!

Радик заплакал, закрыв лицо руками.

– Сынок, милый, – Сергей присел перед ним, взял его за руки и заглянул в лицо. – Разве я был тебе плохим отцом?

– Папа, прости, – всхлипнул Радик. – Я люблю тебя. Ты хороший отец. Но пойми, я хочу жить, как нормальный человек! Мой отец умер тринадцать лет назад, за это время медицина далеко шагнула вперед. А я должен страдать, только потому, что мама боится!.. Папа, я вижу, ты со мной согласен, поговори с мамой, уговори её, чтобы она согласилась! Пожалуйста!

– Хорошо, поговорю, – медленно проговорил Сергей. – Я даже дал бы свое согласие на операцию, но это...

– А я – нет! – на пороге комнаты появилась Мария и не дала Сергею договорить. – Никогда, Радик, никогда я не дам согласия, ты слышишь?

Радик встал и пошёл к двери. Проходя мимо Марии, он взглянул на неё глазами, полными слёз, и сказал тихо:

– Жаль, что я тогда не умер.

Мария побледнела, а Сергей насторожился:

– Что он сказал?

Она не ответила. За Радиком захлопнулась дверь его комнаты.

Мария прислонилась к косяку и заплакала.

– Маша, – Сергей подошёл к ней и обнял. – Я думаю, тебе нужно согласиться. Иначе Радик тебе этого не простит.

– Нет! Никогда! – твердо ответила Мария. – Он должен понять, почему я так поступаю, он поймёт!

– Сомневаюсь, что захочет, – задумчиво проговорил Сергей.

– Я поговорю с ним, – Мария и подошла к двери комнаты Радика.

Толкнув дверь, Мария поняла, что она заперта. Она прислушалась к звукам в комнате, и поняла, что Радик плачет.

– Радик, открой! Мне надо поговорить с тобой!

В ответ – ни звука. Даже всхлипы прекратились.

– Радик, открой! – Мария сказала это погромче, и постучала.

И снова никакого ответа. Потом она услышала глухой стук – как будто что-то тяжелое упало на ковер. Она поняла, что это Радик упал, и схватилась за ручку двери, чтобы самой не упасть, так как ноги внезапно стали ватными от волнения.

– Радик, открой! – сказала она еще раз, но за дверью все было тихо.

Подошла Алиса.

– Может, он мне откроет, – сказала она, и постучала. – Радик, это я, Алиса,пусти меня, пожалуйста!

Никакого ответа.

– Боже мой, может, ему там плохо, может он уже... – проговорила Мария, дрожа от страха за жизнь сына.

Услужливое воображение рисовало картины, одну страшнее другой: снова выпил целый флакон снотворного, или порезал себе вены, как отец или... ради всего святого, только не это!

Мария уже знала, на что способен Радик, и толкнула дверь изо всех сил. Тщетное усилие! Дверь даже не шелохнулась.

Сергей отодвинул Марию, осторожно отвел в сторону Алису, беременную на девятом месяце. Потом ударил в дверь ногой, и она распахнулась, только щепки полетели от вырванного «с мясом» замка.

Радик лежал на полу. Слава богу, Мария не заметила ни коробочек из-под снотворного, ни бритв и луж крови. Радик просто потерял сознание.

Сергей уложил мальчика на кровать, Алиса побежала на кухню за водой. Мария принялась приводить сына в чувство. Вскоре он приоткрыл глаза и тихо застонал. Вернулась Алиса, подала Марии стакан с водой и сердечные капли. Мария накапала капель в воду и поднесла стакан к губам сына.

– Радик, выпей, тебе станет легче, – ласково попросила она.

– Не буду! Не хочу! – проговорил он, не разжимая зубов, и отвернулся.

– Радик, пожалуйста...

Он оттолкнул стакан, расплескав воду, и приподнялся на локте:

– Мама, ты сама говорила, что мы найдём выход, – сказал он с болью в голосе. – Выход есть, и очень... простой...

Радик упал на подушку, не в силах держаться.

– Нет, – прошептала Мария.

Лицо Радика исказила гримаса боли. Мария не могла видеть, как сын страдает, и снова поднесла к его губам стакан с лекарством. Он отвернулся.

Сергей взял у Марии стакан, и подсел к мальчику.

– Сынок, зачем же мучить себя понапрасну? Выпей лекарство, пожалуйста. А когда тебе станет лучше, мы поговорим, ладно?

Радик только крепче сжал зубы и закрыл глаза, не желая слушать.

– Папа, дай мне, он меня послушает, – попросила Алиса.

Сергей отдал ей стакан и уступил место.

– Братик, миленький, пожалуйста, выпей! Если ты не выпьешь лекарство, я заплачу. А мне нельзя волноваться.

Радик открыл глаза.

– Алиса... ты не расстраивайся из-за меня... Я же не умру, если не выпью это... – он говорил прерывисто, с трудом. – Мне не так уж плохо, правда...

Но это не было правдой. Ему было очень больно, он едва не терял сознание, только усилием воли держась на краю беспамятства.

– Радик, я тебя прошу, – настаивала Алиса, чуть не плача. – А если мама согласится на твою операцию, ты выпьешь лекарство?

– Да, – чуть слышно ответил он.

– Нет! Нет! Я никогда не соглашусь! – воскликнула Мария и выбежала из комнаты.

Она не могла согласиться, потому что знала: второй раз ей такое не пережить.

– Ай! – вдруг вскрикнула Алиса и схватила за живот. Стакан выпал у неё из рук.

– Что, моя девочка? – Сергей бросился к ней, подхватил, готовую упасть.

– Кажется, я сейчас рожу, – прошептала Алиса, с испугом глядя на отца.

– Успокойся, дорогая, еще не сейчас, – Сергей осторожно усадил Алису на стул. – Расслабься, дыши глубоко и ровно. Я сейчас позову маму и Диму.

Он выбежал из комнаты, и увидел Марию. Она стояла у лестницы и плакала.

– Маша, у Алисы начались схватки, ты должна быть с ней, – сказал Сергей, пробегая мимо.

Прыгая через три ступеньки, он сбежал на первый этаж, ворвался в гостиную, где сидели Дима, Алёшка и Маша. Дети рвались наверх, к Радику, а Дима удерживал их, считая, что там и без них достаточно народу.

– Димка, заводи «Ниссан», у Алисы начались роды, – сказал Сергей. – Маша, а ты побудь с Радиком.

Сказав это, он снова бросился на второй этаж. Маша обогнала его, и подбежала к брату. Он, забыв о своей боли, с испугом смотрел на Алису, которая никак не могла выровнять дыхание, а иногда вскрикивала:

– Ой, мамочка, как больно! Мамочка, я боюсь!

Мария тихо уговаривала её не бояться и пыталась объяснить, что нужно делать, чтобы было не так больно.

Сергей поднял Алису на руки и унес из комнаты. Мария вышла следом.

Радик закрыл глаза и застонал.

– Маш, ему плохо, да? – шепотом спросил Алёшка, тоже под шумок пробравшийся в комнату брата.

– Да, – так же тихо ответила Маша, подняла стакан и сунула его в руки Алёшке. – На вот, принеси воды.

Алёша быстро слетал на кухню, Маша накапала в стакан лекарство и поднесла к губам Радика.

– Выпей, пожалуйста.

Он открыл глаза и обвел взглядом комнату. Мамы в комнате не было, и он выпил лекарство.

– Мама никак не соглашается на твою операцию? – сочувственно спросила Маша.

– Да, – тихо ответил Радик.

– Ты не расстраивайся, братик, – ласково сказала Маша, гладя его по волосам. – Мама подумает, подумает, и согласится, вот увидишь.

Радик ничего не ответил, только закрыл глаза. Маша продолжала говорить:

– А если не согласится, тоже не расстраивайся. Потому что когда я вырасту, я стану врачом, хирургом, и сама сделаю тебе операцию...

Маша представила, как она, в белом халате и маске, в операционной, какую видела в кино, стоит над Радиком со скальпелем в руках, и ей эта картинка совсем не понравилась.

– Нет, я лучше найду способ вылечить тебя без всякой операции. Я изобрету такое лекарство, что выпьешь его, и сразу выздоровеешь...

Радик снова ничего не ответил, и тут Маша заметила, что он уснул.

Проводив Алису, Диму и Сергея, Мария осталась стоять на крыльце. Она боялась снова заходить в дом, снова видеть сына, снова говорить ему: «Нет!»

Ночь была тихой и светлой. Природа вокруг была спокойна и безмятежна. А Марии хотелось, чтобы бушевала гроза, под стать смятению в душе.

Она села на ступеньки крыльца, подняла глаза к небу, но смотрела не на редкие звезды, а в себя, разыскивая внутренним взором того, кого не перестала любить и сейчас, того, судьбы которого не желала для его сына.

– Лёшка, любовь моя, если ты здесь, если слышишь меня, помоги! – горячо взмолилась Мария. – Я не могу потерять его, как потеряла тебя, не могу! Я не могу согласиться на опера-

цию, но если не соглашусь, всё равно потеряю Радика, потому что он станет меня ненавидеть. Ты всегда помогал в трудные моменты, подскажи, что делать!

«Согласись», – это слово прозвучало так ясно, что Мария почувствовала рядом присутствие Алексея.

Она вскочила и огляделась. Рядом, конечно, никого не было.

«Согласиться? Ты советуешь согласиться?» – мысленно спросила она у Алексея, но ответа не дождалась.

Мария долго еще ходила по дорожкам вокруг дома, раздумывая над советом. Решение пришло внезапно и вдруг успокоило её.

Да, она согласится. Согласится, но ни на минуту не оставит Радика одного ни до, ни после операции, чего бы ей это ни стоило, пока его жизнь не окажется вне опасности.

Мария снова села на крыльцо и просидела до рассвета, который начался, едва успело стемнеть. Она сидела и наблюдала, как вокруг просыпается природа. А потом услышала шум подъезжающей машины и два голоса, распеваящие во все горло: «Живет моя отрада...», так, что перекрывали шум мотора. Вскоре к дому подъехал микроавтобус. Мария открыла ворота и побежала на задний двор к гаражу встречать Сергея и Диму. Мужчины вышли из микроавтобуса, продолжая орать песню, словно пьяные. Но, хотя Сергей держал в руке бутылку шампанского, она не была открыта.

– Мужики, вы чего расшумелись? Всех соседей перебудите! – сказала Мария, сбегая по ступенькам на площадку для машин им навстречу.

Дима вместо ответа подбежал к ней и сжал в объятиях.

– Маша! Я стал папой! У меня родилась дочь! Хочу, чтобы все об этом знали!

– Поздравляю, дорогой! – радостно воскликнула Мария.

Они вошли в дом, оживленно переговариваясь и смеясь. Сергей рассказывал, как Дима сходил с ума под окнами роддома, пока им не сообщили, что Алиса родила.

– Тише вы, Радика разбудите! – сбежала с лестницы Маша.

– Ну и пусть! – Дима подхватил девочку и закружил по прихожей. – Он тоже должен знать, что у меня родилась дочка!

Сергей и Мария вошли в гостиную. Сергей открыл шампанское, достал бокалы.

– За прибавление в семействе, – сказал он. – Поздравляю тебя с внучкой, Маша.

– Боже мой! – Мария рассмеялась счастливо и немного удивленно: – Я – бабушка! Поведать не могу!

– Самая молодая и красивая бабушка на всём свете, – улыбнулся Сергей.

– А ты – дедушка! – засмеялась Мария.

– Э, нет, дорогая, я всего лишь дядя, – лукаво ответил Сергей.

– Только наполовину! – быстро возразила Мария. – А наполовину дедушка!

Вошёл Дима, Сергей и ему налил шампанского. Маша и Алёша тоже пришли в гостиную. Их, конечно, шампанским не угощали, но никто и не ругал за то, что они еще не спят.

Пока Дима с гордостью рассказывал о дочке, Мария тихо выскользнула из комнаты, и поднялась к Радику.

Он не спал.

– Почему ты не спишь? – ласково спросила она.

Он не ответил.

– У тебя родилась племянница, – сообщила Мария.

Радик слабо улыбнулся в ответ.

– Я очень люблю тебя, мой мальчик, – сказала она.

– Я знаю, – тихо ответил он.

– И знаешь, я согласна на твою операцию, – добавила Мария.

Радик снова улыбнулся, но уже так, словно она подарила ему целый мир.

– Спасибо, мама. Я знал, что ты согласишься.

*

Операция прошла успешно. Через месяц, в конце июля, Радика выписали из больницы и разрешили постепенно начинать тренировки. Весь этот месяц после операции, Мария и Маша почти не отходили от него, они практически жили в больнице, сменяя друг друга у его постели. Мария не представляла, как бы она справилась, если бы ей не помогала Маша.

В день выписки они с утра были в больнице у Радика. В одиннадцать часов за ними приехал Сергей, и они отправились домой.

На полдороге Радик сказал:

– Папа, я хочу заехать... к отцу. Прямо сейчас.

– Хорошо, – согласился Сергей. – Только Машу домой завезём, и поедem.

– Зачем? – возразила она. – Я поеду с вами.

Родители не стали возражать, и поехали на кладбище вчетвером.

Раньше Маша никогда не ездила туда с родителями, Алисой и Радиком. Они никогда и не предлагали, а Маше не очень-то и хотелось бывать в таком скучном и грустном месте.

Но сегодня она поехала, потому что в такой знаменательный день хотелось быть рядом с братом.

Радик долго сидел на скамейке около простой мраморной стелы, на которой была фотография отца Радика, фамилия, имя, отчество и даты жизни. Маша сидела рядом с братом, и так долго смотрела на эти даты, что они накрепко врезались в память.

Приехав домой, семья села обедать. Маша всё никак не могла избавиться от этих дат, вертевшихся в голове: «1963 – 1988». И вдруг её как током ударило: она-то родилась в тысяча девятьсот восемьдесят седьмом году!

Маша даже выронила вилку, так поразило её это открытие.

– Машенька, что с тобой? – забеспокоилась мама, увидев, как девочка побледнела.

– Что со мной? Ничего со мной, – быстро ответила Маша, с трудом взяв себя в руки.

На продолжении всего обеда она была задумчива, и пыталась понять загадку. «Если я родилась в тысяча девятьсот восемьдесят седьмом году, а отец Радика умер в тысяча девятьсот восемьдесят восьмом, то значит, он и мой отец? – рассуждала Маша. – Нет, зачем бы маме с папой скрывать это от меня? Радик ведь не помнит своего отца, а от него не скрывают, что он у него был... Радик – Алексеевич, а я – Сергеевна. Не могла же мама родить меня от другого папы, когда отец Радика был еще жив! И если мой папа Сергей действительно мой папа, то... Это что же выходит, моя мама – мне вовсе не мама? Это значит, что у меня была какая-то другая мама?.. И это значит, что Радик – не брат мне даже наполовину, как я всегда считала? Он мне совсем не брат!»

После обеда Радик предложил Маше пойти погулять. Они снова бродили по улицам, взявшись за руки, шептались, смеялись, строили планы, как снова вместе будут ходить на тренировки. Они даже поцеловались, когда у магазина увидели одноклассницу Радика Ксюшу. Чтобы она помнила, что Радик «занят». Это была просто игра, но сегодня Маша воспринимала её совершенно по-новому.

После ужина она сразу ушла к себе, хотя Радик и Алёшка звали пойти поиграть в мяч на спортивную площадку за домом. Она хотела еще подумать над загадкой двух дат: смерти отца Радика и своего рождения. Но не могла ни о чём думать, в голове вертелся только один вопрос: «Неужели это правда, что у меня не родная мама?»

Маша не раз видела своё свидетельство о рождении, но никогда не обращала внимания на имена родителей, записанные в бланке. Она решила всё выяснить, и пошла к Алисе, которая укладывала спать крошечную дочурку Леночку.

– Алис, мне надо с тобой поговорить.

– Маша, сейчас уже поздно, может, завтра?

– Алиса, я не смогу уснуть, пока кое-что не узнаю. Пожалуйста, Алиса.

– Ладно. Что ты хочешь узнать?

– Скажи, в каком году поженились мама и папа?

Алиса пожала плечами.

– Я не помню. А зачем тебе?

– Надо. Ну скажи, сколько тогда тебе было лет?

– Мне? – Алиса подумала немного и ответила: – Мне, кажется, было шесть. А Радик у три с половиной.

– Значит, мне было два, – заключила Маша. – Они поженились позже, чем я родилась.

– Ну и что? – Алиса пожала плечами. – Я тоже родилась раньше, чем поженились мама с моим первым папой. Такое бывает. Да я сколько угодно примеров знаю. В этом нет ничего удивительного.

– Не в этом дело, – сказала Маша и, подняв глаза на старшую сестру, спросила прямо: – Алиса, скажи, кто у меня не родной, мама или папа?

Алиса растерялась, помолчала немного и предложила:

– Может, ты у них и спросишь?

– Нет, я хочу, чтобы ты сказала. Пожалуйста, Алиса, для меня это очень важно.

– А почему ты вдруг решила, что кто-то из них тебе не родной?

– Догадалась, – ответила Маша и объяснила, как это до неё дошло. – Я правильно рассуждаю?

– Да, – согласилась Алиса и добавила: – Когда умер наш папа, мы целый год жили втроём: я, Радик и мама. А потом приехал твой папа и привёз тебя. Потом они с мамой поженились, и ты стала нашей сестрой. А потом родился Алёшка.

– Значит, всё-таки мама не родная, – тихо проговорила Маша. – И она наказала тебе ничего не говорить мне?

– Она ничего не наказывала, – ответила Алиса. – Просто как-то не было повода говорить об этом. Думаешь, что-то изменилось бы, узнай ты правду на пару лет раньше?.. Ну и что, что не родная, разве ты будешь меньше любить её?

– Нет, что ты, Алиса, я буду любить её так же, – заверила Маша и спросила: – А Радик знает, что я вам не родная сестра?

– Понятия не имею, – пожала плечами Алиса. – Мы никогда об этом не говорили. Когда наши родители поженились, мы все вместе решили, что мы – одна семья, и больше ни у кого никаких вопросов не возникало.

– А... моя настоящая мама... она, что, умерла, как твой настоящий папа?

– Нет... а, вообще, я не знаю. Я видела её только два раза.

– Расскажи.

– Я была маленькая, и не очень хорошо помню, – замялась Алиса.

– Расскажи, что помнишь.

– Она приехала сразу за вами, на следующий день. И сразу начала ругаться. Мы с Димой ушли в другую комнату. А она так громко ругалась, что нам было всё слышно. Ты, когда увидела её, испугалась и заплакала. Она хотела забрать тебя, но мы не отдали. Знаешь, она совсем тебя не любила! Когда папа привез тебя к нам, тебе было два года, но ты была такая маленькая и слабенькая, что даже не умела ходить... А второй раз я видела её на вокзале, когда она хотела тебя украсть, а ты сбежала, и спряталась под подоконником за шторой. Мы с Радиком нашли тебя, и вместе поехали домой. Папа тебя ей не отдал. Маша, не думай о ней, потому что настоящие родители не те, кто тебя родил, а те, кто вырастил. Разве ты можешь в чем-нибудь упрекнуть нашу маму?

– Нет, конечно, нет, – торопливо ответила Маша. – Не беспокойся, я очень люблю нашу маму, и всегда буду любить. Но мне нужно было знать наверняка.

Алиса хотела спросить, зачем, но маленькая Леночка захныкала в кроватке, и Алиса подошла к ней, махнув сестре рукой, чтобы уходила.

Маша ушла.

Утром она спросила у мамы, когда они остались на кухне вдвоём:

– Мама, это правда, что ты мне не родная мама?

– Да, – после недолгих колебаний ответила Мария, понимая, что если уж Маша сама догадалась, нет смысла убеждать её в обратном. Рано или поздно она всё равно узнала бы. – Я стала твоей мамой, потому что твоя родная мама тебя не любила.

– Она была плохая? – спросила Маша, вспомнив рассказ Алисы.

– Нет, не плохая, и не хорошая, она просто тебя не любила, – ответила Мария и обняла Машу. – А я тебя люблю.

– И я тебя люблю, мамочка, – Маша обняла маму.

Она, конечно, была немного огорчена тем, что Мария ей не родная мама, но радовало, что Радик на самом деле вовсе не брат. Значит можно не понарошку, можно по-настоящему любить его. Правда, Маша не была уверена, знает ли Радик, что она ему совсем не сестра.

Однажды Маша спросила:

– Радик, ты знаешь, что у меня была другая мама?

– Знаю, – ответил он. – Мне было три с половиной года, когда ты у нас появилась. Но я все хорошо помню.

– У тебя отличная память. А ты помнишь, как выглядела моя мама?

– Да. Она мне сразу не понравилась.

– Почему?

Радик повторил то же самое, что недавно рассказала Алиса, только с некоторыми подробностями.

– А я похожа на неё? – спросила Маша, когда Радик закончил рассказ.

– Ни капельки, – уверенно ответил он.

– Значит, ты мне вовсе не брат, – сказала Маша, стараясь, чтобы это заявление не прозвучало слишком радостно – она же не знала, как отреагирует на него Радик.

– Ну что ты, конечно, я твой брат, а ты – моя сестра, – возразил он. – Не генетически, хотя я люблю тебя, как настоящую сестру. А ты меня, как настоящего брата, правда?

– Конечно, – согласилась Маша, скрывая разочарование.

*

Проснувшись рано утром, Мария сразу вспомнила, какая сегодня дата. Две тысячи первый год, девятое сентября. День рождения Маши, ей исполняется четырнадцать лет.

Мария встала тихо, чтобы не разбудить мужа, подошла к шифоньеру, достала из шка-тулки серебряную цепочку с подвеской-сердечком. Кажется, пришло время подарить подвеску дочери, хотя Мария всё еще сомневалась, понравится ли ей такой подарок.

«Я не узнаю этого, пока не подарю», – решила она и вышла из комнаты.

А подарить подвеску Маше, не дожидаясь пятнадцати лет, Мария решила потому, что ко дню рождения Маша попросила сшить красивое платье. Маша – и вдруг платье! Это говорило о том, что ей всё же захотелось стать похожей на девочку.

Когда Мария подходила к двери комнаты Маши, оттуда выскользнул Радик. Увидев мать, юноша смутился, хотя поздравлять друг друга с днём рождения ранним утром в семье Морозовых стало традицией уже лет пять назад.

– Я... зашёл к Маше, чтобы поздравить с днём рождения, – пробормотал он.

– Вот как? А я иду за тем же, – улыбнулась Мария, и вошла в комнату.

Радик поздравил сестру букетом розовых хризантем и коробкой шоколадных конфет. Машенька, счастливая, сидела в постели и пробовала конфеты. Букет стоял рядом на столике.

– Мама! – радостно воскликнула Маша, увидев Марию. – Смотри, что мне Радик подарил! Попробуй!

И протянула коробку с конфетами.

Мария взяла одну конфету.

– Я тоже пришла поздравить тебя с днём рождения, доченька. И хочу кое-что подарить. Мне это подарила мама в пятнадцать лет. А теперь я дарю тебе. Правда, существует поверье, что подарки не передаривают, но этот – особенный, счастливый. Когда у тебя будет дочка, ты подаришь его ей, передашь по наследству, как я передаю тебе сейчас.

Мария раскрыла ладонь, на которой лежала подвеска с цепочкой.

– Ой, мамочка, спасибо! – воскликнула девочка, и Мария поняла, что она искренне рада.

– Какая красивая!

Маша надела цепочку на шею, и вскочив с кровати, побежала к зеркалу.

– Мам, мне идёт? – спросила она.

– Конечно, – улыбнулась Мария.

Маша хотела снять цепочку, но передумала.

– Мам, скажи, а я красивая? – вдруг спросила она.

– Да, – ответила Мария, удивленная таким вопросом. – Конечно, красивая.

– А почему тогда мальчики со мной не дружат?

– Это с тобой-то мальчики не дружат? – удивилась Мария. – Да у тебя друзей больше, чем подружек!

– Они дружат со мной, как с мальчишкой, – махнула рукой Маша.

– А ты хочешь, чтобы с тобой дружили, как с девочкой? Тебе кто-то нравится?

Маша кивнула.

– Кто он, конечно, секрет, – улыбнулась Мария.

– Конечно, секрет, – кивнула Маша.

– Машенька, ты очень симпатичная девочка, – Мария обняла дочь. – Но ты сама всегда стремилась быть похожей на мальчика.

– А как стать похожей на девочку?

– Ты и так девочка, Машенька. Но чтобы нравиться мальчикам, нужно выглядеть более женственно. Нужно отрастить волосы, почаще носить платья, заколки, колечки, цепочки... Только не надо этим увлекаться, – сразу предупредила Мария. – Во всём должна быть умеренность. И, конечно, если ты в платье, а не в брюках, то должна вести себя соответственно: более сдержанно, изящно...

– Это, наверное, сложно, – вздохнула Маша.

– Совсем нет. Ты быстро научишься. А теперь ложись, досыпай, еще рано.

Маша юркнула в постель. Мария поцеловала её и вышла из комнаты.

В коридоре она столкнулась с Алисой, которая тоже шла поздравить сестру с днём рождения. В руках у неё была красивая коробка с набором детской косметики и парфюмерии.

– А я надеялась, что я первая, – улыбнулась Алиса. – Доброе утро, мама.

– Доброе утро, дорогая, – ответила Мария. – Я тоже была не первая. Раньше всех успел Радик.

– Он умеет быть благодарным, – сказала Алиса с гордостью в голосе. – Маша столько сделала для него, когда он поправлялся после операции.

– Да, – согласилась Мария. – Радик молодец.

– Мама, как думаешь, мой подарок Маше понравится? – Алиса показала Марии коробку.

– Твой подарок очень кстати. Думаю, Маша будет в восторге.

Мария вернулась в спальню. Сергей уже встал. Склонившись над кроватью, он старательно заворачивал в цветную бумагу подарок для Маши – мягкую игрушку.

– Опоздал ты, папочка, – с улыбкой сказала Мария. – Твоя дочь выросла из игрушек.

ГЛАВА 6. МАША

Сентябрь 2004 – январь 2005 гг.

Маша проснулась рано утром с улыбкой на губах, потому что сразу вспомнила, какой сегодня день. Девятое сентября две тысячи четвертого года. День рождения. Семнадцать лет.

«Интересно, кто сегодня придёт первым меня поздравить?» – подумала Маша, не открывая глаз.

Последние три раза это был Радик.

Маша услышала осторожные шаги в коридоре, скрип открываемой двери. Она затаённо улыбалась, уверенная в том, что первым снова будет Радик. Вот он сейчас подойдёт, и, думая, что она еще спит, прикоснется губами к её щеке... Маша почувствовала прикосновение, но это не были губы Радика. Она открыла глаза, и увидела отца. Маша, конечно, была рада увидеть папу, но ей хотелось, чтобы первым в день семнадцатилетия её поздравил Радик – старший брат, и самый лучший друг.

– Ты уже не спишь, моя дорогая? – спросил папа, пряча руки за спиной. – С добрым утром, доченька, и с днём рождения. Поздравляю.

Сергей вложил в руки дочери небольшой сверток из цветной бумаги, перевязанный ленточкой.

– Спасибо, папочка, – Маша села и развернула подарок.

Это был изящный шёлковый пеньюар. Она давно хотела иметь такой.

– Пап, отвернись, я его надену, – радостно сказала она и подумала: «Это даже хорошо, что папа пришёл первым. Радик просто упадет от восхищения, когда увидит меня в этом пеньюаре».

Надев обнову, Маша, смеясь, закружилась по комнате. Сергей подхватил дочь на руки и усадил на постель.

– А теперь спи, еще рано.

Сергей ушёл. Только Маша успела улечься и закрыть глаза, как в комнату снова кто-то вошёл.

«Наверное, это Радик», – подумала она и открыла глаза. Но это снова был не Радик. Пришла Алиса.

– Доброе утро, сестричка, – сказала она. – Поздравляю тебя с днём рождения. Прими от меня этот небольшой подарок. Надеюсь, понравится.

Алиса протянула Маше красивую коробку с набором косметики. Она с четырнадцати лет дарила Маше косметику, и всегда самую лучшую. Маша не переставала удивляться, как удается Алисе из огромного количества того, что предлагают кировские магазины, выбрать самое лучшее, и далеко не всегда самое дорогое, так как сама Алиса мало пользовалась косметикой. А Маша, что бы ни купила, через два дня выбрасывала. Поэтому она, конечно, очень обрадовалась подарку.

– Спасибо, Алиса! И почему у меня день рождения только раз в году? Те наборы, что ты мне даришь, кончаются гораздо раньше.

Старшая сестра засмеялась.

– А разве обязательно ждать дня рождения? Просто скажи, что тебе нужно, и я куплю.

– Хорошо, – кивнула Маша. – Так и буду делать.

Они еще поболтали, и Алиса ушла. Но не успела за ней закрыться дверь, как в комнату вошла мама. Маша сидела на постели, скрестив ноги по-турецки, и разглядывала подарок Алисы.

– Доброе утро, дочка. Я вижу, что опять опоздала, – улыбнулась Мария.

– Нет, нет, мамочка, – сказала Маша. – Ты как раз вовремя.

– С днём рождения, Машенька, – Мария и протянула дочери маленькую коробочку.

Маша взяла коробочку и раскрыла. В ней оказались серебряные серёжки и кольцо с хризопразами – матово-зелеными камешками, которые светились внутренним затаенным светом, словно кошачьи глаза, но не в темноте, а в солнечный день.

– Ой, мамочка, как красиво! – восхитилась Маша.

Она надела колечко и серёжки, и посмотрелась в зеркало в крышке косметического набора.

– Спасибо, мам, мне так нравится! Я в них сегодня в школу пойду.

Маша снова забралась под одеяло в шелковом пеньюаре и в серёжках с хризопразами, кольцом на пальце и косметическим набором в руках. Мама ушла, а через минуту дверь снова отворилась, и вошёл Дима.

– Привет, племянница! Не спишь? С днём рождения!

Он подошёл и протянул имениннице коробку шоколадных конфет и букет астр: розовых, белых, фиолетовых. Букет выглядел весело. Маша улыбнулась.

– Спасибо, Дима. Это мои любимые конфеты. И цветы тоже.

Дима пожелал Маше всяческих благ, и ушёл, а она грустно вздохнула. Сегодня её поздравили все, кроме Алёшки и Радика. Ну, Алёшка, понятно, любит поспать, но Радик? Почему он не пришёл? Забыл, что ли? Нет, не может быть. Может, заболел? Маша быстро вскочила с кровати, выбежала в коридор и приоткрыла дверь комнаты Радика. И увидела, что комната пуста. Она вернулась к себе и снова легла в постель. Куда он мог деться в шесть часов утра?..

Раздумывая над этим, Маша услышала тихий скрип отворяемой двери.

«Ну, наконец-то он!» – подумала она и взглянула на вошедшего. Но это снова был не Радик. Это был Алёшка.

– Ты не спишь уже? – немного разочарованно спросил младший брат.

– Я давно уже не сплю, – ответила Маша. – А ты надеялся, что ты первый?

– Нет, я вижу, что не первый, ты вся уже в подарках, – сказал Алёшка и подошёл к кровати. – А что тебе Радик подарил? Вот эти цветы, да?

Маша взглянула на разноцветный букет и кивнула.

– А это от меня, – Алёшка достал из-за спины деревянный пенал с набором авторучек. Маша догадалась, что пенал он сделал сам – мальчик любил что-нибудь мастерить из обрезков досок, шпона и фанеры, которые приносил отец из мебельного цеха.

– Спасибо, братик. Очень красивый пенал. Все в классе обзавидуются, когда увидят, – сказала Маша и поцеловала Алёшку.

– А это от Изабель, она в письме прислала, для тебя, – Алёшка достал из-за спины другую руку, в которой был красивый шелковый платок ручной росписи.

– Вот это – в письме? – не поверила Маша, потому что платок был размером никак не меньше квадратного метра.

– Ага, – кивнул Алёшка. – Смотри.

Он принялся складывать платок, и, в конце концов, сложил его так, что платок исчез в кулаке.

– Здорово! – восхитилась Маша. – Передай Изабель большое спасибо.

– На, – Алёшка протянул Маше кулак с платком и раскрыл его.

Платок тут же развернулся, и скользнул ей в руки.

– А теперь иди, досыпай, – сказала Маша. – Чувствую, тебе пришлось совершить немалый подвиг, встав так рано.

Алёшка ушёл. Маша полежала еще немного, ожидая, что Радик, наконец, придёт. Но он не появлялся. Она даже обиделась, и решила, что если он всё же явится, она скажет, что он опоздал, и она не принимает больше никаких поздравлений.

Маша встала, открыла окно, в которое сразу полилась прохлада туманного осеннего утра, и пошла умываться.

Уже переодеваясь, и сожалея, что Радик так и не увидел её в новом пенюаре, Маша услышала за открытым окном какой-то шорох. Она немного испугалась, а вдруг маньяк какой-нибудь, и осторожно выглянула из-за дверцы шифоньера. За окном ничего не было видно, кроме тумана. Но вот в окне появился Радик. Он окинул быстрым взглядом комнату и ловко запрыгнул внутрь. В руках у него был большой букет роз, а на лице – довольная улыбка.

Маше сразу расхотелось обижаться, но она сказала с притворной обидой:

– Радик, ты опоздал. А если уж ты всё равно опоздал, то мог бы войти через дверь.

– Через дверь я опоздал бы еще больше, – улыбаясь, ответил он. – Но даже если я и опоздал немного, эти цветы не успели потерять свежести, потому что я сам срезал их сегодня для тебя.

– И где же ты срезал такие роскошные розы? – недоверчиво спросила Маша. – С чьей-то клумбы, что ли?

– Нет, в цветочной оранжерее Красногорского хозяйства, – ответил Радик. – Я пошёл туда в три часа утра, и только что вернулся. Я бы поторопился, если бы знал, сколько времени. Но я забыл дома часы. И телефон тоже.

– Ты что, украл их? – нахмурилась Маша.

– Ну ты что, конечно, нет, – улыбнулся брат. – Я заплатил вчера, и договорился, что приду за ними рано утром. Потому что хотел, чтобы розы действительно были свежими.

Маша сменила гнев на милость.

– Радик, ты неисправимый романтик! – она подбежала, порывисто обняла его, но тут же отпрянула, потому что вся его одежда, и волосы, и цветы были мокрыми от утреннего тумана. – Радик! Ты опять заболеть хочешь? А ну, быстро марш переодеваться!

Она взяла букет, поставила в вазу, потом схватила Радика за руку и потащила в его комнату, продолжая ворчать, что он, конечно, опять простудился, что ей не хватает только в свой день рождения нянчиться с больным. Сдёрнув с вешалки в его ванной большое махровое полотенце, Маша принялась вытирать волосы Радика, а он только улыбался, слушая ворчание сестры.

Потом Маша с Алёшкой отправились в школу, а Радик – в педагогический университет, где он учится на факультете физвоспитания на втором курсе. Радик шёл с Машей и Алёшей до школы, а там садился на автобус.

У школы Маша и Радик нежно прощались. Они всё еще играли влюбленных, несмотря на то, что в школе все уже знали, что они брат и сестра. Теперь Радик и Маша водили за нос однокурсниц Радика.

Мария и Алиса проводили мужей на работу и остались дома с трехлетней дочкой Алисы и Димы Леночкой. «Две матери с двумя дочерьми и бабушка с внучкой, сколько же нас всего?» – шутила Мария.

Оставшись втроём, две мамы, две дочки и бабушка с внучкой принялись готовить праздничный обед для именинницы и её гостей.

*

Вечером к Маше пришли все друзья и подруги, и юноши, и девушки. Уже три года она дружила и с теми, и с другими.

Праздник прошёл весело. Мария заметила, и, кстати, уже не впервые, что многие мальчики обращают внимание на Машу, так как за три года она стала настоящей красавицей. Но Мария так и не смогла вычислить того юношу, ради которого Маше захотелось стать похожей на девочку.

Поздно вечером Маша, Радик и Алёша вышли на крыльцо проводить гостей. Потом Алёшка убежал домой, его ждал толстый конверт с рисунками от Изабель.

Изабель и Алёшка развлекались тем, что посылали друг другу вместе с письмами рисунки, иллюстрирующие содержание письма. Алёшка разглядывал сначала рисунки, пытаясь угадать по ним, что написано в письме и очень веселился, если по рисункам получалось нечто абсолютно противоположное.

Маша и Радик остались стоять на крыльце.

– Чудесный вечер, – сказал Радик, глядя, как закат обрисовывает окраину города.

– Да, – согласилась Маша.

– Ну вот, тебе семнадцать, – проговорил Радик, и Маше показалось, что в его голосе проскользнула нотка грусти. – Ты стала совсем взрослой.

– Какая я взрослая, – махнула рукой Маша. – Ты в семнадцать лет уже в университет поступил, а я только одиннадцатый класс начала... Вот через год, когда мне будет восемнадцать, тогда действительно стану взрослой... Радик, скажи, а у тебя в универе есть девушка? – вдруг спросила она.

– Ты же знаешь, что нет. Там все уверены, что моя девушка – ты. Ты играешь мою девушку, забыла?

– Нет. Но, может быть, тебе кто-нибудь нравится? У вас в университете много красивых девушек.

– Много. Но такой, какая нужна мне, нет.

– А какая тебе нужна? – лукаво спросила Маша.

– Такая, как ты, – ответил брат, и она знала, что он ответит именно это.

– Тогда давай поженимся. Не сейчас, конечно, а через год, когда мне будет восемнадцать... Что ты на меня уставился? – удивилась она, увидев, какое у Радика стало лицо – растерянное и немного испуганное.

– Маша, ты лучшая девушка из всех, кого я знаю, – ответил он после недолгого молчания. – И я очень тебя люблю, но мы брат и сестра, мы не можем пожениться. Неужели ты так наивна, что не знаешь этого?

– Да знаю, знаю! – воскликнула Маша. – Но мы же не настоящие брат и сестра. У тебя был другой отец, у меня – другая мать. Генетически мы совсем не родственники!

– Маша, не имеет значения, настоящие мы брат и сестра, или нет. Мы считаемся ими, и поэтому не можем пожениться. Ни один ЗАГС не признает этот брак законным.

– Но это же несправедливо, мы не брат и сестра! – сказала Маша, чуть не плача.

– Я знаю, – ласково ответил Радик. – Я так же знаю, что ты – самая лучшая девушка на свете, и я очень тебя люблю. Я благодарил судьбу за то, что у меня есть такая сестра, а сейчас готов проклинать тот день, когда мы стали братом и сестрой. Как бы я хотел, чтобы ты не была моей сестрой... Но я не думал, что ты тоже этого хочешь...

– А если бы я не была твоей сестрой, мы могли бы пожениться? – спросила Маша.

– Конечно. Но мы не можем... не можем любить друг друга. Поэтому, Машенька, нам надо прекратить играть влюблённых. Я сожалею, что сам когда-то втянул тебя в эту игру, – сказал Радик с болью в голосе.

– А я не жалею, – чуть обиженно сказала Маша. – И что же ты так расстроился, если это всего лишь игра?

– Разве ты не видишь, что наша игра зашла слишком далеко? И разве ты не видишь, как мне хотелось бы, чтобы это была не игра? Но пойми меня правильно. Мы брат и сестра, и вести себя должны, как брат и сестра, иначе люди начнут о нас сплетничать.

– Давно уже сплетничают, – буркнула Маша. – Разве тебе не наплевать?

– Мне всё равно, что думают обо мне чужие люди. Но не всё равно, что они думают о тебе. К тому же сплетни рано или поздно дойдут до наших родителей. Мне не хотелось бы огорчать их. А тебе?

– Мне тоже, – согласилась Маша, и представила, как мама осуждающе смотрит на них, а папа говорит: «Как вам не стыдно! Вы же брат и сестра!» – Но они же знают, что мы просто играем! – добавила она. – Они не поверят сплетням!

– Но... это же правда, Маша, – тихо проговорил Радик. – Это уже не игра, это правда, мы любим друг друга не понарошку!

– И что ты предлагаешь? – растерянно спросила Маша.

– Я не знаю... Маш, извини... я тебя очень люблю, но я не знаю, что делать, не знаю! – голос Радика странно задрожал.

– Может, всё оставим, как есть? – неуверенно проговорила Маша. – Как будто продолжаем играть, а?

– Нет, теперь я так не смогу. Я понимаю, ты обижена... и мне нелегко, поверь!.. Боже мой, я говорю всё не то, всё не то!.. Ладно, давай закончим этот разговор, он всё равно ни к чему не приведет. Пойдём домой.

Они пожелали друг другу спокойной ночи и разошлись по своим комнатам.

Радик лёг, но уснуть не мог, думая о Маше. Она так изменилась за последние три года... Похорошела, стала грациозной, элегантной, все мальчишеские замашки исчезли. Глядя на неё, Радик часто жалел, что она его сестра. Когда они, разыгрывая влюбленных, делали вид, что целуются на улице под сомнительным прикрытием куста акации или афишной тумбы, ему хотелось обнять и поцеловать её по-настоящему... Но он не смел, потому что Маша его сестра, пусть и не родная. Обидно, в них же нет ни капли родственной крови! Радик любил Машу, и понимал, что любит совсем не как сестру. Сознать это было больно. А теперь, когда он узнал, что и она его любит не как брата, стало еще больнее. От мысли, что их любовь должна остаться тайной для всех, даже для самых близких людей, хотелось плакать.

Маша тоже не спала, думая о Радике. Она была так рада, когда узнала, что он ей вовсе не брат! Но оказывается, они всё равно не могут пожениться. Как несправедливо!..

Маше с детства нравился Радик, и она очень гордилась, что у неё такой умный и красивый брат. Но, взрослея, начала понимать, что это-то как раз и плохо, потому что ни один из мальчишек, с которыми дружила Маша, не мог сравниться с Радиком.

Маша узнала, что у него был другой отец, когда только научилась вникать в разговоры взрослых и мало-мальски понимать их. Мама и папа часто говорили о каком-то Алексее между собой и с Алисой и Радиком, и она поняла, что этот Алексей и был отцом Радика и Алисы. Но он давно умер.

А вот о настоящей матери Маши папа с мамой никогда не говорили, поэтому она считала Марию родной мамой и узнала, что у неё была другая мать, когда ей было почти четырнадцать лет. И очень обрадовалась, что Радик ей не брат, и можно любить его по-настоящему.

Играть влюбленных было интересно, хотя Радик и не догадывался, что для Маши это серьёзно. Это из-за него Маше захотелось стать похожей на девочку, чтобы игра выглядела более натурально, и чтобы никто даже не подумал бы сомневаться, что Радик мог влюбиться в Машу. А еще она надеялась, что он, в конце концов, на самом деле влюбится в нее по-настоящему.

И вот она теперь знает, что Радик тоже любит её, но всё равно они остались сестрой и братом.

Проснувшись утром и сойдя на кухню, Маша узнала, что Радик уже ушёл в университет.

– Так рано? – удивилась она.

– Я тоже удивилась, – ответила Мария. – Он сказал, что с сегодняшнего дня у него занятия начинаются на полчаса раньше.

– Понятно, – сказала Маша, с трудом скрывая разочарование.

– Он показался мне каким-то странным сегодня, – продолжала Мария. – Уж не влюбился ли твой братец, а, Машенька?

Мария лукаво улыбалась, и Маша выдавила из себя ответную улыбку, а сама подумала хмуро: «Никакой он мне не брат, а я ему не сестра».

Маша вдруг улыбнулась, но уже искренне. К ней вернулось хорошее настроение. Она поняла, что должна сделать. Сразу возник план, как перестать быть сестрой Радика. К сожалению, его нельзя выполнить мгновенно. Но Маша не сомневалась, что сможет осуществить задуманное, и неважно, сколько времени на это потребуется. В свой план она никого не посвятила, даже Радика, решив, что всё должна сделать сама.

*

Радик по-прежнему оставался лучшим другом Маши. Но во влюбленных они больше не играли. Сначала Маше было обидно, но потом она решила, что Радик поступил правильно, прекратив игру. Да, им обоим нравилось, и они не заметили, как игра перестала быть игрой, став частью их жизни. Маше нелегко было прекратить игру, а Радика – Маша видела это – еще труднее. Но одно дело – провести других людей, другое – обманывать самих себя. Некоторое время Радик и Маша даже избегали друг друга. Но вскоре поняли, что это невозможно. В конце концов, между ними установилась нежная дружба. Как между братом и сестрой.

Маша едва дождалась осенних каникул, чтобы поехать в Молому к бабушке и дедушке и, наконец, начать осуществлять свой план. Обычно Морозовы ездили в Молому все вместе, но в этот раз Маше пришлось довольствоваться только компанией младшего брата, так как у Радика осенью каникул не было. Алиса в этом году поступила в политехнический университет, и тоже не поехала. Мария осталась дома с внучкой Леночкой, а у Сергея и Димы, как всегда, была масса работы, и они уверяли, что раньше июля не освободятся.

А Маша была даже рада, что с ней едет только Алёшка. Он будет целыми днями пропадать на улице с деревенскими мальчишками, и не будет мешать старшей сестре заниматься своими делами. И она занялась ими сразу, как только приехала в деревню.

– Бабушка, а на ком был женат папа до мамы? – спросила Маша, как только Алёшка убежал на улицу, и они с бабушкой остались в доме одни.

– Машенька, зачем тебе это знать? – удивилась Зинаида Семеновна.

– Просто интересно. Я же знаю, за кем была мама замужем до папы. И про него тоже хочу знать.

– А почему не спросишь у самого папы?

– А потому, что он всё равно не скажет, – махнула рукой Маша. – Он подумает, что я интересуюсь его первой женой потому, что она моя настоящая мама. А мне просто любопытно, и всё.

– Ну, что я могу тебе сказать? – развела руками Зинаида Семеновна. – Нехорошая она женщина. Нехорошая. Жаль, что я сразу этого не разглядела, иначе не позволила бы твоему папе жениться на ней. А я такая дура была, что сама почти заставила его жениться...

– Никакая ты не дура, бабушка, – возразила Маша. – Если бы папа на ней не женился, я бы не родилась.

– И то правда, Машенька, – кивнула Зинаида Семеновна, и продолжила рассказ: – Сначала они хорошо жили. А потом, когда ты родилась, началось... Хорошо, что ты маленькая была, и ничего не помнишь. Не любила она тебя совсем, потому что сына ей хотелось, а не дочку. А потом она решила, что ты умственно отсталая, и всех остальных убедила в этом. Только твою маму, Марию, не удалось убедить. И вот, посмотри, какая ты выросла умница да красавица.

– Ну, а звали-то её как?

Маше, конечно, интересно было узнать, что настоящая мать считала её умственно отсталой, потому что до этого момента понятия об этом не имела. Но самое главное было узнать, как её сейчас зовут. Из своего свидетельства о рождении Маша знала, что зовут её Коновалова Галина Ивановна. Но она наверняка давно поменяла фамилию.

– Галина Дорофеева её звали. Галина Ивановна Дорофеева, – ответила бабушка. – А потом она Коновалова стала, когда за твоего папу замуж вышла.

– Звали? – дотошно переспросила Маша. – Она что, умерла?

– Да нет, что ты, – махнула рукой Зинаида Семеновна. – Просто я её лет десять уже не видела, с тех самых пор, как она в город жить переехала. Она, конечно, регулярно в Молому приезжает, к родителям, но мне не доводилось с ней встретиться. Да я и не горю желанием. Очень скандальная женщина. Правильно твой папа сделал, что ушёл от неё, и тебя забрал.

– Не сомневаюсь в этом. А в какой город она уехала?

– В Киров, конечно, куда же еще. Там она, кажется, снова замуж вышла, и даже не один раз. Но, может, это всё сплетни, а я их не больно слушаю.

– Спасибо, бабушка, больше мне про неё ничего знать не хочется. Я пойду в село, в магазин. Что надо купить?

Хотя Маша сказала, что ничего больше не хочет знать про Галину Дорофееву, это было не так. Она не узнала и трети того, что нужно, но расспрашивать и дальше бабушку – значит, возбуждать подозрения. Поэтому Маша решила пойти в село и расспросить о Галине каких-нибудь старушек, которые вечно сидят на скамейках и судачат.

Но когда Маша шла по селу, не увидела ни одной старушки.

«Как же я не подумала, что сейчас не месяц май, и на скамейках сидеть холодно», – мысленно усмехнулась она, и пошла в магазин.

В магазине была очередь за хлебом, который еще не подвезли из пекарни, находившейся на краю села. Маша увидела, что все сельские старушки здесь, и пришли сюда не потому, что боятся, что им не достанется хлеба, а потому, что дома скучно, а на улице сплетничать холодно.

Маша не привыкла стоять в очередях, но осталась в магазине, надеясь услышать что-нибудь полезное для себя. И не ошиблась. Среди неясного гула разговоров она вдруг услышала, как одна бабка сказала другой:

– Слышала ли новость про Галину-то Коновалову?

– Может, и слышала. А что за новость?

Остальные разговоры сразу притихли. Маша тоже вся превратилась в слух.

– Говорят, она уже с третьим мужем развелась.

– Да что ты?

– Да, да. От самой Татьяны Дорофеевой слышала! Мать врать про дочь не станет!

– А когда слышала-то?

– Да на днях. На почте она с Галиной разговаривала по телефону. А я зашла открытку внуку с днём рождения отправить... Галина-то не дура, с умом замуж выходила, и с умом разводилась. Вон, Сергей-то Коновалов, квартиру, мебель, всё ей оставил. Она продала, кучу денег огребла. У второго при разводе машину отсудила, у третьего квартиру оттяпала.

– Ну, Галина своего не упустит, – сказала третья бабка, и если в голосе первой сквозило восхищение изворотливостью Галины, то в голосе этой слышалось презрение. – В прошлом году, помните, приезжала? Вся в золоте, брильянтах, и духами французскими воняет за полверсты. И машина у неё как-то не по-русски называется... забыла, как... «Фоквагон» какой-то.

– «Фольксваген», – машинально поправила Маша.

– Да, да, – закивала бабка, и с любопытством взглянула на девушку. – Я и говорю, «Фоквагон». А ты, девочка, чья будешь?

Маша поняла, что напрасно вклинилась в разговор. Она совсем не хотела, чтобы все узнали, что она и есть дочь этой самой Галины. Маша приготовилась уже соврать что-нибудь, но тут к магазину подъехал фургон с хлебом, очередь заволновалась, и она под шумок скрылась.

Теперь Маша каждый день приходила в магазин, вставала где-нибудь в уголке и слушала сплетни. Галина Ивановна Коновалова оказалась такой популярной личностью в родном селе,

что редкий день обходился без разговоров про неё. Маша почти каждый день узнавала что-нибудь новенькое, иногда такое, что даже краснела, спрятав лицо в тени капюшона, и считала за счастье, что незнакома с ней.

Итак, Маша узнала, что её настоящая мама живет в Кирове, имеет автомобиль «Фольксваген» и трехкомнатную квартиру, что она достаточно богата, и приезжает каждое лето хвастать своим богатством перед односельчанами. Что она три раза была замужем, а теперь опять свободна. И что детей, кроме дочери, которая живет с её первым мужем, у Галины нет.

Но никто не знает, где она работает, и на какие средства так роскошно живёт. Некоторые бабки из очереди считали, что её обеспечивает первый муж, Сергей Коновалов, который имеет в городе преуспевающую мебельную фирму, другие уверяли, что Галина живёт на проценты с капитала, полученного от продажи квартиры в Моломе. Маша понимала, что всё это неправда. Если бы Сергей содержал Галину, она знала бы. Ну, а за квартиру в провинции большого капитала не выручишь. Но была еще третья версия, которой Маша склонна была верить: у Галины коммерческий бизнес на рынке. Не сама, конечно, торгует, а только руководит группой продавцов и снабжает их товаром, который привозят из-за границы шоп-туристы, так же нанимаемые Галиной.

Конечно, это были ценные сведения о Галине, но они не приближали Машу к цели: она так и не узнала адреса матери. Поэтому продолжала ходить в магазин и слушать сплетни, уже благоразумно не ввязываясь в разговоры старушек.

Однажды спор, откуда Галина берет деньги на красивую жизнь, в очереди за хлебом разгорелся не на шутку. Бабки разделились на три группы, и всевозможными способами доказывали правоту своей версии. В магазине стоял такой шум, что Маша с трудом ухитрилась что-либо понимать.

– Да Серёжа это, Серёжа! – доказывала одна бабка. – Он и сам живет неплохо, а Галина всё-таки мать его дочери, и он не позволит ей голодать! Не зря же в девяносто третьем он сам увёз её из Моломы вместе со своей семьей!

– Когда это, когда? – завозмущались бабки из противоположных группировок.

– Да когда Серёжа первый раз приезжал со своей второй женой, помните? В то лето еще гараж сгорел. Ну, вспомнили? Так вот, я сама видела, как он остановился около её дома, Галя сбегала за чемоданом и села к нему в машину!

«Так это была она!» – чуть не воскликнула Маша во весь голос.

Она хорошо помнила полную темноволосую женщину, напросившуюся ехать с ними в город. Помнила, что Дима подвез попутчицу к дому её тети, но вот к какому дому, как ни старалась, вспомнить не могла.

Маша помнила многое: девятиэтажный дом, двор, голубую скамейку у подъезда, на которой были вырезаны череп и скрещённые кости, смешную игрушечную обезьянку в окне первого этажа, и роскошного белого кота, который лениво умывался на ступеньках крыльца. Но дороги к дому не помнила. И неудивительно, прошло больше одиннадцати лет, ей тогда было всего пять, и она не пыталась запоминать дорогу. Не знала же, что от этого будет зависеть её счастье!

Маша пыталась вспомнить дорогу, пока стояла в очереди, пока шла из села в деревню, и потом до самого вечера. Увы, все усилия были напрасны.

*

Каникулы закончились, Маша с Алёшкой вернулись домой. Маша вернулась грустная, так как решительно не знала, как продолжить поиски матери.

Она часами бродила по улицам города, заходила во дворы, пытаясь узнать тот самый. Разыскивала череп и кости на скамейках и понимала, чтобы обойти все дворы в городе, понадобится лет пять. И не факт, что сможет найти тот двор... А может, уже была в нём, но скамейку заменили, и она его не узнала.

Маша так часто думала, как найти тётю Галины, что этот двор, в который они привезли Галину одиннадцать лет назад, стал ей сниться. Вот они подъезжают к девятиэтажке, въезжают во двор, останавливаются у подъезда... Галина и мама выходят и о чем-то разговаривают, а Маша от нечего делать рассматривает то, что видит из окна: череп и кости на голубой скамейке, смешную обезьянку в окне первого этажа и белого кота на крыльце.

Однажды, Маша, в очередной раз увидев этот сон, проснулась в возбуждении: во сне она вспомнила, что на доме со стороны улицы была какая-то вывеска с крупными буквами. Тогда Маша еще не умела читать, но сейчас, через столько лет, поняла, что было написано на вывеске: «БИБЛИОТЕКА»!

И она методично принялась обходить окрестности всех библиотек города.

Вскоре Маша нашла ту самую библиотеку, и тот самый двор. Скамейка с черепом и костями была цела, но была уже не голубая, а зелёная. Осталось только узнать, живет ли еще в этом доме тётя Галины.

Каждый день Маша приходила в этот двор, садилась на скамейку в небольшом скверике, и наблюдала за подъездом, надеясь, что Галина не слишком редко навещает свою тётю. Узнать её Маша собиралась по «Фольксвагену».

А между тем осень плавно перешла в зиму. Но Маша всё равно приходила в этот двор каждый день, как на работу.

На зимних каникулах Радик уехал на практику в детский спортивный лагерь в качестве вожатого. Алёшка уехал с ним.

Терпение Маши увенчалось успехом, как раз, когда начались зимние каникулы. К дому подъехал «Фольксваген» и остановился у того самого подъезда. Но Маша сидела так далеко, что не смогла разглядеть, кто вышел из машины. Ясно было только, что это женщина.

Маша подошла к двум старушкам, стоявшим у подъезда, и спросила:

– Здравствуйте, скажите, пожалуйста, вы, не знаете, к кому приехала эта женщина на иномарке?

– Да как не знать, знаем, – ответила одна старушка. – К Клавдии Журавлевой, племянница её. Такая фифа, раскрашенная, расфуфыренная, никогда не поздоровается.

– А Клавдия-то и рада, вон какая у неё племянница видная, – добавила вторая. – А на самом деле – ничего особенного. Приехала сюда десять лет назад с одним чемоданчиком. А теперь гордая стала, нам не чета.

Маша поняла, что её мать и здесь личность небезызвестная. Увидев, что старушки занялись перебиванием костей Галины между собой, Маша потихоньку ретировалась, потому что узнала всё, что хотела. Когда «Фольксваген» уехал, она подошла к подъезду, посмотрела список жильцов, нашла квартиру, в которой живет Журавлева К.А., подошла к двери и позвонила.

Дверь открыла пожилая женщина. Она с удивлением взглянула на Машу и не откинула цепочку.

– Здравствуйте, – сказала Маша. – Я ищу Галину Ивановну Коновалову. Вы не подскажете, где она живёт?

– А зачем тебе? – подозрительно спросила женщина.

– Понимаете, моя мама – школьная подруга Галины Ивановны. Но мы уже не живём в Молоте, и мама давно с ней не виделась, – начала объяснять Маша. – Мама не знает её нового адреса, а ваш знает. А я в город по делам приехала, и мама сказала, что я могу остановиться у Галины Ивановны, а найти её могу через вас. Вот, мама ей даже записку написала.

Маша с готовностью полезла в карман за несуществующей запиской.

Это действие убедило тётю Галины, что Маша действительно провинциальная девушка, приехавшая в город по делам, а не обманщица и грабительница, пользующаяся доверчивостью пожилых людей.

– Ах, дорогая, ты опоздала всего на несколько минут, – сказала тётя Галины. – Галя только что уехала. Ну, ничего, доедешь на автобусе, я тебе объясню дорогу. Вот адрес: проспект Строителей, дом пятьдесят три, квартира сто тридцать пять.

Женщина принялась подробно объяснять, как туда добраться, а Маша слушала, постукивая каблучком от нетерпения, потому что отлично знала город, и могла найти этот адрес без всяких объяснений. Но, чтобы не возбуждать подозрений, выслушала всё, делая вид, что внимательно слушает.

Наконец тётя Галины закончила объяснения и спросила:

– Ну, как, запомнила?

– Да. Спасибо! До свидания! – воскликнула Маша и убежала, прыгая через три ступеньки.

Через полчаса она вошла во двор дома номер пятьдесят три по проспекту Строителей. «Фольксваген» стоял у подъезда, и Маша поняла, что Галина дома.

Она решительно открыла дверь подъезда и зашагала по ступенькам вверх. Но чем ближе подходила к двери квартиры под номером сто тридцать пять, тем меньше оставалось решимости и желания видеть мать.

«От этого зависит, будем мы когда-нибудь с Радиком вместе, или нет», – мысленно сказала себе Маша, и уверенно позвонила в дверь.

В ответ на звонок в прихожей раздался залиvistый лай, потом дверь приоткрылась на длину цепочки. Маша увидела в щель симпатичную черноволосую женщину, совсем не похожую на ту, которую они подвозили одиннадцать лет назад. Эта была не толстая, а очень даже стройная, и выглядела не больше, чем на тридцать, хотя по разговорам бабок в молотском магазине ей должно быть около сорока. В руках женщина держала маленькую чёрную собачку с большими, торчащими в разные стороны ушами, глазами навывкате и тонкими лапками. Собачка была меньше кошки, но смело продолжала гавкать на Машу, несмотря на то, что хозяйка повторяла: «Фу, Дези, фу!»

– Здравствуйте... извините, – растерянно произнесла Маша, решив, что, наверное, ошиблась домом, или тётка Галины дала неправильный адрес.

– Девушка, у меня нет макулатуры, – недружелюбно ответила дама с собачкой. – Я не покупаю календари и гороскопы, и у меня нет поношенной одежды для неимущих!

Она хотела было захлопнуть дверь, но Маша подставила ногу, разозленная такой отповедью, и сказала в том же тоне:

– Я не собираю макулатуру и одежду для неимущих, и не продаю календарики и гороскопы. Я пришла по другому делу. Вы – Галина Ивановна Коновалова?

– Галина Ивановна Лисецкая, – свысока ответила женщина. – Но в далеком прошлом Коновалова. А ты кто такая, и что тебе нужно?

Маше не понравился высокомерный тон хозяйки квартиры, она решила, что ей, как дочери Галины, следует разговаривать так же. И сказала с усмешкой:

– Мне много чего нужно. Потому что я – ваша дочь. Прошу любить и жаловать. Долго вы еще собираетесь держать меня под дверью?

– До... дочь? – заикаясь от изумления, проговорила Галина. Она и думать забыла, что у неё когда-то была дочь, и практически никогда о ней не вспоминала. Ну, а в то, что дочь добровольно пришла к ней, не могла поверить. – Дочь? Моя дочь? Докажи!

– Посмотрите на меня повнимательнее, мамочка, – сказала Маша сладким голосом. – Вы должны узнать свою любимую доченьку.

Галина хотела захлопнуть дверь перед носом этой наглой девицы, но, во-первых, Маша всё еще держала дверь ногой, а во-вторых, что-то в лице, во взгляде этой девушки напомнило Сергея, и у неё промелькнула мысль: «А вдруг это и правда она?»

Откинув цепочку, Галина сказала сухо:

– Заходи.

Маша вошла в прихожую, оклеенную дорогими обоями. В приоткрытой двери большой комнаты виднелась модная стенка и телевизор с большим экраном.

Галина опустила лающую собачонку на пол, ногой задвинула её в кухню и закрыла дверь. Потом жестом пригласила Машу войти в комнату.

Маша сняла шубу и шапку, вошла в гостиную и села на диван, критическим взглядом окидывая обстановку. Комната была обставлена с претензиями на роскошь. Здесь было много дорогих вещей: ковры, диван и кресла с велюровой обивкой, фарфор и хрусталь на полках серванта, инкрустированный журнальный столик, настольная лампа с фонтаном... В гостиной дома Морозовых не было и половины вещей, находившихся в этой комнате, и хотя их гостиная была в два раза больше, всё равно там было намного уютнее.

Галина села напротив Маши на стул.

– Как тебя зовут? – начала допрос Галина. Голос был сух и подозрителен.

– Мария Сергеевна Морозова.

– Когда ты родилась?

– Девятого сентября тысяча девятьсот восемьдесят седьмого года.

– Где?

– В родильном отделении Опаринской районной больницы, и первые почти два года жизни провела в селе Молома по адресу улица Центральная дом семь, квартира один.

– Как зовут твоего отца?

– Сергей Борисович Морозов, в прошлом Коновалов. Родился тринадцатого марта тысяча девятьсот шестьдесят первого года, женился на вас в декабре тысяча девятьсот восемьдесят шестого, развелся в ноябре тысяча девятьсот восемьдесят девятого, – без запинки отчеканила Маша. – Что еще вас интересует?

Галина понимала, что если эта девушка не её дочь, а авантюристка, решившая таким образом вытягивать из Галины деньги, то она неплохо осведомлена. Но если она настоящая дочь, как это проверить?..

«По особым приметам, конечно!» – догадалась она. Но, как назло, ничего такого не могла вспомнить. Её дочь была ребёнок, как ребёнок, ничего необычного...

И вдруг вспомнила! У Мери было родимое пятно, сзади, в ложбинке над первым шейным позвонком! Такое светло-коричневое, формой похожее на каплю. Галя, заметила его, когда Маше не исполнилось и трёх месяцев, и на голове почти не было волос. Сначала она приняла пятно за грязь, и пыталась оттереть. А потом оно всё время было скрыто волосами, и Маша сама может не знать о нём.

– Покажи шею сзади, – сказала Галина.

– Зачем? – удивилась Маша, но опустила голову и откинула волосы. – Пожалуйста.

Галина увидела родимое пятно. Все сомнения отпали. Это действительно её дочь. И она очень красива. Глядя на девушку, Галина с каждым мгновением находила в ней всё больше и больше сходства с Сергеем. Но было и что-то от неё, и в сердце шевельнулось тёплое чувство к дочери.

– Я верю тебе... Маша, – Галина почему-то с трудом назвала дочь по имени, возможно потому, что оно никогда ей не нравилось: – Ты моя дочь.

Маша заметила, как надменно-холодный взгляд Галины потеплел. А она смотрела на мать, зная, что эта женщина родила её, но не чувствовала к ней ничего. Ни симпатии, ни отвращения.

– Ты... искала меня? – со скрытым волнением спросила Галина. Тон её голоса стал мягче.

– Да. Искала.

– Доченька моя, дай, я тебя обниму! – воскликнула Галина, поднимаясь со стула.

– О, нет, не надо, я пришла сюда не за этим, – холодно ответила Маша, отстраняя Галину рукой, и та плюхнулась обратно на стул. – Мы чужие люди, и я могу прямо сказать, что у меня

к вам нет никаких родственных чувств. Моя мама – Мария Морозова, а потому оставьте свои нежности.

– Но, доченька... Машенька... – растерялась Галина. – Ведь ты зачем-то искала меня?

– Да, искала, но не потому, что мне дома не хватает любви и ласки, – ответила Маша. – Мне нужно от вас совсем другое. И не называйте, пожалуйста, меня дочкой! – раздражённо добавила она.

– Что же ты хочешь, до... Маша? Я для тебя сделаю всё, всё, что пожелаешь! Может, нужны деньги? У меня есть, я дам. Сколько тебе нужно?

– Нет, денег не нужно. Мне нужно некоторое время пожить у вас.

– Пожить? – это обрадовало Галину, потому что, в сущности, она была очень одинока. – Конечно, пожалуйста, живи, сколько угодно!

– Нет, не сколько угодно, а только восемь месяцев, до моего восемнадцатилетия, – возразила Маша. – И это еще не всё. Видите ли... мне нужно сменить паспорт. Я хочу носить вашу фамилию.

– Мою фамилию? – Галина обрадовалась еще больше. – Какую? Мою прежнюю, или ту, что я ношу сейчас?

– Мне всё равно, – равнодушно ответила Маша. – Лишь бы эта фамилия была не Морозова. И еще я хочу, чтобы никто не знал, что я живу у вас. Особенно мои родители. Вас устраивают мои условия?

– Конечно, конечно! – закивала Галина. – Всё будет так, как ты хочешь. Когда ты ко мне переедешь?

– В понедельник. До свидания.

Маша встала с дивана и вышла из квартиры, так быстро, что Галина едва успела встать со стула. Она выбежала в прихожую, распахнула дверь на площадку, но перестук Машиных каблучков уже раздавался далеко внизу. Галина вернулась в квартиру.

«Моя дочь... моя дочь, – думала она, возбужденно меряя комнату шагами. Какая взрослая, красивая, решительная... в меня! О, её мне послала сама судьба! Пусть она говорит, что ничего ко мне не чувствует, но я завоюю её любовь! Вне всяких сомнений, девочка крупно поссорила с родителями. Я обязана воспользоваться этим. Я окружу её такой заботой, таким вниманием, такой любовью, что через восемь месяцев ей не захочется возвращаться к отцу... Она была лишена материнской любви столько лет, сейчас я воздам за эти годы. Ведь она сама вспомнила обо мне! Сама пришла! Она полюбит меня, непременно полюбит! Я всё для этого сделаю! А потом возможно, и Сергей, увидев, как я люблю его... то есть нашу дочь, а она – меня, захочет ко мне вернуться!»

Галина вспомнила, как когда-то сказала Марии, что станет богатой и красивой, и отберёт у неё мужа. Приехав в город и устроившись на работу, она начала посещать спортзал, бассейн и косметические салоны, и уже через два года обрела прежние стройные формы. Мужчины стали заглядываться на неё.

Когда Сергей ушёл от Галины и увёз с собой дочь, у неё, конечно, были другие мужчины. Но ни у одного не было серьёзных намерений. А когда она начала полнеть и всё меньше обращать внимания на то, как выглядит, и те потихоньку исчезли один за другим. Да еще её дебилы-братья половину мужчин распугали. Как узнают, что она начала с кем-то встречаться, так приставят нож к горлу этого мужчины и требуют жениться на их сестре. И он после такого прессинга в сторону Галины даже смотреть боится.

Впрочем, те деревенские мужики не очень-то и нужны были Галине. Втайне она всегда надеялась, что завтра дверь откроется, она увидит на пороге Сергея, и он скажет:

– Галинка, я вернулся к тебе. Насовсем.

Но дни шли за днями, наступало очередное завтра, а Сергей не появлялся.

Когда Галя снова стала стройной и симпатичной, даже пожалела, что столько времени потратила на ожидание. Давно надо было уехать из села и начать новую жизнь. «Где эта Машка раньше была со своими советами», – раздражённо думала она, с неохотой признавая, что Мария была права, когда сказала, что Галя не на то тратит свою жизнь.

Получив предложение выйти замуж, она согласилась, не раздумывая – жених был не урод, и вполне обеспечен. Но жить с ним всю жизнь Галя не планировала, через три года развелась. Имущество поделили, ей достались комната в коммуналке и машина.

Потом Галина уже целенаправленно начала «ловить» богатого «лоха», а поймав, сумела влюбить его в себя так, что он всё имущество и деньги переписал на неё. Впрочем, как потом стало понятно, любовью тут и не пахло: просто новоиспечённый муж таким способом хотел сохранить имущество от конфискации. Имущество-то он сохранил, а вот от тюрьмы не ушёл, и когда его посадили за какие-то махинации с вверенными ему государственными ценностями, Галина с чистой совестью развелась с ним и всё имущество и деньги оставила себе. Свою коммуналку и двухкомнатную квартиру бывшего мужа поменяла на трехкомнатную, и стала свободной интересной женщиной с квартирой и машиной. Но богатой Галина себя всё-таки не чувствовала, а потому все деньги бывшего мужа вложила в рыночный бизнес, который приносил хотя и небольшую, но прибыль. Больше Галя замуж не стремилась, хотелось быть свободной на тот момент, когда она всё-таки встретится с Сергеем.

Путь к богатству несколько затянулся, но Галина всегда мечтала, как однажды случайно встретит Сергея. Например, в театре. Как он обомлеет, увидев её, красивую и роскошно одетую, и его жена покажется ему серой мышкой в сравнении с ней. Галина всегда живо представляла себе эту сцену: вот она, красивая, вся в мехах и золоте, пройдёт, направляясь в свою ложу, мимо Сергея и Марии, скромно стоящих у колонны в фойе.

– Галя, ты? – изумленно скажет ей вслед Сергей, а она царственно обернется, ответит:

– Да, Серёжа, это я, – и пойдёт дальше.

– Галя, подожди! – он бросится за ней, не слушая истошных криков Марии:

– Серёжа, вернись сейчас же! Сейчас же вернись!..

Но он даже не оглянется. Они будут сидеть в ложе вдвоём, совсем не глядя на сцену. Галина расскажет, чего она добилась за эти годы, а он скажет:

– Галинка, прости, что ушёл от тебя. Оказывается, я тебя до сих пор люблю.

– И я тебя до сих пор люблю, – ответит она.

Теперь Галина представляла немного другую сцену: она с дочкой идёт по улице, они разговаривают и весело смеются. И вдруг сталкиваются с Сергеем.

– Маша! – скажет он. – Где ты пропадаешь? Мы уже целый месяц ищем тебя! Мама каждый день плачет, сходит с ума!

– Вот моя мама, – ответит Маша, указав на Галину. – И другой мамы мне не надо. И вообще, меня теперь зовут по-другому, я поменяла имя и фамилию. Я теперь Розамунда Лисецкая.

– Галя, ты? – изумленно спросит Сергей, взглянув на Галину, и, наконец, узнав её.

– Да, это я, – небрежно ответит она. – Пойдём, Розамундочка, нам пора.

– Папа, мы с мамой идем на рынок, покупать мне новую шубу, – скажет Маша... то есть Розамунда. – Если хочешь, можешь пойти с нами.

– Да, Серёжа, идём, если хочешь, – кивнет Галина, и он пойдёт с ними.

И они пойдут и купят дочери новую шубу, и еще сапожки, и шапочку, и крутой мобильный телефон, потом пойдут в ресторан.

– Знаешь, Галя, – скажет Сергей. – Я был неправ, что в свое время не дал тебе назвать дочку Розамундой. Это имя ей так идёт!

А потом они вернутся домой. Сергей будет удивленно смотреть вокруг, на ковры и хрусталь, и спросит:

– Это что, ты всё сама заработала?

– Конечно сама, – ответит она. – Кто мог мне помогать, ты же меня бросил.

А он скажет:

– Прости, я так ошибался... Галя, я тебя недооценивал. Как я мог столько лет жить с другой, когда ты... такая потрясающая женщина!

– Да, я такая, – ответит она. – И я тебя прощаю. Потому что до сих пор люблю.

– Я тоже тебя люблю, – скажет Сергей.

А дочь скажет им:

– Спокойной ночи, мамочка, папочка, – и уйдёт в свою комнату.

Тогда Галя возьмёт Сергея за руку и скажет:

– Пойдём в мою спальню, Серёжа.

– В нашу спальню, – поправит он.

А дома его будет ждать безутешная Мария. Не дожидется...

Конечно, Галина предполагала, что всё может произойти и не так, а совершенно по другому сценарию, их много роилось в голове. Но, в конечном счёте, всё равно Сергей и Маша оставались с ней.

«Я сделаю всё, чтобы моя мечта осуществилась», – решила Галина, и принялась готовить комнату для дочери.

Из трех комнат она выбрала самую лучшую, светлую, солнечную, и остаток недели мыла, убирала, переставляла мебель, переносила в комнату дочери те вещи, которые, по её мнению, должны были понравиться Маше.

*

А Маша, вернувшись домой, сообщила родителям, что хочет перейти в другую школу, с углубленным изучением биологии, так как собирается поступать в медицинский институт. Мама и папа ничего против не имели. Мама предложила помочь перевести документы из одной школы в другую, но Маша сказала, что справится сама. На следующий же день, это была пятница, она сходила в школу и забрала свои документы. Маме сказала, что отнесла их в одну школу, а на самом деле – совсем в другую. В воскресенье съездила к братьям в лагерь. Она старалась казаться весёлой и беззаботной, но всё же у Радика возникло ощущение, словно Маша прощается с ними.

– Маш, ты чем-то озабочена? – спросил Радик.

– Ничем, тебе показалось, – быстро ответила она, поспешила попрощаться и уехать в город, испугавшись, как бы проницательный брат не догадался о её намерениях.

Вечером, когда вся семья еще сидела в гостиной, Маша сказала, что устала и пойдет спать пораньше. Она поднялась в свою комнату и достала из антресолей чемодан. В него сложила документы: свидетельство о рождении, паспорт, деньги, которые копила полгода, с тех самых пор, как придумала свой план, и которых, как она рассчитывала, хватит на первое время, а потом что-нибудь придумает, зубную щётку, полотенце, и другие необходимые вещи. А когда в чемодане еще осталось место, положила мягкую игрушку, своего любимого котенка, которого ей подарил папа на четырнадцать лет. Потом написала по письму маме, папе и Алисе, а Радика и Алёшке набрала SMS, но не отправила, потому что с окраины города, где стоял дом Морозовых, это было невозможно: лагерь находился в таком месте, где сотовая связь брала плохо. Но Маша знала места в городе, откуда можно связаться вполне стабильно.

Маша занималась посланиями родным весь вечер и половину ночи. Письма для мамы и папы оставила на кухне на столе, а письмо для Алисы подсунула под дверь её комнаты. Рано утром, когда на улице еще было темно, взяла чемодан и тихо вышла из дома. Она шла так осторожно, что не скрипнула ни одна половица. Маше очень не хотелось уходить, и эти восемь месяцев, которые она решила прожить вне дома, казались вечностью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.